

Рукопись

**Международный
литературно-художественный
альманах**

№ 22

Ростов-на-Дону
2014

ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Р84

**Альманах издается
на средства
из Фонда
поэта и музыканта
Ильи КОРОПА**

Главный редактор
И. А. ЕЛИСЕЕВ
Художественный редактор
А. Г. Муслех
Ответственный секретарь
И. А. Богатырев

Редакционный совет:
Лола Звонарева
(Москва)
Наталья Стремитина
(Австрия)
Димитрис Яламас
(Греция)
Кришна Пракаш Шрестха
(Москва)
Мустафа Тукай
(Албания)
Владимир Лещенко
(Германия)
Александр Соколов (Кацо)
(Нью-Йорк)
Любовь Рубанова
(Ростов-на-Дону)
Артур Паулино Ланга
(Мозамбик)
Сергей Хоршев-Ольховский
(Великобритания)
Чандра Канта Ачарья
(Непал)

ISBN 978-5-86216-236-3

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

© Авторы, 2014

Рукопись
Литературно-художественный альманах
№ 22

Подписано в печать 17.11.2014.
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 11,16. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Гарнитура NewtonС. Тираж 500 экз.
Цена свободная.

Отпечатано в типографии LUCKY PACK
Ростов-на-Дону ул. Мечникова, 112
тел. (863) 256-77-90, 256-77-40

СЛОВО РЕДАКТОРА

14 лет назад вышел в свет первый номер альманаха «Рукопись». Задуман он был как альтернатива тому литературному процессу, который сложился в те годы после распада Советского Союза.

За это время к читателю смогли обратиться сотни авторов со всех уголков не только России («от Москвы до самых до окраин»), но и других стран — Мозамбика, Республики Кабо-Верде, Йемена, Непала, Армении, Великобритании, Албании, США и многих др.

Несколько слов о себе.

Выпустил в свет книги стихов «Траектория памяти» (Ростиздат, 1987), «Преданность» (Москва, 1990), «Идущий путем заката» (Ростов н/Д, 1996), «Славянские руны» (Ростов н/Д, 1997), «Поднялся ветер» (Ростов н/Д, 2000), «Мыс Рока» (Ростов н/Д, 2005), «Меж небом и адом» (Ростов н/Д, 2009), «Избранное» (Ростов н/Д, 2012), «Стихи сестре» (Ростов н/Д, 2013).

Кроме того, изданы книга сказок «Хитрый Петр» (пер. с сербскохорв., 1990), «Перевалы Западного Кавказа» (описание спортивных маршрутов) (Ростов н/Д, 2001 и 2007), книга стихов в моих переводах народного поэта Ингушетии Магомеда Вышегурова (2004).

В мае 2000 г. на Всероссийском конкурсе в рамках 67-го Всемирного конгресса ПЕН Клуба под эгидой ЮНЕСКО стал лауреатом.

Стихи переводились на английский, чувашский, карачаевский, ингушский, болгарский, непали языки.

В 2013 г. в московском издательстве «ИНФРА-М» вышел «Словарь аббревиатур испанского языка», впервые в России. Сейчас в этом же издательстве готовится к печати мой «Словарь аббревиатур и акронимов русского языка».

Лауреат XI Артиады народов России в номинации «Литература. Лига мастеров. Гильдия профессионалов»; XIII Артиады — за цикл поэтических переводов с непальского и сербского языков. Обладатель Почетного диплома за активное участие в переводе непальских стихотворных форм и издание двуязычного сборника

стихов, посвященного юбилею великого непальского поэта-пионера Бханубхакты Ачарьи (2014).

Член Петровской академии наук и искусств; Союза писателей России и Союза писателей Москвы.

Естественно, это не все мои достоинства и недостатки.

Хочу еще сказать, что альманах распространяется по всей России, а также рассылается более чем в 30 стран мира. В редакцию приходят многочисленные отзывы, в основном положительные, на публикуемые произведения.

А желающие участвовать в альманахе «Рукопись» могут звонить по тел. **8-928-213-4271** или писать на эл. адрес: **iaerost@mail.ru**

Рассылки альманаха: Австрия Албания Аргентина Бельгия Болгария Великобритания Венгрия Венесуэла Вьетнам Германия Греция Дания Египет Индия Иордания Италия Китай Корея Куба Мексика Мозамбик Норвегия Непал Польша Словения США Франция Черногория Чехия Чили Шри Ланка Япония; библиотеки Ростова н/Д, региональные отделения Союза писателей России.

Культура
История
Политика

Кришна Пракаш ШРЕСТХА

Лауреат престижной литературной премии Непала «Джагадамба-шри» (2003).

Автор многих книг по культуре, политике, литературе, мифологии Непала на русском языке и на непали. Издал «Словарь топонимии Непала» (1987) на языке непали. Составитель и редактор сборников и статей российских и непальских авторов. Десятки произведений русских писателей и поэтов, включая детскую литературу, опубликованы им на языке непали, а труды непальских авторов — на русском.

(Окончание. Начало в № 20)

5. ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ «ЕДИНСТВЕННОЕ В МИРЕ ИНДУИСТСКОЕ ГОСУДАРСТВО» И ОТМЕНА КАСТОВОЙ СИСТЕМЫ В НЕПАЛЕ (1961–1990)

Положение Непала как индуистского государства чётко было зафиксировано только в Конституции Непала, дарованной королём Махендрой в 1962 г., установившей в стране так называемую «панчаятскую систему демократии под эгидой короля». Эта Конституция с периодическими поправками действовала до 1990 г. Тем не менее действующий более столетия «Мулуки-аин» («Свод законов») был заменён новым, в котором коренным образом были изменены все положения в соответствии с требованиями нового времени. Главное изменение состояло в равенстве всех каст перед законом, что означало фактическую ликвидацию кастовой системы, обеспечивало равное наказание за одинаковое преступление, совершенное представителями разной касты. Новый «Мулуки-аин» с внесением необходимых поправок провозглашал равенство человека перед законом, невзирая на касты и вероисповедание¹.

Вот что говорится в преамбуле нового «Мулуки-аин»: «Невозможно стало соблюдать всю практику поведения согласно трак-

¹ Кстати, это положение предоставило возможность казнить маитхилского брахмана Джха за попытку покушения на жизнь короля Махендры во время его визита в Джанакпур.

татам шастры со временем, и с целью, чтобы все были наказаны одинаково по совершенному преступлению, ... исправлены статьи «Мулуки-аина», действовавшего с 1853 г. (1910 ВС, пауза бади 7), и добавлены некоторые положения в соответствии с современными политическими, экономическими и социальными реалиями настоящего времени, с великой целью установления вечного покоя и порядка в королевстве Непал и также взаимопонимания между разными сословиями, кастами, национальностями и регионами... Мы, Наше Величество Махендра Бир Бикрам Шах Дева, издали настоящий закон согласно статье 93 Конституции Непала»¹.

Благодаря отмене кастовой системы «Мулуки-аин» в новой редакции был резко сокращен (всего 225 страниц в одной книге), и остались лишь 19 глав, хотя они по-прежнему разделены на пять частей. Все положения основополагающего закона четко оформлены и изложены на современном языке. Здесь я приведу статью о религии, которая интересует нас больше всего. Первая статья 19-й главы («Адалко») гласит так: «Запрещено пропагандировать христианство, ислам и другие религии таким образом, чтобы нанести урон существующей религии, исповедуемой последователями индуизма в Непале или кого-либо среди индуистов обратить в другую религию. Попытка такого действия карается тюремным заключением на 3 года, а если совершено действие — то 6 лет тюремного заключения. Если совершающий такое преступление окажется иностранным гражданином, то высылается за пределы Непала. Тот, кто среди последователей индуизма принимает одну из вышеуказанных религий, отказавшись от своей религии, будет посажен в тюрьму на год, а если этот человек иностранный гражданин, то его выселяют за пределы Непала. За попытку превратить религию, надлежит штраф в размере сто рупий. Переход последователя индуизма в иную религию аннулируется, и такой человек остаётся в своей религии индуизма»².

Кастовая система в Непале была упразднена в 1960-х годах, но ещё не совсем утратила свои позиции в обществе. Сразу же после обнародования о равноправии всех каст перед законом, неприкасаемые, по сообщениям непальской прессы, хотели ворваться

¹ Мулуки-аин. Министерство юстиции и юриспруденции Правительства Его Величества. Катманду, 1963 г. (2020 ВС). С. 1-2. Второе, исправленное издание этого «Свода законов» появилось в 1965 г. (2022 ВС).

² Мулуки-аин. Катманду, 1965 г. (2022 ВС. Второе издание). С. 223.

в главный храм страны — Пашупатинатха в Катманду, но были остановлены, и тут же был издан указ правительства о соблюдении существующих религиозных традиций. Это говорит о том, что кастовая система и в наше время не стала фактом прошлого, несмотря на то, что неравенство по кастовой принадлежности уже официально ликвидировано в Непале. Это является, по-моему, огромным шагом вперед в реформировании вековых установок индуизма.

6. СТАТУС ИНДУИСТСКОГО КОРОЛЕВСТВА ПОСЛЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ДЕМОКРАТИИ (1990—2006)

Король Бирендра был вынужден восстановить демократию в стране, как требовали полулегально действовавшие политические партии, организовав мощное общенародное движение непальского народа за свои права. Завоевание непальского народа было зафиксировано в Конституции королевства Непал 1991 г. (Непал адхираджьяко самвидхан 2047 ВС), разработанной представителями непальского народа. На первой же фразе преамбулы Конституции впервые фиксируется положение о том, что «народ является источником государственной власти свободного и суверенного Непала». Далее в первой главе Конституции даётся исчерпывающее определение гималайского государства, а в ст. 4 говорится следующее: «Непал является многонациональным, многоязыковым, демократическим, свободным, неделимым, суверенным, индуистским, конституционно монархическим королевством»¹. Как мы видим, среди перечисленных выше восьми эпитетов государства Непал «индуистский» занимает лишь седьмое место. Тем не менее этот эпитет является немаловажным, исходя из того, что он находится непосредственно перед главным эпитетом страны, т.е. «конституционно монархическим королевством». Именно эти важные для непальского народа словосочетания были достигнуты в итоге многолетней борьбы непальского народа, а другие эпитеты всегда оставались бесспорными.

Важно рассматривать статью Конституции, в которой говорится об отношении государства к религии. В третьей главе Конституции, посвященной элементарным правам, содержится отдельная

¹ Конституция королевства Непала 1991 г. Катманду, 23 картик 2047 ВС. С. 2.

статья (19) о праве совести, в которой говорится следующее: «Право совести: (1) Каждому человеку предоставляется право соблюдать собственное верование, существующее с давних времён, и проводить религиозную практику в соответствии со своей верой, не нарушая существующие традиционные нормы. Однако никто не может кого-то обратить в чью-нибудь религию. (2) Каждое конфессиональное сообщество имеет право функционирования, сохранения своих священных мест, религиозных институтов — гутхи, свободного существования, согласно закону»¹.

Таким образом, Непал продолжал считать себя индуистским королевством, но, как известно, это положение не являлся главным, как при панчаятской системе демократии под эгидой короля. Трагедия, случившаяся вечером 1 июня 2001 г. в королевском дворце Нараян-хити, унесшая жизни 11 членов королевской семьи, включая всех прямых наследников престола, свела на нет сакральность королевской власти в Непале, несмотря на то, что трон наследовал брат короля Гьянендра. Непальский народ вспомнил легенду о царствовании правителей династии Шах в течение всего десяти поколений. Тем не менее непальский народ сочувствовал новому королю, надеясь на укрепление конституционной монархии в стране. Даже маоисты, ведшие «народную войну» против существующего строя, приостановили боевые действия в дни общенародного траура. Главным виновником падения монархии в Непале был сам король Гьянендра, которому непальский народ давал шанс, но он, как говорится, начал рубить ветку, на которой сидел.

7. ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ СВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА С КОРОЛЁМ БЕЗ ЦЕРЕМОНИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ (2006–2008)

После победы всеобщего мирного народного движения за полную демократию, король Гьянендра, постепенно сосредоточив всю полноту власти в своих руках под предлогом подавления вооруженного сопротивления маоистов, был вынужден издать Прокламацию о восстановлении распущенного им Парламента в апреле 2006 г., а депутаты на первом же заседании Парламента

¹ Конституция королевства Непала 1991 г. Катманду, 23 каттик 2047 ВС. С. 9–10.

провозгласили Непал светским государством. Временный парламент лишил короля его прерогатив: исполнительной власти и церемониальной функции. Королю было отказано не только в участии в управлении государством, но и в культурной функции, а премьер-министр Гириджа Прасад Коирала получил всю полноту власти. «Даже идея церемониальной монархии, когда-то выдвигнутая премьер-министром Г.П. Коиралой, не нашла должного понимания и поддержки у большинства политических партий, так как было отвергнуто предложение о добровольной отставке короля Гьянендры в пользу малолетнего внука. «Поезд уже ушёл!» — сказал премьер-министр, когда было получено согласие короля уйти в отставку добровольно в пользу малолетнего внука Хридаендры, так как кронпринца Параса народ ненавидел ещё больше»¹.

Общенародное мирное движение заставило короля Гьянендру, пытавшегося править тираническим способом (король и премьер-министр в одном лице), восстановить распущенный Парламент в апреле 2007 г. Временная конституция Непала, принятая восстановленным Парламентом 15 января 2007 г., провозгласила Непал светским государством.

Сразу же после провозглашения секуляризма в Непале начали звучать разнообразные реакции. Прогрессивная общественность приветствовала этот шаг. Приведём высказывание Рагху Джи Панта, одного из парламентариев и лидеров Компартии Непала (Объединённая марксистско-ленинская), которое передаёт общее мнение тех, кто был за прогрессивное преобразование страны. «Декларация, — сказал он, — давала чувство хозяина страны этническим меньшинствам, так как она покончила с индуистской гегемонией, представляющей автократический режим так называемого воплощения Вишну в стране».

Естественно, старый герб Непала, где имелось изображение коровы и другие атрибуты индуизма, тут же заменили новым², а гимн был выбран комиссией во главе с видным деятелем культу-

¹ Шрестха К.П. Концепция «новый» Непал... с. ?.

² На верхней части нового герба Непала изображена снежная вершина Сагарматха (Эверест), над которой водружен национальный флаг, а ниже изображены последовательно — горы, карта Непала и равнина Терая. Затем изображены колосья риса, с двух сторон окруженные гирляндами цветов рододендрона — лалигуранс, которые замыкает рукопожатие мужчины и женщины. Ниже, как подставка, находится фигурная лента со строкой из «Рамаяны» на санскрите: «Джанани джанма-бхумишча сваргадапи гарияси!»

ры и литературы Сатья Мохана Джоши среди сотни стихов, полученных на конкурсе¹. Маоисты выдвигали требование заменить национальный флаг, который, по их мнению, является знаменем индуизма и монархии. Однако непальский учёный Дая Рам Шрестха, приводя исторические доказательства, засвидетельствовал, что «ни одна страна в мире не имеет национального флага, имеющего такую длительную историю. И политическая история непальского флага уходит в глубь древности»². Уникальный по форме непальский флаг существовал, по крайней мере, в течение полутора тысячелетий, хотя в ходе исторического развития он был изменён к лучшему в соответствии с требованием времени. Большинство непальцев выступали за нынешний национальный флаг, который «вполне может служить и федеративной демократической республике Непал, и будет долго развиваться в небе, пока будет существовать независимый Непал»³.

Декларация была вскоре законодательно закреплена, когда Парламент Непала принял Временную конституцию Непала 2007 г. Статья 23 этой Конституции гарантирует не только права совести, но и права всех религиозных общин, чтобы они могли «выполнять обряды и религиозную практику, перешедшую с древних времён согласно традиции».

Следует отметить и тот факт, что Временная конституция, как и Конституция Непала 1990 г., запрещает непальцам переходить в другую религию. Несмотря на то что Непал объявлен Временной конституцией светским государством, существующие законы не были отменены, и поэтому представители религии меньшинства чувствуют ограничение в своих правах.

8. СОСТЯЗАНИЕ ЗА ЦЕРЕМОНИАЛЬНУЮ ФУНКЦИЮ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА

Начиная с апреля 2006 г. Непал проводит политику секуляризма в отношении религии, отказавшись от статуса «единственного индуистского государства в мире». Это, однако, не

¹ Автором нового гимна Непала является молодой поэт Прадип Кумар Раи «Вьякул маила».

² *Шрестха Дая Рам*. Пахичан кина пхерну? // Кантипур, 11.05.2009. (на непали)

³ *Шрестха Кришна Пракаш*. Некоторые аспекты политико-культурной символики национального флага Непала // Рукопись (литературно-художественный альманах). № 15. Ростов-на-Дону, 2010. С. 13.

означало, что государство не будет выполнять наложенную на него традицией сакральную церемониальную функцию. Теперь эту функцию на религиозных праздниках индуистов и буддистов (например, *бададашаин*¹, *кумари-джатра*², *гходе-джатра*³, *матсендранатх-джатра*⁴ и т.п.) выполняет не король, как раньше, а премьер-министр, наделенный функцией главы государства. Но и король не остается посторонним наблюдателем, а добровольно (скорее всего, демонстративно) выполняет былую церемониальную функцию монарха во время праздников.

Наблюдалась такая ситуация, когда премьер-министр Г.П. Коирала, наделенный функцией главы государства, и король, еще не низвергавшийся с трона, но лишённый всех королевских атрибутов, начали состязание за выполнение церемониальной функции, раньше принадлежавшей только королю. Они как бы спешили первым попасть на религиозную церемонию, где присутствие главы государства, по установившейся традиции, было обязательным. Конечно, первое лицо государства в «новом» Непале, наделённое реальной властью (тогдашний премьер-министр Г.П. Коирала), официально принимало участие в таких религиозных церемониях, а король Гьянендра Бир Бикрам Шах Дева, если не официально, то как частное лицо поспешил на место церемонии, когда премьер-министр уже возвращался назад после завершения официального участия в ней. Королю было важно хотя бы символически участвовать в религиозных церемониях.

Таким образом, хотя король ещё не был отстранён от занимаемого им трона, но впервые в истории Непала премьер-министр

¹ *Бададашаин* (букв. «великий десятидневный праздник») — главный общенародный праздник непальцев в честь богини Дурги в девяти образах, отмечаемый осенью в течение 15 дней, включающий в себе гхатастахапана (первый день), пхулпати (седьмой день), каларатри (ночью восьмого дня), маханавами (девятый день), биджаядашами (десятый день), а в завершение коджагат-пурнима (полнолунный пятнадцатый день месяца ашвина).

² *Кумари-джатра* — праздник в честь живой богини Кумари, покровительницы Непала, от которой, как предполагается, глава государства получает тикку в знак власти над страной в течение года.

³ *Гходе-джатра* — праздник коня, отмечаемый в столице не только жителями, но и военными в присутствии высших должностных лиц государства.

⁴ *Матсендранатх-джатра* — самый длинный праздник колесницы Матсендранатха, завершаемый на площади Джавалакхела (Патан) с показом украшенного драгоценными камнями кафтана — бхото при присутствии короля (теперь президента).

начал выполнять ритуальные функции, раньше входившие в обязанности короля. Именно премьер-министр официально принимал участие в разных религиозных церемониях и праздниках, где присутствие монарха было обязательным.

Следует коротко рассказать, как такое необычное состязание происходило в таком сложном для Непала периоде. Король, как и прежде, посетил храм Кумари в 2006 г., во время праздника кумари-джатра, но... не как официальное, а частное лицо. Раньше в день этого праздника король, по сложившейся традиции, получал от «живой богини» *тику*¹ с благословением (заодно и власть над Непалом, по народному поверью, на текущий год). Такая же ситуация повторилась и при показе легендарного *бхото* (верхняя одежда), украшенного драгоценными камнями, во время празднования Матсендранатха, бога-покровителя земледелия в 2007 г. Вместо короля на колеснице божества также присутствовал премьер-министр Г.П. Коирала, а король прибыл поле окончания главной церемонии под сильной охраной. Таким же образом премьер-министр, наделенный функцией главы государства, присутствовал на военном параде, проходившем на столичной площади Тундикхеле 18 октября 2007 г. в честь пхулпаты². Бывший король Гьяендра, тем не менее, по сложившейся традиции продолжал по-прежнему бывать в старинном дворце Ханумандхока, где расположен главный алтарь богини Дурги, куда приносят *пхулпату* в сопровождении почётного караула.

Таким образом, индуизм, самая распространённая религия страны, потерял статус государственной религии, поскольку корона перестала быть символом единства многоязычного и многонационального Непала, как говорили во время панчатской системы демократии. Конечно, радикально настроенные представители индуизма выразили (и выражают) недовольство, а Всемирный совет индуистов (Вишва хинду махасабха)³ даже выступил с протестом против секуляризма в Непале. Некоторые представители духовенства высказывали мнение, что такой вопрос, как статус светского государства, нужно было решать только

¹ *Тика* — налобный знак, наносимый в знак благословения.

² *Пхулпату* (букв. «цветы и листья») — корзина с девятью священными растениями, привозимыми в Катманду из Горкхи, где находится дворец предков королей династии Шах, в рамках празднования бададшаина. В 2008 г. в связи с провозглашением республики традиция принесения пхулпаты из Горкхи была отменена.

³ Одна из индуистских религиозно-фундаменталистских организаций.

посредством референдума и т.д. Но большинство непальцев приняло это решение как должное. Для простых непальцев корона уже теряла былую сакральность после кровавого события 2001 г., когда прямого наследника престола в десятом поколении не стало, как было, по преданию, обещано святым Горакхнатхом великому королю Притхви Нараяну Шаху, а трон наследовал брат короля Бирендры. Так, в глазах большинства простых непальцев король Гьянендра не обладал божественной властью, хотя верующие по-прежнему падали ниц к его стопам, считая его земным воплощением Вишну. После пережитой национальной трагедии королю Гьянендре симпатизировал весь непальский народ, несмотря на то, что не все верили официальной версии трагедии. И мировая общественность сочувствовала ему. Всемирная ассоциация индуистов даже величала Гьянендру «императором всех индуистов мира» («Хинду-самрат»). Но вскоре прогрессивно настроенные люди разочаровались в том, что король постепенно сосредоточил в своих руках всю полноту власти, распустил Парламент, а под видом подавления маоистского вооруженного сопротивления аннулировал демократические завоевания непальского народа. Когда король сам стал председателем правительства, назначив двух премьер-министров ненавистной народу панчяятской системы, даже не доверяя лидерам партии, считающихся роялистами, терпение демократических сил страны лопнуло. Семь политических партий, ранее представлявших Парламент, объединились во главе с лидером партии Непальского конгресса Гириджа Прасадом Коиралой, который сумел договориться с маоистами, чтобы они поддержали всенародное мирное движение за полную демократию, прекратив вооруженное сопротивление против королевского правительства. По всей стране прокатилась волна мирных демонстраций, и королевская власть не могла противостоять всеобщему народному движению, несмотря на применение силы. В конце концов король Гьянендра был вынужден принять условия народного движения, и Парламент был восстановлен. Так монархия, существовавшая веками в Непале, доказала свою несостоятельность и прекратила существование, несмотря на то, что непальский народ не был против конституционной монархии. Даже не проводимая маоистами так называемая «народная война», унесшая жизни 13 тысяч невинных непальцев за десять лет, а антидемократическая политика самого короля Гьянендры была главной причиной падения монархии в Непале.

9. ПРОВОГЛАЕНИЕ ФЕДЕРАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ НЕПАЛ (с 28 мая 2008 г.)

Первый президент страны д-р Рам Варан Ядав, по сообщениям непальской прессы, сразу же после избрания на высокий пост Федеративной демократической республики Непал, посетил храм Пашупатинатха и совершил пуджу в честь Бога Шивы. А 22 июля 2008 г. новоизбранный президент Непала посетил рано утром старинный королевский дворец Ханумандхока, побывал у «живой богини» Кумари в её «резиденции», расположенной рядом с дворцом, и также совершил *пуджу* в честь Ашок-бинпяка (Ганеша), находившегося у Каштхамандапа (отсюда и название столицы) в центре Катманду. В тот же день президент также посетил буддийскую ступу Сваямбутнатх. Так первый президент Непала, соблюдая установленную традицию, совершил религиозное действие в объявленном недавно светском государстве.

Новый глава государства также соблюдал и другие религиозные обряды. Вот как был отмечен самый главный праздник страны в первый год провозглашения Федеративной демократической республики Непал. Впервые в истории Непала президент страны Рам Варан Ядав, а не король, как было раньше, официально выступил с поздравлением в адрес непальского народа в связи праздником *биджядасами*¹ 9 октября 2008 г. Президент Р.В. Ядав, как глава государства, благословил всех желающих посетителей в его резиденции в местечке Дхапаси.

Премьер-министр Пушпа Камал Дахал «Прачанда», несмотря на то, что являлся лидером компартии Непала (маоистской), не остался в стороне, а, наоборот, пожелал счастья, благополучия и спокойствия всем соотечественникам, живущим во всем мире, в связи с праздником *вада-дашаин*. Он подчеркнул необходимость укрепления национального единства посредством сохранения традиции и наследства всех религий, каст и этносов, совершив грандиозную задачу по социальной трансформации. Такой поступок маоистского лидера освидетельствует о том, что вековая традиция непальского народа будет соблюдена и в дальнейшем.

¹ *Биджядашами* (букв. «победа на десятый день») — десятый день праздника бада-дашаин, официально отмечаемый в Непале осенью после завершения девяти дневней пуджи в честь богини Дурги. В этот день старшие благословляют младших, поставив тилу на лоб и вручив несколько ростков ячменя — джамара, выращенных за девять дней у алтаря богини Дурги.

Вице-президент Парамананда Джха и заместитель премьер-министра Бам Дев Гаутам посетили резиденцию президента, чтобы получить *тику* (благословение) из его рук в связи с праздником *биджая-дашами*. Однако премьер-министр П.К. Дахал решил не посещать президента по поводу религиозного праздника по идеологическим соображениям. Церемония прошла скромно по сравнению с прежними годами.

Общепризнанный лидер Непальского конгресса Гириджа Прасад Коирала призывал отметить дашаин как культурный и социальный праздник, но не с таким размахом, как раньше, чтобы воздержаться от чрезмерных расходов¹.

Тем не менее бывший король Гьянендра тоже не оставался в тени и принял активное участие в церемонии *тика* на десятый день *бада-дашаина*. Бывший король впервые отмечал этот праздник как обычный гражданин, получил тикку от руки королевы-матери Ратна Раджья Лакшми Деви Шах в особняке Махендра-манджил, расположенном в дворцовом комплексе Нараян-хити, и после этого он благословил своих многочисленных родственников в своей резиденции Нирмал-ниवास в Махараджгандже. Сторонники короля, как и в прежние времена, посетили его новую резиденцию, чтобы получить благословение от руки бывшего монарха. Однако эта церемония прошла не так торжественно, как в прошлом. Сотни людей, включая его политических доброжелателей и отшельников — садху, становились в общую очередь у входа в резиденцию бывшего короля. Он принял многочисленных посетителей, побеседовал с ними, поставил тикку в знак благословения. После получения тики от руки бывшего короля, Камал Тхапа, бывший министр и ярый сторонник монархии в Непале, сказал: «Хотя монархия технически устранена из страны, но дух института монархии жив в сердцах людей и в культуре»².

Как мы видим из сказанного выше о праздновании биджая-дашами, в Непале сразу же после провозглашения секулярного государства традиция остаётся почти без изменения. Несмотря на то что Непал стал светской республикой, самый главный праздник непальцев — *бада-дашаин*, да и другие религиозные празднования отмечаются повсюду в Непале, как и в прежние годы.

Можно констатировать на основе всех этих событий, что ничего экстраординарного в светском Непале не произошло.

¹ Кантипур. 09.10.2008 (23 ашвин 2065 ВС).

² Кантипур. 09.10.2008 (23 ашвин 2065 ВС).

Президент страны, как глава государства, с честью выполнял все традиционные церемониальные функции во время индуистских и буддистских религиозных праздников и в последующие годы. Он не забывал поздравить представителей и других конфессиональных общин с их важными религиозными и общественными праздниками.

10. КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ ПОСЛЕ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ ФЕДЕРАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ НЕПАЛ

Большинство непальцев приняли решение о светском государстве, как должное, считая Непал многоконфессиональной страной, в которой никогда не было острой борьбы на религиозной почве. Однако не все приветствовали однозначно отмену понятия «единственное индуистское королевство».

Сейчас в Непале идёт массированная атака на индуизм в основном со стороны организаций различных народностей, например, последователей религии киратов и др. Некоторые их представители призывают бойкотировать празднование индуистских праздников, считая, что их заставляли принимать участие в празднике *дашаин* после объединения их территории в единое государство Непал в VIII в. Они боятся, что произойдет полная ассимиляция их племенной религии в индуизм, как в прошлом, когда многие божества племен кхаса (например, божество Машто) и богини Джалапа или Яшокини, существующие у других народностей, были постепенно включены в пантеон индуизма. Индуизм, на самом деле, имеет такую способность, как мы видели на примере Шивы или Будды. Чтобы остановить атаки на индуизм со стороны представителей разных религиозных общин, президент страны д-р Рамваран Ядав, выступая недавно на церемонии открытия колонны Кумбха-стамбха в Харидвара-Чатарадхам, выразил уверенность, что «секуляризм обеспечивает равный почёт всем религиозным общинам и народностям страны, и поэтому нет необходимости беспокоиться последователям индуизма».

Неиндуистское население Непала горячо приветствовало объявление политики секуляризма. «Индуизм, — по словам Кришны Бхаттачана, лидера движения этнического меньшинства Непала, — являлся основой этнической дискриминации в течение прошлых 238 лет правления династии Шах». Он подтверждает, что единственная

государственная религия означает гегемонию одной культуры, одного языка и одного этноса. Нельзя забывать и то обстоятельство, что подавляющее большинство маоистских бойцов являлись выходцами из разных этносов, угнетённых прежним режимом, и поэтому охотно принимали участие в десятилетнем вооруженном конфликте против существующего строя. Именно этнический вопрос остаётся сложнейшим, и разные политические силы не могли выработать приемлемое решение этого вопроса в процессе написания новой Конституции. Этот вопрос тесно связан с федеративным устройством Непала, поскольку многие этносы требуют автономии, или, по крайней мере, культурно-этническую идентичность в федеративном устройстве и не согласны с федерацией, основанной на делении по географическим критериям...

Раньше не все чужеродные религиозные организации могли регистрироваться официально, особенно христианские миссии, если в названиях состояло слово, связанное с этой религией. Христианские, мусульманские и иудейские религиозные организации не могли приобрести землю для строительства церквей, мечетей, синагог, и также для кладбищ, не имея официальной регистрации, и их религиозные деятели могли войти в страну только по туристической визе. Ситуация была такова, что в Непале официально не существовало ни одной зарубежной миссионерской организации, несмотря на то, что в стране действовали десятки христианских миссионерских госпиталей, школ, благотворительных пунктов. Тем не менее многие представители непальской элиты являлись выпускниками Иезуитской средней школы. Но это обстоятельство изменилось с 2007 г., когда правительство Непала дало добро для регистрации организаций со словом «Библия».

И непальские христиане не отстают от этой тенденции. Широко отмечается теперь рождество Христово в пышно украшенной рождественскими символами столице Непала. Но христианская община, по словам Ч.В. Гахатраджа, генерального секретаря Федерации национальных христиан Непала, «не ощущает, что находится в секулярной стране, несмотря на то, что уже пять лет тому назад было объявлено светское государство».

Индуисты нетолерантно относились к тем, кто менял религию в пользу христианства, сообщают лидеры христианской религии. Порой таких отступников выгоняли из деревни, или они сами уходили из-за страха перед экстремистскими группами. Тем не менее новые адепты христианства начинают открыто афишировать свою религиозную симпатию. В Непале, по их данным, прожива-

ет более 800 000 христиан, а только в Катманду, по сообщениям прессы, действуют более 170 церквей. Бурный рост числа адептов христианства среди непальцев вызывает беспокойство непальской общественности.

Конфессиональное меньшинство также ощущает немало проблем. К примеру, «государство не предоставляет достаточного пространства и даже не выделяет землю на похороны усопшего». Вышеуказанная религиозная Федерация, как сообщалось в прессе, заключила с правительством договор из 6 пунктов о выделении земельных участков в размере 2000 ропани в Готикхеле (Лалитпур), но пока обещанное остается на бумаге. «Правительство обещало создать специальную комиссию по христианству, и обещало выделение земельного участка для кладбища, признание нашей церкви в качестве религиозной общины и т.п.» — добавил Ч.В. Гахатраджа. Правительство, как сообщил тогдашний главный администратор Катманду Лакшми Прасад Дхакал, «не в состоянии выделить всем религиозным общинам страны земельные участки, однако будет предоставлена охрана на купленную им землю». Христианская община также не верит официальным данным переписи населения, где число христиан в стране явно занижено. «Мы можем предоставить точные данные верующих в христианство в Непале, так как мы зарегистрировали более 8 500 церквей, — сказал Ч.В. Гахатраджа. — Число у нас достигает более 2,5 млн, но указано лишь 300 000 по данным переписи населения 2011 года». Во время рождественских праздников последователи христианства даже выступили по этому поводу.

Последователи ислама также требуют себе особое условие. Даже в проекте будущей конституции страны, разработанной Коммунистической партией Непала (маоистской), содержится отдельный раздел насчёт мусульман Непала, что, по моему мнению, является странным для страны, объявившей секуляризм в политике. Почему маоисты отдают предпочтение мусульманам, а на недовольство христиан и представителей других религий не обращают никакого внимания? Число медресе, по сведениям Ассоциации исламских медресе, достигает почти 2500.

Объединённая коммунистическая партия Непала (маоистская), опубликовав предварительные наброски будущего основного закона страны под заглавием «Конституция федеративной демократической республики народа Непала 2067 ВС», чётко определила своё видение будущей Конституции Непала. Непал как нация определяется такими эпитетами: «Непал является свободным,

неделимым, суверенным, секулярным, лишённым неприкасаемости, пропорциональным, устремленным к социализму, республиканским, многонациональным государством, который будет кратко именоваться Непалом» (ст. 4 п. 1). В проекте Конституции предлагается создавать разные комиссии по вопросам положения женщин, угнетённых веками общин — далит (т.е. неприкасаемых) и т.д. Не совсем понятно, почему в этом ряду оказывается и мусульманская община, когда Непал объявляется светским государством. Несколько пунктов посвящено целям создания такой комиссии, что также относится и к другим малочисленным религиозным общинам Непала. Всем известно о депортации и изгнании из страны последователей христианства ещё в середине XVIII в. До 1951 г. путь в Непал христианским миссионером был заказан. Поэтому не совсем ясна логика маоистов о создании комиссии только по исламу (муслим-айог). Тем не менее предложение о создании специальной комиссии по далитам вполне оправдано.

Конституцией страны защищены права всех верующих, к какой бы религии они не принадлежали. Несмотря на правительственные усилия, преодолеть кастовую систему в индуизме не удаётся. Представители низшей касты испытывают дискриминацию во всех областях жизни, включая образование. К примеру, 4 марта 2007 г. более 100 семей далитов (неприкасаемых) вынуждены были покинуть свою деревню из-за конфликта с представителями высшей касты во время религиозного праздника в дистрикте Раутахата. Они смогли возвратиться в свои дома только 8 марта, после вмешательства полиции и правозащитников.

Здесь уместно будет кратко изложить современное положение неприкасаемых в Непале. Термин «далит» (букв. «угнетённый») проник в Непал из Индии в 1967 г. для обозначения неприкасаемых, когда в стране впервые появилась их организация «Непал рашория далит джанвикас паришад». Ещё в XIII в. раджа Катманду Джайстхити Малла, а позднее, в XVIII в., раджа Горкхи Рам Шах последовательно вводя в стране индуистские религиозные порядки, законодательно закрепили кастовую систему в обществе. Неприкасаемые были самыми угнетёнными и несправными в обществе. В период правления премьер-министров из клана Рана ещё усилился гнёт по кастовым признакам, когда начал действовать кодекс законов «Мулуки-аин» с 1854 г. Ситуация начала измениться лишь с середины XX в., когда в Непале была установлена демократия. Некоторые положительные меры предприняты в последнее время для улучшения ситуации неприкасаемых, но их

положение в непальском обществе, особенно в сельских местностях, по-прежнему остаётся униженным.

Как видно из приведенной выше таблицы, далиты в непальском обществе находятся не в равном положении среди других каст, несмотря на то, что они сами являются, так сказать, «побочным продуктом» индуизма. Их не пускают в храм, им не разрешается использовать воду из источника, и т.д. В Западном Непале каста неприкасаемых имеет собственные храмы, отдельные колодцы и т.п. Примечателен и тот факт, что среди самих неприкасаемых существует кастовая иерархия, и они строго соблюдают эти нормы. Не так давно они стали занимать более или менее высокое положение в государственных учреждениях.

В последнее время сами проповедники индуизма, чтобы не отставать от веляния времени, стараются производить изменения в обществе, реформируя некоторые положения индуизма. Время от времени организуются массовые религиозные мероприятия, в которых допускается участие и неприкасаемых. Но это не в силах изменить ситуацию в целом. Ортодоксальная часть духовенства, эксплуатируя религиозные чувства простых людей, требует отмены статуса светского государства и даже возврата монархии, являющейся символом «царства всех индуистов». Всемирный совет индуизма от имени индийских индуистов так и величал короля Гьянендра, когда тот совершал паломничество в индийских святынях.

И ныне полностью устранившийся от власти король не упускает такую возможность и спешит на церемонию после официального участия президента. Время от времени раздаются голоса со стороны ярых сторонников индуизма против светского государства, они требуют референдума по вопросам монархии и статуса индуизма. Однако, как мне кажется, возврата к прошлому нет.

Нельзя сказать, что роль религии утратила свою властную функцию даже после провозглашения секуляризма государственной политикой в Непале в апреле 2006 г. и в равной мере после провозглашения федеративной демократической республики. Индикатором изменения ситуации к лучшему становится состояние положения неприкасаемых, которых теперь принято называть далитом, поскольку кастовая система все-таки ликвидирована законом.

Индуистские группы Непала, имея мощную защиту со стороны индуистских организаций фундаменталистов соседней Индии, объявили декларацию секуляризма в Непале «опасной» и «бесче-

стящей», предупредив, что она может спровоцировать «религиозную войну» в маленьком гималайском государстве. Вслед за этим предупреждением индуистские группы провели шествие, а южный город Биргандж был полностью парализован в течение двух дней. Лидеры консервативного индуизма предупредили об организации общенационального движения, если не будет рассмотрен вопрос о декларации светского характера государства. «Как может принять серьёзное решение по такому важному вопросу Парламент, состоявший из 250 депутатов? — задавал вопрос Дивакар Чанд, генеральный секретарь Федерации индуистов мира. — Референдум может стать лучшим способом решения этого вопроса». Хари Бхакта Неупане, президент Комитета службы вечной религии (Санатан дхарма сева самити), старейшей индуистской организации Непала, сказал, что убой коров в секулярном Непале может спровоцировать такой общественный скандал, что не снился даже в страшном сне. «Подумайте о дне, когда начнут убивать корову перед индуистским храмом в Катманду?! Индуисты будут готовы пожертвовать собственной жизнью, чтобы остановить такое кощунство», — заключил он. Пока убой священного животного индуистов — коровы или быка — по-прежнему запрещен в Непале. Кстати, полиция, по сообщениям прессы, совсем недавно арестовала двух человека по обвинению убоя быка в дистрикте Джхапа в мае 2013 г.

Экстремистские индуистские группы Пашупати-сена, Непал шива-сена и др., тесно связанные с индийской группой Шив-сена, сыграли важную роль в подстрекательской деятельности на юге Непала, в Тераи на рубеже 2006—2007 гг., после провозглашения светского государства вместо «индуистского королевства». Некоторые граждане выражают тревогу в связи с ростом влияния христианства или ислама среди местного населения. Причина распространения христианства в Непале кроется, с одной стороны, в низком жизненном уровне людей, а с другой — в самой кастовой системе индуизма, где низшие неприкасаемые касты не могут считать себя равноправными, хотя являются последователями индуизма. Парадоксален тот факт, что среди самих неприкасаемых тоже существует иерархия каст. Поэтому «униженные и оскорбленные» люди легко меняют свою веру, чтобы получить равный статус в общине, хотя по закону кастовая система уже отменена. «Христианские миссионеры используют разные методы

и средства для распространения своей веры в Непале. Они строят церкви, публикуют религиозную литературу на языках разных народностей, проживающих в стране, издают книги, открытки, календари и т.п.».

Нужно сказать и то, что неправительственная организация, зарегистрированная как Межрелигиозный совет Непала, в который входят представители индуизма, буддизма, ислама, христианства и бахаизма, активно содействует установлению межрелигиозного мира и спокойствия в стране.

Одним словом, религия по-прежнему оказывает влияние на непальское общество и в наше время. Можно с уверенностью утверждать, что, в конце концов, секуляризм будет провозглашён в новой Конституции страны как основная политика в поликонфессиональном Непале.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Непале, по официальным данным Центрального бюро статистики, проживают люди более 103 этносов и кастовых групп, говорящих на 92 языках. По признакам веры непальцы разделены на 10 религиозных общин. Как правило, представители двух индуистских каст, находящихся на самом вершине в кастовой иерархии — брахман и кшатрий — делили власть с королём на протяжении нескольких столетий. Даже при демократической практике в стране, длившейся лишь 60 лет после 1951 г., большинство избранных премьер-министров были представителями касты брахманов (на непали — «бахун»). Даже в непальском политическом лексиконе, изобретённом лидерами этнических групп, бытовал термин «бахунвад», что подразумевало верховенство брахманов в непальской политике. Таким же образом большинство представителей двух этих высших каст, как считают непальские учёные, были представлены и в Парламенте, и в бюрократическом аппарате государства.

И в новых условиях светского государства не уменьшаются, а усиливаются противоречия и проблемы религиозного толка. Именно для окончательного решения таких межрелигиозных противоречий и конфликтных ситуаций была провозглашена политика секуляризма. Если консервативно настроенные индуистские группы выступали против объявления светского государства,

то последователи других религиозных групп Непала — ислама, христианства, джайнизма, кирант-дхармы и других религиозных меньшинств, в том числе и буддисты, представляющие почти 20 процентов населения страны — горячо приветствовали провозглашение светского государства в Непале. Большинство непальского народа, особенно те этносы, которые не являются индуистами, приветствуют статус светского государства, где любая религия становится равноправной. Веротерпимость непальского народа, укрепленная вековыми традициями, одерживает вверх.

Нет короля и нет его опоры — индуистского королевства. Поэтому не могло быть и речи об индуистском государстве, несмотря на то, что в государственной власти главные посты, включая президента и премьер-министра, пока занимают представители индуизма. Нельзя забывать и тот факт, что за секуляризм выступали основные политические партии, возглавляемые представителями высшей касты индуизма. Непал, расположенный между двумя секулярными государствами, не может стоять особняком, оставаясь индуистской республикой в XXI в., когда сакральность государственной власти начинает терять свою позицию и в гималайском государстве. Нельзя забывать и тот факт, что Непал является поликонфессиональной страной, где никогда не было распрей на почве религии. Секуляризм в государственной политике, по моему глубокому убеждению, предоставляет равноправие всем традиционным религиям, существующим в стране.

Все индуистские и буддийские религиозные праздники по-прежнему отмечаются, поскольку государственное учреждение Питхи-самстан, располагающее всем движимым и недвижимым имуществом, принадлежащим к разным традиционным гутхи, выделяет необходимую часть средства для того, чтобы выполнялись традиционные религиозные церемонии и празднования. Кроме этого, праздники других этносов и религий тоже официально отмечаются в Непале. Именно светский характер государства, по моему глубокому убеждению, способен обеспечить мир и спокойствие в такой многоконфессиональной стране, какой является Непал. Все разноцветные цветы будут процветать в прекрасном многонациональном, поликультурном и поликонфессиональном прекрасном саду, расположенном у подножия стремящихся к небу величественных Гималаев, считающихся обителью богов.

Проза

Тамара ВАРФОЛОМЕЕВА

Журналист, литературный редактор. Как автор печатается впервые.
Проживает в г. Ростове-на-Дону.

МЕЗАЛЬЯНС¹

Повесть

*...Но не бывает без вины виноватых и несправедливо обиженных,
потому что никто не в силах испортить человеку жизнь
в большей степени, нежели он сделает это сам.*

– Танечка тебе всё расскажет. Она знает... Она поможет.

– Танечка... Танечка...

Это имя было, что называется, на устах у каждого сотрудника книжного издательства, порог которого я переступила после окончания университета в 1990 году.

И начальник, и машинистка, и бухгалтер – стоило о чём-то их спросить, обязательно упоминали отсутствующего второго редактора именно так: «Танечка».

В ласковом суффиксе слышалось что-то натянутое, но открытой неприязни не выказывалось. Никто не хочет иметь репутацию сплетника. Извечную слабость посудачить прячут хотя бы на первых порах, особенно перед новым лицом.

Только однажды машинистка Марина – женщина средних лет крепкая, весёлая, высказалась более определенно:

– Откроет зимой окна и сидит. Вся синяя от холода, и говорит, что не может без свежего воздуха!

Как бы там ни было, до прихода второго редактора оставалось ещё несколько месяцев. Замерзнуть от свежего воздуха мне не грозило, поскольку на дворе стояло нестерпимо знойное ростовское лето. Уже в июне жара достигала 40, а то и 50 градусов.

¹ Мезальянс (фр. *mesalliance*) – в дворянско-буржуазном обществе – брак с лицом низшего положения, неравный брак. (Словарь иностранных слов. М.: Рус. яз.-Медиа, 2003).

Наконец, прошла томительная летняя жара, прошла и осень – «унылая пора» – для кого «очей очарованье», а для многих – пора недомоганий, непогоды и грязи на обуви. Дождались Нового года, и быстро-быстро покатались денечки навстречу весне.

...А Татьяна Гавроненко всё отсутствовала. И были на то свои причины.

Нина, технический редактор, от волнения округляя узкие восточные глаза, поведала мне печальную историю. Вроде бы что плохо? Молодая женщина из интеллигентной семьи вышла замуж за парня из разнорабочих, разведенного, с ребёнком в первом браке.

– Ты же понимаешь, как это бывает.. Ей уже за 30, как и мне, – откровенничала Нина, – ну, Танечка молодец, всё-таки семью создала. Мы её тут все поддерживали, домой отпускали, когда она забеременела. Только я всё переживаю, что провела её незадолго до родов и ещё обратила внимание, что живот у неё какой-то... маленький, неестественно для такого срока... Очень неприятное чувство осталось. Я ушла, а потом это случилось...

А случилось то, что родила Татьяна преждевременно и неудачно. Мертворожденному ребёнку – девочке – дали имя и похоронили со всевозможными ритуальными обрядами.

Приезжали сёстры Гавроненко, младшая из Москвы, старшая из Волгограда. Собирались друзья – давняя тесная компания университетчиков, когда-то незамужних и неженатых, а позже составивших семейные пары, среди которых только у Татьяны сложился мезальянс с пришлым, никому неизвестным человеком.

Все утешали, уговаривали, просили не отчаиваться. Разговоры были душевные, потому что в своей компании Татьяну искренне любили. Женской половине она конкуренцию не составляла, старалась всем угодить и если чем-то раздражала, то вызывала скорее жалость, чем неприязнь.

Несмотря на чуткое отношение родственников и друзей, у Татьяны несколько раз случались нервные припадки. Об этом многословно и подробно рассказывала сотрудница, которую коллектив редакции отрядил «на поддержку».

Впрочем, истерики иногда случались и раньше, но к выходкам Татьяны на службе относились с пониманием:

– Тонкая натура наш редактор, зато как рукописи делает! – восхищался начальник, и пересуды затихали.

Впрочем, тётки в коллективе были незлые. К тому же по штату числилось несколько редакторов, но ни в научно-познавательных рукописях, ни в художественной литературе вообще особенно никто не разбирался, кроме начальника, имеющего специальное образование, и Татьяны — выпускницы-отличницы филфака РГУ.

* * *

Зимние дни коротки, а служебное время в моём просторном кабинете, словно резиновое, тянулось бесконечно.

Незаметно отступила зима. Как всегда, с приходом весны на улице потеплело, повеселело. И однажды утром, придя на работу, я поняла, что моё 8-часовое одиночество закончилось. И это была Танечка.

Худющий подросток, с одуванчиком полуседых волос на голове при моём появлении перестал рыться в ящиках стола и буквально впился в меня пронзительно яркими голубыми глазами.

Заплаканное личико с острым подбородком и множеством других острых углов — локти, коленки, костяшки пальцев и неожиданно не то чтобы резкий, но достаточно звучный «характерный» голос.

В первый день мы общались мало, разговоры как-то не клеились, обрывались, к тому же через какое-то время Танечка закрыла лицо руками и неожиданно разрыдалась. Объяснений не требовалось — и меньшее горе вызывает молчаливое сочувствие.

Несмотря ни на что вскоре мы сдружились. Профессиональная грамотность её была безупречна. Татьяна могла ответить на любой вопрос с энциклопедической точностью, но, очевидно, работа ей давно наскучила. Да что там работа! Трудно было представить любое дело, которым этот слабый и тщедушный человек занимался бодро и с интересом. Кроме отвлеченных разговоров. Уж поговорить о разном она любила!

С ходу я была посвящена во все подробности семейной жизни Гавроненко. До замужества она, средняя из трех сестёр, дольше всех жила с родителями и, выйдя замуж за парня, что называется «без кола без двора», первое время вместе с мужем оставалась в родительском доме. Кто-то из друзей предложил на первое время бесплатную квартиру. Потом Мише — мужчине без средств и возможностей, но, видимо, с некоторыми претензиями, что-то не понравилось, они жили где-то ещё. Ждали, что родители Тани

вот-вот согласятся разменять свою жилплощадь и у молодоженов появится собственное жилье.

Так вскоре и случилось. Миша зачастил в наш кабинет. Низколобый брюнет с энергичными манерами, не лишенный привлекательности — неплохо сложен и, вероятно, стараниями жены имел довольно ухоженный вид.

Танечка беззастенчиво делилась подробностями:

— Представляешь, пока он жил один в разводе, никого у него не было, никто о нём не вспоминал. А теперь выяснилось, что он и хороший брат, и хороший сын, и даже тётка его собирается приехать... Мы сами на чемоданах, а тут...

Танечка негодовала вовсю.

По молодости всему удивляешься. Впервые я столкнулась с таким разочарованным и опустошенным человеком. Всё ей было плохо, ничто не радовало. Впрочем, несмотря на интеллектуальную утончённость, Танечка не упускала случая по-бабьи подчеркнуть свою женскую значимость. Рассказывала, что когда пришла на работу, ребята из типографии, как «намагниченные» потянулись в её кабинет.

— А был один парень в моём прошлом, — ностальгировала Танечка, — просил, умолял, чтоб когда-нибудь, хоть с кем угодно приехала к нему просто повидаться.

И снова тоскливо отсутствующий взгляд, унылая тоска отражались от нее, словно не вмещааясь в хилой оболочке.

Миша, муж Танечки, напротив, получив в результате хлопот тестя однокомнатную квартиру, был преисполнен гордого чувства домовладельца и увлеченно занимался хозяйством. Мастерил из дощечек и реечек кухонную стенку, не посоветовавшись с Татьяной, вложил всю имеющуюся наличность в новую газовую плиту и собственноручно оклеил всю квартиру светлыми обоями.

Через некоторое время я поняла, что рассеяннo задумчивый вид Танечки — всего лишь удачно натянутая маска, которая как нельзя лучше подходила к её невзрачной внешности. Доброй и рассеянной на самом деле она не была. Скарденностью не страдала, не брала сдачу с мелких общих покупок, щедро делилась снедью, которую приносила из дома в маленьких баночках и аккуратных сверточках. Но когда бывали общественные поборы, очень едко высмеивала редакционные традиции отмечать всевозможные праздники и дни рождения.

— Вот уж событие так событие, — в очередной раз ехидно произносила Танечка, едва бухгалтер, она же кассир, выходила за дверь.

И дальше следовал какой-нибудь рассказ из прошлых лет, в котором кто-то из коллег выглядел в самом дурацком виде.

Порассказать было о чем — вместе они работали уже лет пять, и за это время кто с кем и как жил, в коллективе знали досконально.

— Татьяне (бухгалтера тоже звали Таней) все говорят, что у неё муж молодой. Она так злится от этого, — ехидничала Танечка, — всё молодится. Какие-то шмотки всё время прикупает. Видела — опять на ней эта джинсовая юбка, как на корове седло! А когда отмечали новоселье, так её Толя весь вечер в наушниках просидел. Видно, семейная жизнь его уже достала бесконечно...

Действительно, всё так и выглядело. Но почему-то было обидно за очкастую бухгалтершу, нелепо безвкусно одетую, которая со своим красавчиком Толей-лейтенантом протаскалась по военным гарнизонам всю молодость и, вероятно, хлебнула немало бабьего горя и от смазливой наружности мужа, и от гарнизонного быта.

— А Нина всех художников наших привечает, — другой раз сплетничала Танечка, — каждый сезон у неё новые шикарные туфли. Так смешно. На что она надеется?

Технический редактор Нина — незамужняя ровесница Татьяны, похоже, действительно «неровно дышала» к одному из художников, который недавно развёлся и жил недалеко от редакции в шикарной однокомнатной квартире, где уже побывала шустрая корейка. Понятно, что ей «не светило». Интерес к её персоне объяснялся просто : как технический редактор и доверенное лицо начальника она определяла расценки на макеты обложек, и художники, забегавшие в техотдел, не скупились на комплименты.

По правде говоря, Танечка на её фоне выглядела особенно уныло — всегда безупречно чистый воротничок блузки, из которой торчала тонкая шея и застывшая тоска на лице, вкупе с постоянными критическим отзывами в адрес людей, которые ей вполне искренне сочувствовали, стали вызывать у меня чувство протеста.

Изо дня в день наблюдая за Танечкой, я пришла к выводу, что безысходная грусть-тоска на лице действует на окружающих быстрее и убийственнее, чем вирус гриппа.

* * *

Мишина тётка, которую так не хотела видеть Танечка, всё-таки приехала в гости.

— Такие грубые, неотесанные люди! — рыдала Танечка, по обыкновению уронив голову на рабочий стол. — Представляешь, она ещё мужа с собой привезла. Ходят по моей квартире, икают, сморкаются. Дышать рядом с ними не могу! Ненавижу!

И чувствовалось, что человек она очень несчастный. Что хорошо ей только среди своих сестёр и племянников. Что обыденность и нечистоплотность ей глубоко противны — до ненависти, до рвоты. Что никакую семью она не создала, а просто прилепила к себе бездомного разведенного мужика и, пользуясь родительским участием, лепит своё гнездо, как ласточка над пропастью.

Шли лихие 90-е годы. Менялись цены, менялись ценности. Впервые за многие десятилетия, как пчелиный рой, гудел народ накануне выборов государственной власти. В транспорте, в очередях, на улицах, в кабинетах бурно обсуждались кандидаты в президенты. Всё новые мессии предсказывали конец света. Туманили людские мозги с экранов телевизоров чумаки и кашпировские. В мутном бульоне беззакония и страстей зарождались новые русские и тысячами умирали растерявшиеся, ненужные новому времени те, кто не смог приспособиться.

Танечкин муж был ярым демократом.

— Завтра ты пойдёшь и проголосуешь за Ельцина, — в приказном тоне заявил Миша, едва я успела перешагнуть порог.

— А если его всё-таки не выберут?

— Тогда мы с Татьяной продаём квартиру и уезжаем.

— Насколько же тебе хватит — на билет до границы? — мило улыбаясь, спросила Танечка.

— Неважно! Делать в этой стране будет нечего!

Незадолго до этой встречи мой рабочий кабинет снова опустел. Танечка, опять беременная, старалась как можно реже показываться на глаза сотрудникам. Начальник, всегда потакавший её капризам, разрешал брать работу на дом. И через меня передавал ей особо важные рукописи.

В ту пору мне было совершенно без разницы, за кого голосовать и кто победит. Лишь бы Миша поскорей убрался из чистенькой уютной кухни и дал поговорить с Танечкой о чём-нибудь интересном. К тому же с близкого расстояния сильно выделялись прыщи и черные точки на лице моего собеседника, и было неприятно чувствовать сверлящий взгляд его круглых тёмных глаз.

Наконец, Миша удалился.

Для Танечки заповедной темой была литература серебряного века. Главным образом, поэзия. Конечно, мне не раз доводилось участвовать в подобных разговорах — в основном, стремились блеснуть эрудицией в студенческом коллективе. Здесь было другое.

Модные литературные имена в нашей беседе словно оживали. Танечка как будто говорила о близких людях. Иногда мне казалось, что она присутствовала на собраниях «Звучащей раковины» или разливала чай в петербургском доме Мурузи.

В Марину Цветаеву она была в буквальном смысле влюблена. И многие странности в поведении Танечки объяснялись желанием быть похожей на загадочную женщину с трагической судьбой и поистине огромной посмертной славой.

Я слушала Танечку и думала, как к лицу пришлось бы ей платье гимназистки и та нервная утонченная жизнь, которой жили барышни, окружавшие в начале XX века знаменитых поэтов.

Была другая мода на всё — от одежды до правил хорошего тона. И всё, что осталось от серебряного века, в наше время иначе как рудиментом не назовешь.

Зачем современной женщине, предположим, поэзия Анненкова? А Танечка за томик стихов запросто могла отдать целую зарплату.

В тот день мы сидели долго. Уходить почему-то не хотелось. Радостно видеть человека хотя бы в относительном благополучии. Ещё приятней быть рядом с тем, кто ждёт каких-то счастливых перемен. Оттого, наверное, люди всегда оборачиваются, тянутся взглядом туда, где в окружении свадебной свиты появляется невеста.

Горе Танечки, обильно оплаканное, осталось в прошлом. Она снова ждала ребёнка. Очень хотела, чтобы это был мальчик.

— Ты знаешь, у Миши ведь есть уже дочка от первого брака. А мне рассказывал, что гадала ему когда-то цыганка и сказала, что будет первая дочка и младший сын. Так что теперь я надеюсь...

Заморышем она выглядела на работе. А у себя дома была совсем другой. В пушистом махровом халате её неестественная худоба выглядела очень элегантно. Она как-то по-особенному заваривала чай. Салфетки на столе сверкали идеальной белизной.

— Я люблю белую посуду. Только её нелегко найти. Обязательно какие-то ободочки, цветочки... Ой, чуть не забыла тебе показать... — и Татьяна зачем-то бежала в комнату...

* * *

...Я и сейчас до мелких подробностей помню ту нашу встречу, хотя настоящей дружбы так и не получилось.

На рынке труда происходили перемены, и вскоре от нашей редакции остались только бухгалтер и компьютер. Да ещё начальник привёл свою дочку — выпускницу мединститута, которая заменила весь редакционный штат.

Начиналась новая постсоветская жизнь. В мусорные корзины летели партбилеты и вузовские дипломы. Бывшие инженеры и учителя делали бизнес на турецких трусах и майках. Так называемые челноки везли в огромных клетчатых сумках барахло из ближнего и дальнего зарубежья. И наполняли полки бывших книжных магазинов и целых стадионов.

Спасались, кто как мог. Даже те, кто со слезами умиления читал на выпускном вечере клятву Гиппократа, пустились во все тяжкие и обирали своих пациентов до нитки, придумывая диагнозы и вступая в сговор с продавцами безумно дорогих лекарственных препаратов, с многообещающими приставками био- и гомео-.

На литературной ниве собирала жатву разношерстная братия. Несмотря на скудные кошельки, «самая читающая страна в мире» продолжала скупать тиражи книжонок с броскими заголовками.

Один из пожилых уважаемых писателей вынужден был переименовать и переиздать солидный исторический роман — своё любимое детище — таким варварским способом, что когда я получила подарочный экземпляр, изумлению не было границ. В романе речь шла о временах Екатерины II, а на обложке красовался мужчина типа агента ОО7 в черных очках с автоматом наперевес.

В самом тексте было столько корректорских ошибок, заставок, которых редакторы называют «козлами», что было очевидно — типографии не нуждаются в услугах впечатлительных борцов за чистоту родной речи.

Я ушла из редакции, и больше мы с Танечкой не встречались. Увидела её мельком спустя несколько лет на автобусной остановке. Она держала за руку худенького бледненького мальчика лет четырех-пяти. Рядом стояла полная молодая женщина и высокий курчавый дядька в очках с толстой оправой, что-то сердито выговаривающий подростку в таких же клетчатых бриджах и кепке. Вероятно, то была сестра Татьяны и её муж-москвич с сыном.

У Танечки было всё такое же тоскливое лицо. Впалые щеки почти зелёного цвета острили подбородок. Возле губ залегли глубокие старческие складки. Длинная юбка, из-под которой выглядывали толстые шиколотки, болталась на ней, как на вешалке.

Меня она не заметила...

* * *

Когда улеглось смятение, вызванное переменами, многие коллеги нашли более-менее подходящую работу, общая знакомая рассказала про Танечку, которая появилась в одном из коммерческих изданий. Редактор знала отличницу Гавроненко ещё по университету и похлопотала перед начальством. Она же и поведала мне дальнейшую историю.

Гавроненко взяли младшим корректором. С первого же дня молодые сотрудницы, которых в то время брали на работу частенько прямо с модных подиумов, косились на новенькую, перешептывались и откровенно хихикали.

Танечка, жалкая и рассеянная, не могла сосредоточиться и пропускала в корректуре кучу ошибок. В перерывах жаловалась своей знакомой на головную боль, на то, что ребёнок каждый раз, когда ей надо выйти из дома, устраивает истерики и кричит, что если его не возьмут с собой, то он зарежет себя ножом или выпрыгнет с балкона.

Уже на следующий день пришлось звонить и предупреждать, что семейные обстоятельства не позволяют выйти на работу.

Обстоятельства действительно были плачевные. Муж давно не работал. Тяжело болел, и лечился от цирроза печени.

Сынишка рос смышленным, но до крайности избалованным и капризным мальчишкой. Татьяна, следуя традициям своего любимого XIX века, называла сына не иначе как Николенька, но с ролью молодой мамы века настоящего отчаянно не справлялась.

С тех пор как закончилась физически трудная, но счастливая пора пелёнок, бутылочек и обязательных прогулок, постоянного дома ребёнок не знал: жил то у одной тётки, то у другой, потом у бабушки с дедушкой.

Татьяна сама долго болела — плохое питание и нервное истощение ломали и без того слабый организм. Всё же она старалась держаться. Бегала в больницу к Мише, безуспешно пыталась вос-

становиться на старой работе, цеплялась за прежних друзей, но у тех уже были совсем другие интересы.

Одна из близких подруг рьяно занялась маркетинговым бизнесом, но предлагать Танечке рекламировать косметику было просто нелепо. К тому времени она почти перестала следить за своей внешностью, исчезли даже светлые блузки — непременный предмет её гардероба.

В свитере с растянутыми рукавами, в неизменно длинной юбке, собрав остатки амбиций, она с трудом нашла адрес издательства. Но прежние добрые начальники остались в прошлом.

Никого не интересовали её семейные проблемы, никому не нужны были рассказы о талантливом племяннике, который по-прежнему успешно занимался в московской студии знаменитого художника-мультипликатора Котёночкина. Даже чашку чая никто не предлагал.

Разумеется, очень скоро её уволили за прогулы и несоответствие должности. Больше работу она не искала, переехала к родителям.

Дедушка урезонил балованного внука, а Татьяна, когда чувствовала приливы энергии, как умела, поддерживала и развивала сына.

Денег на жизнь всё же хватало. Отец пережил служебные коллизии и, будучи пенсионером, чудом уцелел в должности начальника средней руки.

Сёстры по-прежнему дружили, а Татьяну из-за слабого здоровья с детства жалели и опекали особенно. Зятя, по-видимому, ничего не имели против бедной родственницы, которая долго не выходила замуж и всегда возилась с племянниками, как с родными детьми. Тем более, что больших запросов у неё не было, и она, как ребёнок, радовалась каждой подаренной мелочи.

В привычной обстановке Танечка ожила, стала лучше питаться. Нервное расстройство понемногу утихало. Николенька капризничал, но увлекательные рассказы матери о знаменитых художниках и писателях слушал с удовольствием.

Истерики случались, только когда речь заходила о муже. Мать Танечки через знакомую договорилась о длительном пансионном лечении, но срок уже выходил и надо было что-то решать...

* * *

Наивно полагать, что в большом городе слухи не распространяются так же быстро, как в провинции. Профессиональные кружки узкие, и постепенно всё обо всех узнаётся.

Соседка Гавроненко по лестничной площадке (служившая вахтёром в крупном издательстве) случайно видела, как растрёпанная Татьяна выскакивала за дверь и кричала, что скорее умрёт, чем вернётся к мужу. Своим подругам, среди которых, конечно, были вездесущие филологи, она рассказывала, что всё обдумала и решила посвятить себя сыну:

— Мне ничего не надо... Николенька вырастет, поймёт...

Безнадёжно больного Мишу забрала в деревню та самая тётка, которая своими приездами так раздражала в своё время Танечку. Однокомнатную квартиру семья Гавроненко отдала московскому зятю под филиал фирмы. Счастливый предприниматель заверил тестя, что когда «Танькин Колька» подрастет, то будет хорошо устроен в Москве вместе с двоюродным братом.

* * *

Когда вспоминается эта история, то почему-то в памяти всегда портрет Марины Цветаевой на книжечке, которую подарила Танечка в пору нашего знакомства. Серое скучное лицо на выцветшей газетной бумаге и пронзительные строки:

Не люби, богатый, бедную,
Не люби, румяный, бледную,
Золотой — полушку медную...

г. Ростов-на-Дону. 2014

Николай ГЛИНЯНЫЙ

Атаман Ейского районного казачьего общества, ветеран правоохранительных органов, член «Боевого братства», издал три сборника «Притчи в стихах». Ведёт большую общественную работу с детьми, при детской библиотеке создал клуб «Воин». Поэт, бард, художник.

КАЗАЧЬИ БАЙКИ

«ВОЯКА»

Мой отец известный в округе штукатур-маляр. Как-то со своим братом Мишей — моим дядей, выиграли краевой конкурс по профессиональному мастерству. Нужно было за определённое время оштукатурить большую площадь стены. Замесили растворы. По сигналу закипела работа. Пока конкуренты ловко работали мастерками, тёрками, полутёрами, дядя Миша совковой лопатой бросал раствор на стену, а батяня огромным куском фанеры разглаживал его. В результате — первое место и главный приз автомобиль «Москвич».

Понятно, что вернувшись, домой с очередной стройки, глава семьи любил выпить. Я, порой, устало вопрошал:

— Пап, Вы можете не пить?

На что он философски замечал:

— Сынок, все те, кто со мной когда-то работали и не пили, давно уже на кладбище

И вот, как-то выпив лишку, батя, хлопнув ладонью по столу, подвёл черту своим мыслям:

— Я тоже воевал!

— Как же такое могло быть? — недоумевал я. — Ведь когда немцы вошли в Ейск, Вам было полтора года!

Оказывается, дело было так: 9 августа 1942 года на узких улочках нашего южного городка появились немцы. Сёстры моего папы (одной три, другой пять лет) смотрели в окно, когда в коридоре послышался топот солдатских сапог, открылась дверь, и в хату

вошёл огромный немец. Мой отец, тогда ему не было и двух лет, выбежал на шум и застыл от ужаса на месте...

«Праздника первых штанов» ещё не было и Коленька носил длинную до колен белую рубаху на голое тело. Румяные пухлые щёчки, курносый носик, белоснежные льняные кудри, большие глаза небесного цвета. Он чем-то напоминал ангелочка — казалось, хлопнет крылышками и улетит...

— О, киндер, киндер! — заклёкотал немец, подняв вверх к потолку мальчугана.

Тот, испугавшись, описался прямо ему на мундир.

У немца, видно, тоже в Германии остались дети. Он улыбнулся, поставил на пол обезумевшего от страха мальчика. Погладил его по голове, достал из кармана брюк глыбку сахара, дал в руки. Развернулся и вышел...

— Так что я тоже внёс свой вклад в победу! — подытожил отец. — Я немца обоссал!

ВЕТЕРАН

Передо мной пожилой, сгорбленный человек. Лицо всё в глубоких оврагах-морщинах. Руки, с вздутыми венами, слегка дрожат, как будто живут своей никому неведомой жизнью. Белые, седые волосы, словно припорошены снегом. Но глаза! В них до сих пор ещё горит огонёк задора.

На груди при ходьбе позвякивают медали.

— Дедушка, расскажите про свой первый бой? — не вытерпел я.

— Ну, слухай, внучок... — начал делиться воспоминаниями дед. — Я, как и многие тогда, приписав себе годик, в семнадцать лет отправился воевать. В поле вырыли окопы... День ждём... Другой ждём... Вдруг слышим — гул! Я по-пластунски вылез на пригорок, стал считать: «Один, два, три, четыре, пять... Мать честная!.. девять-надь-цать танков...»

Мы как побежали от них, бросив окопы.

— Тиу-тиу-тиу! — свистуть пули (букву Щ дед не выговаривал). — Ай-яй-яй! — кого то ранило.

На краю поля, у лесочка, адъютант держал под узцы лошадей. Я запрыгнул на одну.

— Ты что, это же генеральские?

— Я сам себе генерал! — пришпорил я кобылу. А лошадь гарна, як лысыця, спину выгнула, мигом пронесла меня через лес...

Вот так я и утёк.

— Что ж вы, деда, всегда тикали?

— Почему всегда? Вот ты, милоч, что-нибудь слышал про Кушовскую атаку (бой под станицей Кушевской 01.08.1942г.)? Дали мы там немчуре перцу! На конях, лавою, бросились на немецкую танковую дивизию. Никто не кричал «Ура!» или «За Родину!». Скакали молча. Только свист врашающихся шашек над головой, да топот копыт... Немцы, видать, растерялись, вовремя не дали команду «Огонь!», а мы пулей пролетели пол поля и принялись в капусту рубить пехоту. Самолёты немецкие кружать, а не бомбить и не стреляют, шоб своих, значить, не зацепить. Без поддержки пехоты танки стали беспомошными. Да ишо лето, жара, люки у всех открытые. Некоторые казаки, выскочив из седла на броню, бросали у нутрь танков через люк бутылки с горючей смесью. Немецкие танкисты, горящие як факел, визжа, выскакивали из танка и тут же попадали под казачью шашку.. Да, дали мы тогда им жару. За день от Кушовки отогнали до Ростова. Не даром на следующий день товариш Сталин по радио сказал: «Надо воевать так, как кубанские казаки!» — гордо закончил ветеран.

— Спасибо, дедушка, Вам за рассказ! С праздником! С днём Победы! — пожал я ладонь старика и зашагал дальше.

А вокруг цвели тюльпаны, пахла сирень, щебетали птицы, из динамика лилась песня: «День Победы, как он был от нас далёк...»

Я раньше, конечно, слышал про Кушевскую атаку, при этом думал: «Как так можно с шашкой на танки? Это ж верная смерть! Наверное, так довели казаков, что они приняли решение: «лучше, геройски погибнуть, чем так жить!» Оказывается — был резон! А смог бы я... на коне... с шашкой против танков?»...

ЧЕЙ ОБРАЗ?

Решил, как-то, пожилой атаман района открыть спортзал, чтобы местные мальчишки были при деле, занимались боевыми искусствами.

Сказано — сделано. Договорился с администрацией по аренде подвала, нашёл спонсоров, познакомился с приезжим тренером по карате.

И вот назавтра — открытие спортзала. Батька-атаман заехал проверить — всё ли готово.

В подвале пахло свежей краской, на полу лежал новенький борцовский ковёр (подарок спонсоров). Есть где хлопцам заниматься казачьим боем.

В углу батька увидел чей-то лик. Сняв папаху, подошёл и начал креститься. Зрение слабое, а тут, как назло, очки дома забыл. После третьего поклона, в его голове закралось сомнение: «Кто изображен в красном углу? Круглолицый... Лысый... Глаза узкие...»

— А чей это образ? — спросил он у тренера-каратиста.

— Это основатель карате Кёкусинкай Масутацу Ояма! — радостно отрапортовал тренер.

— Сними... — схватился за сердце атаман — Я прошу тебя — сними немедленно! — одел папаху и направился к выходу. В расстроенных чувствах сел в служебную «Волгу».

ЗАЙКА

Василий, водитель атамана, очень сильно заикался:

-Та... та... та...

— Да езжай уже! — не вытерпел батька.

Минут через пять езды по городским улицам, уже немного поостыв, спросил у Васьки:

— А что ты хотел сказать?

— Та... та... там Ваша жена рукой махала!

— Разворачивайся, горе ты луковое!...

Как водитель Вася — просто золото, но заикание часто его подводило. Вот, например, когда служил на флоте срочную службу, казус был...

Из-за него потопили три иностранных судна. Капитану эсминца доложили, что на горизонте появились три цели.

Акустики, корректировщики спешно вычисляли, кто это — свои или чужие.

Капитан на мостике ждал ответа... В воздухе напряжение... Счёт шёл на секунды...

Вбежал запыхавшийся помощник:

— Та... та... та...

— Та-ар-пе-да-ми а-гонь! — не дослушав, сорвался капитан.

Торпеды ушли...

— Та... та... та-варищ капитан, завтрак готов! — закончил Василий.

Потом обоих даже наградили за чёткое поражение всех целей на учениях.

А сегодня Василий — помощник атамана. Правая рука, так сказать. Выполняет его поручения, возит на старенькой служебной «Волге». Вчера, вот, за атамана написал приказ о переходе на летнюю форму одежды: фуражка, тужурка (по-флотски), туфли.

Казаки ему:

— Какая тужурка?

— Где мы её возьмём?

— Доложим об этом атаману!

Батька, выслушав, строго спросил Василия:

— Так что же ниже фуражки?

— Ту... ту... ту...

— Не тутуту, а китель! — как отрезал атаман, закрывая тему.

ЧЕРЕЗ ГРАНИЦУ

Решили как-то казаки поехать в Абхазию, в гости к братьям казакам Сухумского особого казачьего отдела, а заодно и экскурсии разные посмотреть. Повысить, так сказать, эрудированность.

«Отмечать» это событие начали, как только сели в автобус.

Приехали на границу. Команда: «Всем выйти из автобуса!», но некоторые «экскурсанты» уже так «наотмечались», что выйти просто физически не могли. На ногах не стояли.

— Вы что, обалдели? — кричал на них атаман.

— Ик... Ну, вы же сами сказали, ик... чтобы мы до границы уничтожили все запасы горилки... ик... не выливать же... — парировали казаки.

— Так, тихо! Переходим границу, молча, поддерживая друг друга! — отдавал последние приказы батька.

В подарок Сухумскому особому казачьему отделу везли большую икону (современную).

И вот уже предпоследний казак проходит рамку металлоискателя, в руках несёт запакованный подарок.

— Что там у Вас? — проявил бдительность пограничник.

— Ик... икона! — выдохнул казак.

Тут же прибежали спецназовцы, окружили, думали, что ка-

заки вывозят старинные иконы через границу. Контрабанда, так сказать.

Распаковали... Разобрались... В общем, часа два потеряли.

— Следующий!

Последним через рамку шёл казак, который весил где-то 160 килограмм. Двухметровый такой шарик из мяса.

Пограничники, осматривая его, скомандовали:

— Руки вверх!

Осмотрели

— Проходите!

Но надо же было сказать «Опустите руки», да видно забыли...

Послушный казак так и пошёл через рамку металлоискателя с поднятыми руками...

В результате абхазские пограничники остались без рамки.

Атаман устроил в первый же день экскурсию казакам в музей Айвазовского. Видит — казаки перед картинами засыпают. Им это не интересно. Но надо же как-то культурно просвещать.

Потом побывали в Новом Афоне, опускались в пещеры, встретились с казаками Сухумского отдела. И вот, уже подуставшие и полные впечатлений, казаки возвращаются через границу на родину.

Увидев издалека казачью форму, абхазский пограничник, отчаянно жестикулируя, кричал:

— Обходите мимо рамки металлоискателя, а то нам только что новую поставили!

Когда проходил 160-килограммовый казак, а нёс он картину с видом на море, купленный на рынке подарок для мэра их города, пограничник спросил:

— Что это за картина?

— Айвазовский... ранний! — симпровизировал казак.

Что тут началось... Опять спецназ... Два часа ждали эксперта по живописи...

Атаман ворчал на казака:

— Ну, зачем ты приплёл Айвазовского?

— А шо, это единственный художник, которого я знаю! — ответил «эрудированный» казак.

Светлана КАЗАРИНОВА

Родилась в городе Ейске. Окончила Краснодарский политехнический и Адыгейский педагогический институты. Работала на швейной фабрике и в учебных заведениях города Ейска.

В 2010 г. стала одним из учредителей ЛТО «Ассоль», руководителем которого является.

БРОШЬ

Василий Коваль вышел из подъезда, привычно огляделся по сторонам в поисках своего любимца — котёнка Васьки, но не увидел его. Тогда он позвал:

— Кис, кис, Вася, ты где?

В ответ раздалось мяуканье, но Васька не появлялся.

— Ты где? — настойчиво поинтересовался Коваль.

Опять мяуканье.

Василий сделал пару шагов и увидел своего питомца. Васька сидел на журнале, а вокруг растеклась огромная лужа. Котенок пытался шагнуть в нее, но холодная вода отпугивала, он держал на весу намоченную лапку и жалобно мяукал.

Коваль взял котенка на руки и опустил на сухую дорожку.

— Пошли, покормлю!

Но котенок не двинулся с места.

— Всё понял, — Василий взял журнал, перенес его поближе к подъезду, расстелил на земле. На развороте журнала он увидел фотографию актрисы местного театра.

— Да, Вася, — покачал головой Коваль. — Я бы тоже с такой красоткой не хотел расставаться.

Котенок слова друга проигнорировал, и тут же усевшись на журнал, поднял лапку, давай, мол, еду.

Коваль насыпал корм прямо на глянцевого издания, Васька чуть посторонился, но с журнала так и не сошел, асфальт нынче холодный. Осень.

Убедившись, что котенок начал завтракать, Василий пошел на службу в отделение полиции, где проходил практику.

Его наставник Вадим Перевозчиков находился уже в кабинете, и, похоже, давно.

— Дело новое у нас! — обратился он к Василию, как только тот вошел. — Убийство. Сейчас Иван Кузьмин подойдет и поедет.

Не успел Вадим договорить, как открылась дверь и эксперт-криминалист крикнул:

— Ну, мы идем или ждем кого-то?

— Идем, идем, — отозвался Перевозчиков.

Полицейский Узик уже ждал их на улице, они быстро сели в машину и она поехала.

Осмотрев место преступления, каждый стал делать свою работу: Иван Кузьмин искал улики, Василий Коваль писал протокол, а Вадим Перевозчиков задавал вопросы дочке убитой.

— Так вы говорите, из дома ничего не пропало?

— Что тут брать? Мама жила бедно, пенсия у нее маленькая, всю тратила на лекарства, да на питание, сбережений не было, нечего копить. Я ей помогала, но тоже небольшие суммы давала, сама живу небогато.

— Очень странно, очень, — произнес себе под нос Вадим. — А документы на квартиру где? Не пропали случайно?

— Нет! Они у меня дома. Мама начиталась статей в криминальной хронике, как стариков обманывают, чтобы жилью у них отобрать, так сразу и отдала мне документы на хранение.

— Это хорошо, но тогда совсем нет мотива преступления, совсем. Кому же потребовалось убить этот Божий одуванчик? Василий, ты как думаешь?

Коваль пожал плечами. Что тут скажешь?

Иван Кузьмин закончил снимать отпечатки пальцев с дверей, перешел к комоду.

— А это что? — он поднял рекламный буклет ювелирного магазина.

Дочка взяла бумагу в руки, посмотрела на фотографию.

— Да, мама фотографировалась на рекламу, очень ее просили об этом ювелиры, она и согласилась.

— Вот и ответ. Что за брошка на ней, поди, очень дорогая? — строго спросил Вадим.

— Да, что вы? Это стекляшки, — отмахнулась дочка.

— А, кстати, где эта самая брошь? — поинтересовался Кузьмин. Дочка открыла ящик комода, пошарила внутри.

— Была всегда здесь, а сейчас нету. Но она, правда, не представляет никакой ценности.

— Но вор, наверное, об этом не знал?

— Тут и знать не надо, за три версты видно, что она очень простая, хоть и сделана на заказ.

— Зачем? — спросил Василий, не отрываясь от протокола.

— Когда-то давно моей прапрабабушке подарил точно такую брошку в день помолвки прапрадедушка, тогда в брошке были камни самые настоящие: изумруд, гранат и сапфир. Потом она передавалась по женской линии из поколения в поколение, но во время войны бабушка вынуждена была продать ее, чтобы спасти семью от голода. С тех пор у нас нет семейной реликвии. Но маме почему-то захотелось сделать такую же брошку, вот она и заказала ее ювелирам этого самого магазина, в котором снялась для рекламы. Брошка похожа, но она дешевая, об этом в буклете написано, вот посмотрите внимательно, — женщина показала, то место, где, действительно, было написано о мастерах-ювелирах, изготовивших брошь по старой фотографии.

— Значит, вор, если наметил украсть эту брошь, прекрасно, знал, что она не настоящая. И все обладатели рекламного буклета об этом знали, буклет на улицах раздают, — сделал вывод Коваль, продолжая писать.

— То-то и оно-то, — покачал головой Перевозчиков, — разве, что псих какой, захотел эту стекляшку иметь. Теперь обыщемся!

Кузьмин закончил свою работу, закрыл чемоданчик.

— Пойду я, — сказал он, — в машине вас подожду.

— Да, собственно и мы заканчиваем, — отозвался Перевозчиков. — Пошли, друг, он похлопал Коваля по плечу.

Стажер сложил бумаги в папку, встал из-за стола, направился было к двери, но вдруг остановился, повернулся и подошел к комоду, уж, больно, ему захотелось поглядеть на брошь, сделанную на заказ. Василий взял буклет, внимательно рассмотрел его.

— Где-то я видел эту брошь, — произнес он.

— Где? — хором спросили Вадим и Иван.

— Не помню!

Перевозчиков махнул рукой.

— Небось, тебе тоже на улице такой буклет вручили. Я-то думал, зацепка есть, — пробурчал он, открывая двери.

Обратно в отделение полиции ехали молча, когда вошли в кабинет, Вадим произнес только одно слово:

— Висяк!

Потом их позвали на совещание, потом Вадим отправил Ковалю в архив за документами, необходимыми ему в работе, потом было еще много дел, пока, наконец, рабочий день не закончился.

Василий шел домой усталый, даже забыл зайти в магазин и купить своему питомцу корма. Котенок сидел на том же журнале и встретил Ковалю громким криком: «Мяу!»

«Вот, бедный, он голодный, а я корм не купил, — подумал Василий, но в магазин возвращаться не хотелось. — Может дома, в холодильнике что-нибудь найдётся?» — придумал альтернативу своей забывчивости стажер.

Но в это время на балконе появилась мама и крикнула:

— Вася, ты хлеба купил?

Делать нечего, придется в магазин идти, как ни устал. Василий побрёл обратно, удивляясь, почему это Васюк не бежит за ним.

«Ах да, у него же красotka в журнале, и он не хочет с ней расставаться!» — усмехнулся своим мыслям Коваль, но тут вспомнил, что брошку он видел на платье этой самой красотки, актрисе местного театра. Он тогда еще подумал, что эта брошь очень безвкусна, камни слишком яркие: красный, зеленый и голубой. Некрасивое сочетание: наглое и броское. Наверное, Сваровски, решил тогда. Сейчас это модно, но как-то примитивно. Лучше бы использовали другие цвета.

Из магазина стажер не шел, а бежал, несмотря на усталость. Только бы журнал не пропал, в его отсутствие. Печатное издание находилось на месте. Василий сел на скамейку, насыпал тазу корма рядом с собой, а журнал стал внимательно изучать. На платье актрисы приколоты точно такая же брошка, как и на фотографии бабушки в буклете. Только в статье под снимком написано, что актриса приобрела эту брошь на аукционе в Сотби, за несколько тысяч долларов.

Васька тем временем поел, но никак не хотел отдавать Ковалю журнал, он хватался за обложку коготками и тянул к себе, пришлось стажеру вырвать нужные страницы, а глянцевого издание положить на землю возле скамейки. Котенок тут же уселся на него и благодарно замурлыкал.

Коваль позвонил наставнику, рассказал про статью в журнале.

— Это многое меняет. Жди, сейчас приеду, — сообщил в ответ Вадим.

Через час Коваль, Перевозчиков и Кузьмин уже находились у актрисы в театре, Иван рассматривал брошь через лупу, Василий наблюдал за ним. Брошь, действительно, оказалась подделкой, как они и думали. Теперь надо выяснить, кто мог её подменить, это оказалось делом несложным. Актриса показала, что последнее время возле нее вертелся молодой артист, недавно принятый на работу. Обыск подтвердил правоту актрисы, брошь нашли у него в сумке. Продать ювелирное украшение он не успел, такие дела быстро не делаются.

Коваля подвезли домой на машине. Васька кинулся к ногам, покинув по такому поводу свой журнал. А Коваль насыпал своему другу еще немного корма. Заслужил! Помог преступление раскрыть по горячим следам.

«Вот есть же люди, которые только денег хотят, будет теперь этот юный артист на зоне думать, что работать надо было. Нет же, хотел всё и сразу. А так не бывает», — размышлял Василий, наблюдая, как котенок поедает корм.

А актриса после суда подарила брошь дочке убитой.

— Пусть реликвия вернется в свою семью, — рассуждала она. — Себе оставила копию, — если опять украдут, то не жалко!

Любовь РУБАНОВА

Родом с Алтая, прозаик, автор книг «Искры на рассвете», «Просто люблю», сборника рассказов «Алмаз». Публиковалась в журналах «Московский вестник», «Московский журнал», «Portfolio» (США).

Живет в г. Ростове-на-Дону.

ТРИ ДНЯ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Говорят, счастлив тот, кто исполняет свою мечту. И вот я в Нью-Йорке. После долгих мытарств с документами, пристрастных собеседований в посольстве, лишь со второго захода к консулу, я оказалась прямо на Манхэттене вблизи Бродвея и 5-й авеню. Ну чем не радость для активного туриста!

Мы прилетели вскоре после тропического урагана. Каждый день шел дождь. Небоскребы, казалось, то плакали, то улыбались, когда сквозь тучи на короткое время пробивалось солнце. Нам же постоянно было весело: позади многочасовой перелет, мы в одном из крупнейших и известных городов мира, так что купили зонтики и с утра до поздней ночи шлепали по лужам, стараясь не пропускать экскурсий, походов в музеи и театральные постановок. Все радовало глаз и удивляло — поводов для уныния не нашлось. Напротив, было какое-то единение с городом и его жителями. На каждую нашу улыбку они отвечали тем же.

Асфальт в Нью-Йорке местами не идеален, да и люди, как и в России, нет-нет да и перебегут на красный свет. В других городах Америки я себе такого не позволяла — штрафы велики. Когда видишь архитектуру Нью-Йорка по телевизору или в кино, она не так впечатляет — высотки сегодня есть везде, а вот когда разглядываешь прямоугольные гиганты наяву, да еще со смотровой площадки Скай-Билдинга, то понимаешь: в них все важно: где небоскреб стоит, какова его форма, из какого материала выстроен, и начинаешь понимать, что создание такого строительного чуда — это не только демонстрация материальных возможностей, утверждение чего-либо или необходимость, а искусство! И таланта

требует немало, инженерной мысли и еще, я бы сказала, полета фантазии, чуть опережающего время. Потому что без этого нельзя удивить, а в шоу вся Америка. Там, где многоэтажки, да еще такие, в которых 60–80 этажей, для деревьев места нет совершенно. В центре Нью-Йорка они растут в деревянных кадках, их двигают туда-сюда, чтобы солнечные лучи иногда попадали, под ними нет окурков, мелкого мусора, его никто не бросает под корни растениям, поэтому деревья большие, раскидистые, красивые, знай себе, шелестят листочками, не подозревая о замкнутом пространстве.

Вблизи Таймс-Сквер — небольшая улица, мало что имеющая общего от сквера в привычном понимании этого слова, но все равно красивая, чистая, многолюдная, как весь Нью-Йорк, который светится, шумит, движется и не спит круглые сутки. На торце одного из офисных зданий я насчитала пять огромных лазерных экранов. Однажды, отправляясь на экскурсию утром, с удивлением обнаружила, что они еще горят, хочешь, стой, смотри и читай — хочешь, иди дальше.

Первый небоскреб в Нью-Йорке был построен в 1902 году. Он был в виде треугольника, слегка вытянутый, одним углом к центру улицы. За это его стали называть «утюг». В нем было 20 этажей. До него самым высоким зданием считалась церковь Святой Троицы. По ее шпилю ориентировались корабли, заходившие в порт. Дом-утюг и церковь хорошо сохранились и до сих пор стоят на прежнем месте, а невдалеке — самый высокий жилой дом в Нью-Йорке в 90 этажей, красивый, сверкающий темно-синим стеклом — впечатляет! Прошло совсем немного времени, а понятие о высоте зданий очень изменилось. Посещаем знаменитый небоскреб Билдинг. Поднимаемся на 77-й этаж, перед нами открывается удивительный пейзаж — 200 небоскребов в одном месте! Стою, разглядывая эту сюрреалистическую картину, и ишу сравнение — что это? Просто восхищаться и удивляться скучно, намного интереснее, когда ты пытаешься создать образ увиденного. И посмотрев на лица людей, которые, как мне показалось, говорят: «Я в Америке! Я на 77-м этаже! Я вижу это!», озвучиваю свой образ на удивление простой, понятный, всем известный и отнюдь ничем не возвышенный:

— Знаете, на что это похоже? Посмотрите, квадратики-квадратики-квадратики, это же вышивка крестиком, только не бабушкина роза или листочек, а что-то в духе авангарда.

Мне даже показалось, что у некоторых исчез этот сумасшедший восторг. Я не хотела таких перемен в их настроении, так получилось само по себе.

Нью-Йорк действительно необычный город, на 90% состоит из небоскребов. Крыши некоторых — вертолетные площадки, зимние сады, и абсолютно на всех находятся огромные трубы вентиляции, из которых валит отработанный воздух, он идет выше небоскребов. Глядя на эту технику, понимаешь, что выброс от сплит-систем невозможно осуществлять на улицы города. Это было бы неразумно. Для небоскребов в Нью-Йорке самая подходящая почва — каменистая, твердая, плотная. Она сама по себе уже готовый фундамент. Поэтому строительство домов здесь не такое уж простое дело. Однако Нью-Йорк продолжает строиться, и это при полном отсутствии свободных территорий. Постоянно что-то переделывают, улучшают, может, поэтому почти нет пробок. В городе 13 тоннелей, столько же мостов и многочисленные транспортные развязки. И в этом есть необходимость — в Нью-Йорк каждый год приезжает 50 млн туристов. При всем этом в городе есть, чем дышать — рядом залив, а сам город построен вокруг огромного парка, площадь которого более 300 га, он создан на основе естественного зеленого массива. Самые дорогие квартиры в городе — с видом на этот парк. Что мне больше всего понравилось: к парку этому — самое бережное и трепетное отношение. Когда, насытившись цивилизацией, я решила пройтись по парку, то увидела, что здесь чисто, красиво, посадки новых деревьев не испортили природный ландшафт, сохранились озера, болота, скальные выходы, для отдыха построены уютные павильоны, и даже вечером в этом парке гулять не страшно. Есть место, где собраны все деревья и кустарники, которые упоминаются в произведениях Шекспира. Здесь можно увидеть старую мельницу, колодец, бунгало.

Первой достопримечательностью, куда я отправилась в Нью-Йорке, стал Бродвей. Купила билет в театр и отправилась на мюзикл «Мама мия!». Вот и случилось это — я увидела и услышала совершенство механики в театральном искусстве! У нас в театре живешь, страдаешь, плачешь, смеешься и уходишь с этим в мир. Наш театр не опускает. Не раз мысленно возвращаешься к постановке, тексту. В Америке театр гостеприимен, правда, он без вешалки, гардероба. Зато официант принесет тебе любую выпивку и еду прямо во время спектакля, буфет находится тут же в конце зала, но, несмотря на такое удобство, беспорядка и шума нет, все чинно, важно — американцы ценят комфорт. Мюзикл воспринимается легко: там, где надо, ты улыбаешься, где надо, молчишь и

хлопаешь под общее настроение, но вот этой душевной работы и страстей в американском мюзикле я не заметила — может быть, они и не нужны. Здесь развлечение, легкость бытия, и ты невольно заражаешься ею и думаешь, что жизнь прекрасна, несмотря ни на что! Одним словом, приходишь в хорошем настроении и уходишь налегке, с улыбкой, и мысли твои исключительно о том, что прекрасно жить на свете! И я лично не против!

На Бродвее 28 театров, а всего в Нью-Йорке их более двухсот. Нью-Йорк, прежде всего, это слияние коммерции и бизнеса, медийный город. Взять хотя бы *Rockefeller Center* (Рокфеллер-Центр), он занимает в городе 19 га, на котором расположено 21 здание. Поскольку Центр — частная земля, то один раз в год на этих улицах закрыто движение для транспорта и пешеходов. Все остальное время открыты и работают конференц-залы, рестораны, магазины, библиотеки, офисы, зимние сады, фонтаны, зимой для всех горожан заливают каток. На меня произвел впечатление зимний сад в одном из залов Центра. Представьте себе аллею из 17 высоких стройных живых пальм. Купол здания буквально выстроен под эти пальмы, центр его стеклянный, чтобы на растения попадал солнечный свет, другая часть купола расписана великолепными фресками на тему труда. На фресках изображены люди с мужественными лицами, мускулистыми конечностями, одетые в простые, почти библейские одежды, и в то же время мы видим, что это современная жизнь. Когда смотришь на эти картины, то понимаешь, что все лучшее на земле создано человеком. Конечно, пальмы в помещении аэропорта я видела в Сингапуре, но где Сингапур, и где Нью-Йорк. Климатические условия разные, а пальмам хорошо везде, где есть желание украсить ими здание и уход за растением правильный.

Нью-Йорк, как и любой город, обладает шармом и притягательностью, но имеет и свое особое лицо. Сюда с давних времен ехали люди, чтобы доказать свою талантливость и стать знаменитым, чтобы проявить чудеса трудолюбия и разбогатеть. Здесь спасались от политических преследований или от войны, сюда приезжали, чтобы вкусить глоток свободы. Нью-Йорк принимал всех, он умел ценить людей и каждому давал шанс, проверял, испытывал. Побеждали сильнейшие. Может показаться странным, но даже великий борец за свободу, итальянский революционер Гарибальди, именно здесь провел последние 5 лет жизни, размышляя над своими идеям. Более того, в Вашингтоне ему установлен

памятник. Ежедневное хождение, несмотря на дождь, привело нас на Уолл-Стрит, где находится знаменитое хранилище фонда Америки. И мы прошлись с шутками и улыбками по тому месту, где под землей хранятся золотые слитки. Увидели известную на весь мир биржу, офисы банков, правда, трепета при этом я не испытала, в этом, как мне кажется, мое горе, но и счастье тоже.

А вот и знаменитый бык — небольшая скульптура животного из металла, у которого все, без исключения, делают фото. «Для чего он здесь? Может быть, это золотой телец, которому поклоняется Америка? А может быть, каждый, кто приезжает в Америку, должен победить быка и, значит, состояться?» Но что бы я ни придумывала и ни говорила, история города утверждает, что в этом месте когда-то шла бойкая торговля скотом, а еще позднее ходили стада бизонов. Нынешний Бродвей, кстати, в прошлом тропа, по которой животные шли на водопой. Все, кто приезжают, считают своим долгом сфотографироваться с животным. И не только традиционно, чинно, важно, а с определенным подтекстом. Если берутся за рога — это, по примете, помогает преодолеть трудности (вспомните: «Взять быка за рога»). Если тянут его за хвост — это чтобы в жизни не оказаться последним, мужчины (не поверите!) берутся за детородный орган, чтобы быть необыкновенно сильным в постели. Все-таки непросто быку стоять в центре города! Скульптура его отполирована до блеска руками приезжих. Я, конечно, «внесла свою лепту», погладила его по бокам и сказала: «Держись, дружище! Судьба у тебя такая — помогать людям. Что живому, что в бронзе».

История Нью-Йорка началась в 1500 году, это новое владение герцога Йоркского. И расширялось оно не только силой, но и переговорами, с местными племенами индейцев. А уж как выгодно было торговать! Небольшая возвышенность, полуостров, омываемый тремя реками, ныне Манхэттен, был куплен когда-то у аборигенов за 24 доллара.

И еще этот город интересен тем, что Новый год здесь — самый продолжительный праздник. Его встречают с сентября по февраль. Не всем городом, конечно, а кварталами, где живут эмигранты. Одни — хлопущками и фонариками, другие — песнями и гирляндами цветов, третьи — елками и вкусной едой. 217 народов населяют этот город. И приняв общие правила цивилизации, они в этой стране не забыли о том, что знали с детства в своем доме.

Наталья СТРЕМИТИНА

Наталья Шурина-Стремитина (Стремитина – псевдоним) — прозаик, публицист, поэтесса, издатель и музыкант.

Родилась в Москве. В 1972 г. получила диплом философского факультета МГУ. Печаталась в газетах «Московский комсомолец», «Литературная Россия», «Неделя», журналах «Юность», «Советская женщина» и др. Закончила режиссерские курсы при театре им. Вахтангова и пару лет руководила молодежным театром в г. Зеленограде, работала в репертуарном отделе Московского городского Дома художественной самодеятельности, а также психологом в научном институте. В 1976 г. Наталья выходит замуж за Симона Шурина. Ученый и врач становится композитором, а поэтесса и прозаик — менеджером. В 1989 г. издает книгу «Как быть любимой» (Москва), в 1995 г. — «Приключение Тела» (Москва). Пишет пьесы для детей, ироническую прозу и философские притчи. В 1998 г. несколько повестей и рассказов переведены на нем. язык, повесть «Записки из подвала» получает Венскую литературную премию «Schreiben zwischen den Kulturen». Наталья издавала журнал «Интеллектуальная женщина», но не нашла поддержки этому проекту и продолжила свою культурную программу под новым девизом «Мир в Европе». Лишь в 2004 г. супруги Шурины получают спонсорскую помощь от магистрата г. Вены. В 2006 г. выходит книжка юмористических рассказов «Рецепт для похудения» (Рязань), в 2008-м — книга прозы на немецком языке «Abenteuer des Körpers» (Austria), в 2010-м — книжка для подростков «Порыв» (Рязань) и книга повестей и публицистики «Философ» (Рига), в 2011-м — поэтический сборник «Возвращение солнца» (Рязань).

Пьесы, стихи и рассказы печатались во многих сборниках, журналах и газетах во Франкфурте-на-Майне, в Москве, Праге, Вене, Нью-Йорке.

Проживает в Вене (Австрия). E-mail: natalja.schurina@chello.at/

ДВА ЧАСА НАСЛАЖДЕНИЙ ЗА УМЕРЕННУЮ ПЛАТУ...

Раз в месяц (иногда приходится откладывать поход в баню и два и три месяца), Женька отправляется в *Oberlaa*¹.

Получив номерок раздевалки, поэтесса, музыкантша, издательница и домашняя хозяйка, Женька так быстро раздевается в кабинке, что можно подумать, что большую половину своей жизни она проработала в армии или борделе.

¹ *Oberlaa* — большой оздоровительный комплекс в Вене, где есть бассейны с холодной и горячей водой, сауны с разной температурой, дыхательные камеры с эвкалиптом, ромашкой и другими травами, ультрафиолетовые излучатели и многое другое.

Почему она так спешит? Да потому, что в кошельке у неё есть деньги только на два часа — первый тариф, остальные монеты придется тратить на дорогу в метро и трамвае. Проездной билет почти никогда не покупается вовремя, а на «месячный» почему-то уже давно нет этих легко исчезающих евро.

Ну и что? Вы думаете, что удовольствия от жизни получают только богатые дамочки, у которых миллионы в банке? Ошибаетесь! У Женьки есть свой пример для подражания — философ Сократ¹. Он был, по-нашему, бродяга (так о нём говорили во времена социализма — на самом деле получил наследство от папы-скульптора), но он ходил в стоптанных сандалиях и замызганной тунике (что было под ней, никто так и не узнает), и не имел почему-то при себе никаких драхм, ведь дело происходило в Греции. Но удовольствия от жизни получал регулярно, сидел на пирах у богатых вельмож и проповедовал, как надо жить. И что удивительно — они его слушали и восхищались!

Женька тоже имеет свою философию, даже придумала первый закон в своей книге бытия: «*Нужно получать самые большие удовольствия от жизни за самую низкую цену!*» Эта формула спасает Женьку и сейчас. Ведь можно сидеть в *Oberlaa* и четыре часа, и весь день, а толку-то что — кругом ленивые толстые тела, и никакой радости в глазах — только скука...

А почему? Да потому что большинство дамочек, конечно, те, что солидного возраста, не знают, в чём смысл посещения бани! Вы что думаете — помыться? Попариться? Поплескаться в бассейне с холодной водой, а потом в горячей или наоборот? Это, конечно, тоже, но главное не в этом!

Женька ходит в баню, чтобы *продлить свою жизнь*. А зачем продлевать, если всё время что-то мешает наслаждаться жизнью? Да потому что, чтобы успеть сделать то, что она задумала в своей жизни, нужно Время. Вот его-то она и продлевает!

Итак, Женька сбрасывает с себя все нерешенные проблемы так же, как одежду, быстро и аккуратно, чтобы потом подобрать. Но сейчас она как бы воспаряет, забывает обо всём, ведь ей очень важно заставить свой организм помолодеть — хотя бы на месяц, а то и два. И тогда Женька будет следовать второму закону из своей книги: «*С годами можно не только не стареть, а наоборот — молодеть!*»

¹ Греческий философ, который следовал изречению «Познай самого себя».

Вы спросите, как это возможно?

Многие верят в астрологические прогнозы, в переселение душ, в шаманов, да мало ли во что! А Женька верит в вечную молодость и в то, что сам человек может управлять своей судьбой. Вот, например, я хочу прожить 100 лет. Если мне этого очень хочется — *я не буду вредить своему драгоценному организму*, а буду его холить и лелеять. Зачем надрываться «у станка»? — думает Женька. — Да пусть хоть миллион заплатят, вот их сколько дураков умирает на рабочем месте! Этот вариант не для меня, я жить не только хочу, но и умею... наслаждаться жизнью. Вот поэтому я выбрала профессию, где ты занят полдня, а остальное время можно наслаждаться прогулками на чистом воздухе, чтением книг, общением с умными людьми и даже заниматься музыкой для собственного удовольствия. В крайнем случае — можно начать рисовать, ведь главное захотеть открыть в себе еще один новый талант.

Кстати, *«когда вы открываете в себе что-то новое — вы молодеете»* — это уже третий закон из философии Женьки. Не смейтесь, это действительно закон.

Нет ничего страшнее однообразной, монотонной жизни. Всё живое требует впечатлений, а значит новизны! Смена погоды — новизна, смена жены или мужа — новые страдания или новые радости — это новизна! Отсутствие денег — это тоже новизна! Внезапный выигрыш — это уже страшная перемена в жизни! Еще не известно, что хуже? Вы знаете, что богатые чаще умирают от несчастных случаев: их иногда травят родственники, они изредка разбиваются на личных самолётах, их дети покупают самые быстходные машины, а вы сами знаете, к чему это ведёт!

Однако мы отвлеклись от нашей темы — *два часа наслаждений за умеренную плату*. Смогла бы Женька так интенсивно жить, если бы у неё были деньги? Это еще вопрос!

Итак, первый пункт программы — сауна. Казалось бы, чего проще — зайди в комнатку с деревянными стенами и потолком, садись на полотенце и тупо потей, слушая болтовню своих соседок.

Женька редко ходит в баню с подругой: те, с которыми интересно и приятно, вечно заняты на работе или в семье, а те, кто свободны и рвутся к общению, бывают так скучны... Партнёр по бане должен понимать главную цель — *борьба со временем*, только тогда можно в «приятном тандеме» совершать один оздоровительный подвиг за другим...

Но, вернёмся в сауну. Прежде всего, нужно постараться не попасть в толпу. Женька ловит подходящий момент, когда распаренные дамочки бросаются в холодный бассейн или тщательно смывают с тела маленькие и большие грехи, — в это время — сауна пуста. Здесь важно выбрать позицию — только наверху, никакой конкуренции, и обязательно лежать всем маленьким плотным телом горизонтально — без деревянного подголовника. Очень важно распластаться на полотенце так, как будто ты лежишь в ракете, которая со второй космической скоростью (12 км в сек.) отрывается от Земли. (Надеюсь, вы не забыли, что открытия про трёхступенчатые ракеты и по поводу необходимых скоростей — всё это придумал один чудака из Калуги — Константин Циолковский, — между прочим, русский учитель физики в обыкновенной школе). Кстати, ни копейки на этом открытии не заработал, жил в нищете. А эксперименты делал на свои кровные денежки. Дети не доедали и даже некоторые умерли от недостатка питательных веществ. А папаша отправлял ракеты одну за другой из собственного двора — это вам почище Сократа будет. Он-то просто всем объяснял, что ничего не знает, а сам, хитрец, очень хорошо знал, в чём смысл жизни... за что его и приговорили.

Итак, Женька лежит на верхней ступеньке сауны, и отгоняет назойливые мысли про бедных гениев — пора начать разминку засидевшегося собственного Тела (раньше у пишущей машинки, а теперь за компьютером). Первое упражнение — шевелить пальцами ног, замученных обувью и отсутствием прохлады и без всякого контакта с земной почвой.

Ноги — божественное орудие движения по Земле. Женька обожает ходить, как важно сохранить лёгкость и энергию в ходьбе, как важно радоваться каждому шагу, ведь движение — это всегда борьба со временем, а значит и надежда на скромную, но победу. Прогулка в один км в день — это час жизни, а если 10 км — это 10 часов! Вот и ещё один закон: *«Время каждой жизни относительно!»* Кто-то проживает 10 дней, и теряет месяц своей жизни, а другой за то же время прибавляет себе два дня жизни! Разве это не чудо?

После гимнастики для ног, Женька принимается вспоминать дыхание йогов: верхнее, среднее и нижнее. Больше всего её интересует дыхание животом. Самое простое и практичное — массаж разлившихся внутренностей — первые три дыхания для печени,

еще пять — для желудка, а остальные для прочих мелких и больших органов. Кстати, научиться чувствовать свой анус, расслаблять и закрывать, значит управлять важным процессом очищения — этому Женька тоже научилась у йогов. А вот про разминку вагины читала у одной англичанки, которая рекомендовала не пропускать ни один вход в организм, без тренировочных упражнений. Если вагина умеет сокращаться — это гораздо важнее философии, это уже искусство твоего Тела. А современные мужчины привыкли философствовать с кем угодно, только не с дамами, в женщинах их интересует только форма груди и линия бедра, даже если им далеко за 70... А разве плохо быть привлекательной в самые интимные моменты своей жизни?

«Всё проходит», — сказал древний мудрец Соломон, и эти первые 20 минут сауны тоже прошли. За ними следует одно из самых любимых удовольствий — погружение в прохладную воду на свежем воздухе в каменном дворике. Большинство зрелых и молодых дам предпочитают лежать в креслах и вдыхают дым своих сигарет. Женька никогда не отравляла себя никотином, поскольку следует своему следующему закону — *не вредить своему драгоценному организму*. Однако если расценивать курево — не как дурную привычку, а как некое священнодействие или попытку оторваться от ежедневных забот, то у Женьки для этого тоже есть свой ритуал — не веря в конкретного Бога, она благоговеет перед Создателем, и, погружаясь в бассейн, вслух, (если нет свидетелей), шепотом или мысленно, если кто-то рядом, воздаёт хвалу невидимой Причине, которая породила *Universum* и Жизнь, да ещё Жизнь — разумную, к которой она причисляет и себя.

Женька размышляет логично — если я буду думать каждый день утром 2–3 минуты о том, что Кто-то создал этот мир и до сих пор остаётся за семью печатями, несмотря на великие открытия и эксперименты физиков и химиков, (занимательные легенды и домыслы всех религий мира тоже очень увлекательны, но не убедительны), это не займёт много времени, но если нематериальная Мысль всё-таки куда-то проникает, может быть, этот Кто-то там, в Мирозданье подарит ей дополнительно кусочек космического Времени?!

А сейчас Женька неумоимо плывет своим собственным стилем, то погружаясь, то выныривая из слегка солоноватой воды

маленького бассейна по диагонали, не забывая о гимнастике живота. Затем следует подводная гимнастика для ног и подтягивание на руках. Первый час в *Oberlaa* пролетел незаметно.

Следующие 30 минут Женька будет «накручивать метры» в большом спортивном бассейне с холодной водой, где такие же как и она неутомимые борцы со временем уплывают от старости и болезней... Короткие передышки на солнце — это еще и путешествие на Карибик или Канары. Что стоит вообразить себе вместо средневропейских зеленых растений пальмы и лазурный берег, «услышать» шум прибоя и ощутить аромат тропиков...

В эти мгновенья Женька вспоминает детство, и пряный, влажный воздух южной ночи в Сочи на берегу Черного моря. Даже при социализме они с мамой — женой инженера, могли себе позволить каждый год жить на Юге по два месяца в году, а вот в Европе Женьке это пока не удастся.

Мгновения покоя и возвращение в детство заканчиваются. Переход в другой бассейн совершается по лесенке или подныриванием под защитным пластиком. Горячая вода, поначалу, даже обжигает, но Тело быстро выравнивает эту разницу, на то и существует *die Homöostase* — постоянная температура теплокровных, к которым относятся все млекопитающие и люди в том числе. Здесь Женьку ждут удовольствия поистине фантастические, впрочем, как и любую другую женщину или мужчину в *Oberlaa*.

Подводный массаж — это стимул для всего организма, которому далеко не всегда удаётся получать удовольствия от ежедневной трудовой или праздной жизни. Первая ступень — струя воды под давлением бьёт на уровне ног: вот и займись своими пальчиками, пяткой, щиколоткой и икроножной мышцей — разомни их, поверти в разные стороны, покрутись на месте, как балерина у станка. Затем следует уровень второй — колени и кусочек берцовой кости — разомни и эту часть тела. А теперь приготовься к наслаждению — горячая струя попадает в самые неожиданные сочленения тела — ты можешь почувствовать все оттенки эротических удовольствий — будто тобой овладела компания из женщин и мужчин, которые ласково, но настойчиво проникают во все твои отверстия.

Женька каждый раз воображает себе новое эротическое приключение — с удавом или хоботом слона или с необыкновенным сексуальным гигантом из другой Галактики. Однако можно от-

несть к третьему уровню и по-научному — попытаться понять, где же пребывают именно *твои эрогенные зоны*, чтобы в твоей семейной или любовной жизни, они, наконец, заработали в нужный момент и с подходящим партнёром.

Следующая водяная бойница промассирует твой позвоночник или живот, если ты не обессилишь от предыдущих процедур, и будешь поворачиваться в нужном направлении, и, наконец, последняя «протаранит» грудь и верхнее соединение тела и головы — шейные позвонки. Что может быть важнее этого участка организма? — ведь в голове рождаются все без исключения удовольствия не только Тела, но и Разума и Души.

На подводный массаж Женька оставляет предпоследние 20 минут, теперь она выныривает в главное вместилище отдыха и расслабления. Затем следует первое переодевания в кабинке — купальник сушится в центрифуге, а Женька облачается в халат и выбегает к выходу, открывает шкафчик с одеждой, стремительно одевается, не глядя в зеркало (идут последние минуты банного марафона), хватая всё лишнее в руку (на упаковку вещей нет времени) — вот и касса. Вежливая дама благодарит её за посещение *Oberlaa* и проглатывает *умеренную плату за удовольствия*, и Женька выходит на воздух.

По левую руку остаётся парк, в котором почти всегда нет времени задержаться и продлить разговор с Создателем и, подобно китайским императорам, любоваться искусственным прудом, в котором плещутся настоящие рыбы и утки. Гораздо чаще приходится резво сбегать по ступенькам и садиться в удобное мягкое кресло трамвая, который как будто дожидается её на конечной остановке.

Вот здесь можно встряхнуть еще мокрыми волосами, слегка причесаться и аккуратно разложить свои банные вещи в сумке, а теперь пора достать *Deutsche Grammatik* — тонкую книжечку, предназначенную для чтения во время путешествий по городу, в ней содержатся основные тайны языка, который Женьке предстоит изучать еще не один год... Каждый раз она убеждается в том, что понимает всё больше и больше. И это вселяет надежду на многие телесные и духовные удовольствия в будущем...

2006, Вена

ФИЛОСОФСКИЕ ПРИТЧИ

ЛЕТАЮЩИЕ РЫБЫ

Однажды воды морей и океанов разбушевались и безжалостно выбросили на берег своих обитателей. Многие из них погибли, задохнувшись в новой стихии.

Только острогрудые рыбки, попав в бушующий шквал, пронеслись над землей и, захваченные полетом, вдруг забыли о страхе.

Они испытали радость!

И это помогло им взлетать вновь и вновь.

Когда разъяренные волны вернулись в недра моря, рыбки не последовали за ними, а остались на суше и продолжали летать.

Так появились летающие рыбы.

Сначала всё шло замечательно — летающие рыбы всем казались просто чудом. Птицы были в восторге от своих новых знакомых. И летающие рыбки гордились: еще бы они могут то, что птицы, но умеют и плавать. В минуты опасности они исчезали в морской стихии.

Однако им не дано было петь — даже весной, когда вся Земля наполняется песнями птиц, они молчали, и глаза их порой были полны слез, им трудно было решить чему отдать предпочтение — морю или суше.

Шло время. Летающие рыбы освоились на земле, вот только высоко летать и петь они так и не научились. Зато теперь они устраивали свои гнезда не хуже ласточек. Да и друзей у них было немало, а некоторые птицы даже гордились, что знакомы с такими необыкновенными, молчаливыми летающими существами, ведь молчание многие принимают за скрытую мудрость.

Но вот однажды затеяли птицы состязание — кто из них споёт самую звонкую песню и совершит самый смелый полёт.

Думали-думали, кого пригласить в судьи, и выбрали летающих рыб.

Те сразу согласились, потому что считали себя много мудрее вечно щебечущего, легкомысленного птичьего племени.

Состязание проводилось над высокой скалой далеко от моря.

Наши судьи, летающие рыбы, с трудом долетели до места. Конечно, гордыня не позволила им сознаться в этом и вернуться.

В то время, когда птицы изощрялись перед ними в своём природном искусстве, чирикали, щебетали на разные голоса, выделяли немислимые пируэты в воздухе, летающие рыбы изнывали от жары и ужаса, и думали о том, когда же они, наконец, доберутся до спасительного моря.

И всё-таки им хватило сил после состязания говорить о том, что птицы глупы и безрассудны, и что тратить свою энергию на глупые рулады — признак легкомыслия, а полёт должен быть простым и недолгим.

— Вообще, во всём надо знать меру, — сказали летающие рыбы, и, не выдержав длительного пребывания на воздухе, упали в обморок (потеряли сознание).

Добрые птицы были удивлены, но донесли своих строгих суждений до моря и опустили в прохладную воду, там летающие рыбы сразу пришли в себя, и, высунув рыби головы, вновь пытались учить птиц, как и куда им летать, ведь им вновь хотелось показать своё неизмеримое превосходство...

Однако с тех пор птицы не приглашают летающих рыб в судьи, но всё-таки, в их присутствии стараются летать пониже, потому что на всякий случай побаиваются их и не хотят расстраивать таких удивительных летающих рыб...

ВЕЛИКАН И ГОНЧИЕ

Жил-был на свете Великан. Всего у него было вдоволь: и лес, и река, и дворец, — вот только не было поблизости никого из его великаньего племени. Часто нападала на Великана тоска, и брёл он одиноко, куда глаза глядят.

И вот придумал он превращаться в разных зверей: то в Лису, то в Зайца, то в Барсука или Волка. А всё потому что нравилось ему быстро бегать, так, чтобы ветер в ушах свистел. Вот и стал он часто резвиться со всяким лесным зверьём, и тогда много друзей находил Великан. Перевоплощался он так искусно, что все звери, с кем Великан играл в лесу, принимали его за своего. Часто бывало, что и разговор сумеет завести такой простой, такой веселый, что будь то Зайцы или Волки, а смеются все до упаду и восхищаются своим новым другом.

Но больше всего Великан любил не разговоры и игры, а звериную охоту, чтобы дичь выследить, затаиться, чтобы каждый мускул

не дрогнул, а потом гонки, нападение и борьба... Ведь у Великана какая там охота — пришел, взял — всё твоё, все тебя боятся.

Лесные игры Великану так нравились, что он часто забывал, когда последний раз Великаном-то был. Правда, приходил к нему в гости Великан из дальнего царства, и они много спорили о своих делах, но это было так редко.

Ко многим зверям в лесу Великан привык и даже полюбил их за доброту, за кроткий нрав, а многие поражали его умом и смелостью. Но однажды увидел он в лесу охотников, и была с ними свора Гончих. Они-то и понравились Великану больше других зверей своей отчаянной дерзостью и быстротой.

Приняли его в стаю охотничьи собаки и назвали Разноухий; а это Великан, когда в Гончую превращался, так спешил, что уши у него получились разные. С тех пор носился он со сворой гончих по полям и лесам, и больше уже ни в кого не превращался. Вскоре стал Великан замечать, что его любимые Гончии ссорятся и дерутся из-за пустяков, а иной раз насмерть загрызают раненого соплеменника — таков был их звериный закон. Не мог Великан с этим примириться, но как помочь им не знал.

По-началу Разноухий старался не вмешиваться в дела стаи, но как-то раз не выдержал, и когда затеяли Гончие драку и набросились все на одного, отвесил он оплеуху самой задиристой Гончей и сказал: — Как вы можете быть так неразумны? Неужели ничего в мире не существует для вас, кроме пищи?

Услышав такие слова, Гончие затаили злобу, и между собой говорили:

— Что это за новый умник нашелся? Из-за добычи не спорит, в драку не вступает, да еще нас глупыми называет?

Собралась свора Гончих, и каждый поделился своим мнением о Разноухом, и нашли много в нем недостатков: родословная неизвестна, характер слишком легкий, по вечерам убегает из стаи, и никто не знает, где он пропадает, да и вообще какой-то странный.

Сидел Великан, слушал Гончих, а про себя то посмеивался, то сердился, а делать нечего — со своей собачьей точки зрения, они правы. То, что непонятно для них — для Великана совсем по-другому: в легкомыслии его обвинили — семью не заводит, и правда — не хочет кому-нибудь жизнь испортить — не всю ведь жизнь Гончей бегать Великану!

На охоте за добычу не борется, так ведь он давно вегетарианец. А насчет того, что всегда веселый и легкомысленный, так это потому что Гончие Великана не видят во время его великаньей работы. К ним-то он приходит, когда уже все моря и океаны об-лазит и много чудесного добудет.

Однако в стае решили пока Разноухого не выгонять, а поручили старой мудрой Гончей, что много лет была вожаком, поговорить с ним по душам.

Долго старая Гончая упрекала Великана, а потом и говорит:

— Смотрю я на тебя — не наш ты, не нашего поля ягода. Что-то в тебе не собачье: никого ты не боишься: ни зверей, ни людей.

Подумал Великан и решил: «А что, откроюсь я мудрой Гончей. Вдруг она поймет меня?» И рассказал Разноухий, как нелегко Великаном-то родиться, как тяжело одному быть, и как решил он с Гончими подружиться и вместе с ними по лесам бегать. Но не может он примириться с тем, что в его любимой стае такие жестокие звериные законы. А ведь сколько на свете всего, чего они не видят и не знают, да и знать не хотят!

Слушала старая Гончая Великана и поддакивала ему и кивала, а Великан радовался:

— Ну вот, наконец-то, меня хоть одна Гончая поняла, — сказал он и ушел домой веселый и счастливый.

Но старая Гончая утром собрала стаю и объявила:

— А наш Разноухий-то с ума сошел! Великаном прикидывается!

И поведала изумленным Гончим про разговор с Разноухим. Ну и посмеялись же они! Однако и обиделись не на шутку:

— Мы его принимали как родного, а он над нами насмехается!

И решили Разноухого из стаи прогнать.

На следующий день пришел Великан в собачьей одежке и подумал: «Вот сегодня я им Великаном покажусь, пусть знают, с кем по лесам и полям бегали вместе».

Но не тут-то было. Окружили Гончие Разноухого и давай его упрекать, грозить, а многие и кусать начали. Кто толкнёт, кто зубами лязгнет, и все приговаривают:

— Знай своё место, видели мы таких!

Одним движением мог Великан убить всю стаю, но не было в нём злобы к смешным и глупым собакам. Понял он, что не пове-рила ему старая Гончая и что Великаном-то он никому не нужен.

Страхнул Разноухий с себя Гончих и на глазах у изумленной стаи превратился в Великана. Побрёл он к своему дворцу и решил с тех пор ни в какие личины не рядиться. Если уж родился Великаном, так и надо быть им, как бы одиноко и трудно не было. А дружбу придется водить не с Волками, не с Зайцами, не с Гончими, а с такими же, как ты, Великанами.

ОРЁЛ И ЖЕНЩИНА

(Фантастическая легенда из старинной жизни)

Женщина была очень молода, когда встретила и полюбила Орла.

Она гордилась тем, что он взял её в жены, и никогда не посмела бы сердиться, когда он надолго улетал из дома.

Шло время.

Женщина родила Орлу сыновей.

Как и отец, юноши были могучи и крылаты, они нежно любили мать и построили для неё большой красивый дом.

Но женщина не чувствовала себя счастливой.

Дом был для неё крепостью, но он был и её тюрьмой, никогда не могла она уйти далеко. Каждый раз её сердце сжималось, когда Орёл, а потом и сыновья, улетали в далекий простор неба. Женщина ждала их с трепетом и страхом, она боялась одиночества.

Однако Орёл всегда возвращался к Женщине. На земле он был нежным и послушным влюбленным, он дарил Женщине подарки и рассказывал о неведомых странах. Но часто Женщине бывало грустно от того, что никогда она не сможет увидеть всё это своими глазами. Она понимала, что мир Орла — это совсем не её мир, он смотрел на него сверху, а она шла по земле и не могла уйти далеко. А небо для Женщины — это всего лишь маленькая, едва заметная точка, это её Орёл, улетающий в далекие страны.

На земле у Женщины много забот — беречь дом и детей Орла. И еще она должна хранить любовь мужа. Что бы ни случилось, она должна быть спокойной, доброй и красивой. Орёл любил смотреть на неё, когда возвращался домой. Женщина — это символ земли, от неё исходит запах земных трав, а губы ее чисты, как капли росы. И как бы не было прекрасно небо, земля сулит возвращение и отдых.

Однажды Орёл решил показать Женщине небо, ведь она была недовольна, что не может уйти от дома. Он схватил ее мощными лапами и взлетел высоко. Женщина закричала от боли и страха. Она взмолилась:

— Поскорее вернемся на землю!

Орёл сказал:

— Вот видишь, ты не любишь летать, зачем тебе грустить о небе?

И женщина согласилась с Орлом, потому что ничего, кроме страха и боли, она не почувствовала. А небо, его красота и беспредельность — всё это мелькнуло перед изумленным взором Женщины и погасло.

Орёл долго смеялся над Женщиной, он не знал, что боль и страх сделали её слепой и безвольной. С тех пор говорить о небе было запрещено. Орёл ни за что не взял бы её с собой.

И всё же где-то в тайниках души Женщина вспоминала о полёте: о мимолетном восторге, свете, пронзительно ярком солнце.

Прошло много лет. Сыновья Орла разлетелись в разные стороны и только изредка навещали Женщину. Но ей, наконец, повезло — у неё родилась Маленькая Женщина. Когда она выросла, Женщина рассказала ей о том, как Орёл брал её в небо.

Никто не знает, кто вселил в Маленькую Женщину мудрость, но она сказала:

— Я тоже хочу взлететь, но без помощи Орла. Только тогда я смогу насладиться небом и свободой. Желание её было так велико, что у неё стали расти крылья.

Маленькая Женщина училась летать, она подпрыгивала над землей и пыталась пролететь хоть мгновение.

И вот наступил день, когда Маленькая Женщина превратилась в прекрасную Юную Женщину, у нее были крылья чуть меньше орлиных, но она не переставала мечтать о небе.

Однажды Женщина, старая и сторбленная, и Юная пришли на край утёса, и Юная сказала:

— Пусть я полечу или погибну!

А старая Женщина выпрямилась и шептала как заклинание: «Ты полетишь, полетишь...»

Орла не было с ними, он как всегда улетел в далекие страны, но женщины торопились, ведь Орёл запретил им даже думать о небе.

Долго Юная Женщина не решалась прыгнуть с утеса, наконец, она разбежалась и бросилась в бездну. Крылья ее забились, она падала в пропасть.

Но там, внизу, она услышала крик отчаяния — это старая Женщина оплакивала свою погибшую дочь.

И случилось чудо.

Непокорные крылья расправились и подняли Юную Женщину в высь, удержав ее от гибели.

Она летела. Опыренная ветром, она испытала священное чувство полета.

Старая Женщина стояла на краю утеса и видела, как маленькая точка исчезла в небе.

Это была Юная Женщина, она победила страх.

ПЛЮЗИЯ

Анатолий ВЛАСОВ

Член Союза российских писателей.
Анатолий Николаевич — один из учредителей литературно-творческого объединения «Ассоль». Автор книг «Вся жизнь моя в строке бегущей», «Я напишу для вас сонет» и «Острые углы».

Живет в г. Ейске.

* * *

Как красный цвет быку отважному,
Кровавая глаз, зовет на месть,
Так белый цвет листа бумажного
Мне на затылке дыбит шерсть.

Рев слышно труб шероховатых,
Наперевес взяв штык-перо
За истину друзей-Платонов
Я предаю, раздав добро.

Надеясь, что восторжествуя,
Она помирит снова нас,
И ей шампанским салютуя,
Мы наш восславим звездный час.

РОНДЕЛЬ

Запели первые капли,
Сугробы, как хамелеоны,
Вмиг посерели на полтона
И в страхе съездившись, присели.

И в светлой солнечной купели,
Крестили вешний день иконы.
Запели первые капли,
Сугробы, как хамелеоны.

Еще надеясь на метели,
Притихнув, прикусили стоны,
Но смело пролезают в щели
Подснежники, усыпав склоны,
Запели первые капли....

ВЕСЕННЕЕ

И вот уж март сосульки-вымя
До капли выдоил в поддонник,
И вевтер все дороги вымел,
Посвистывая, как разбойник.

И наготы своей стесняясь,
Деревья о листве мечтают.
И в лужах воробьи купаясь,
О чем-то весело болтают.

И в парке по дорожке узкой,
Веселый карапуз петляя,
Гоняется за трясогузкой,
Как будто в салки с ней играя.

Эх, мне б их светлые заботы,
Оставив годы за спиною,
Вот только для поэтов льготы
Не предусмотрены весной.

* * *

Усталый ум, надуманные фразы,
Напрасный труд — тянуть кота за хвост.
И думать, как в квартирах дутых звезд
Жиреют золотые унитазы.
Пародия на жизнь по-европейски:
Жгут деньги ляжку, а культуры клок,
Они в лицо презрительный плевков,
Живущим честно, с трудовой копейки.
Но время их, как пену с кружки пива,
Однажды сдует ветром перемен

И вытравит наполовину криво,
Ту жизнь, где мы позволили блудливым
Котам жиреть и помыкать собой.
Другой судьбы не предложив взамен,
Боясь, что снова проиграем бой.

Андрей ГАЛАМАГА

Родился в 1958 году в г. Воркуте. Детство провел в Киеве. В 1982 г. окончил Московский физико-технический институт. В 1984-м поступил в Литературный институт им. Горького (поэтический семинар Эдуарда Балашова; окончил в 1993). Первая публикация — в 1983-м. Автор пяти книг стихотворений («Из книги стихотворений», 1991; «Русские ночи», 1992; «Формула странника», 2002; «Кареглазый ангел», 2007; «В трех часах от Гринвича к востоку, 2010), нескольких пьес, киносценариев, песен для кинофильмов.

Член Союза писателей России. Дважды лауреат международного фестиваля «Пушкин в Британии» (2007, 2012). Лауреат литературного фестиваля «Русские ночи» (Черногория, 2013).

* * *

Что солоно — что пресно, что весело — что грустно.
Глядишь, запишут в плюс мне неприхотливый нрав.
Из вкусно и полезно я выбираю — вкусно,
Нисколько не заботясь, что, может быть, не прав.

Зачем, скажи на милость, хвалить себя за смелость?
Намерения — мелочь, поступки — пустяки.
Из делать и не делать я выбираю — делать,
Затем лишь, что движенье мне более с руки.

А если что — не вышло, не велика потеря.
К чему чернить удачу, зачем судьбу сердить?
Из верить и не верить я выбираю — верить.
И кто меня за это посмеет осудить?

Пусть безыскусный выбор мне не приносит выгод,
Пусть только отблеск тусклый мой освещает путь.
Мне только бы увидеть в конце заветный выход,
Я свежий ветер с неба — смогу за ним вдохнуть.

ЦЫГАНКА

Речь — дурман, глаза — приманка,
И к гадалке не ходи.
Обмани меня, цыганка,
Вокруг пальца обведи.

Посели мне в сердце ревность
Взмахом смоляных ресниц,
Нецелованной царевной
В полнолуние мне приснись.

Глянь, как подлинная леди —
На никчемных англичан,
Чтоб одной тобою бредил,
О тебе одной мечтал;

Чтобы путал зиму с летом,
Чтоб смешались ночь и день;
Чтобы неотступно следом
За тобой бродил, как тень.

Знаю, Бог не даст пропасть нам;
И когда-нибудь, глядишь,
Под моим напором страстным
Ты сама не устоишь.

И обоих нас — навечно,
Уж поверь мне наперед,
Обручальное колечко
Вокруг пальца обведет.

ЧЕРНОГОРСКАЯ ЛЕГЕНДА

Полумесяц потонул в заливе,
Померцал и в глубине исчез.
До чего же ночи здесь красивы.
Чуть колышется прибрежный лес;

Ослепительно сияют звезды,
Дышит влагой терпкая трава;
И звенит ночной прозрачный воздух,
Как натянутая тетива.

Память на случайности горазда,
В прошлое стучится наугад.
Черногорцы тут стояли насмерть
Полтысячелетия назад.

Было так, — когда незванный кто-то
В вольный край дерзал войти с огнем,
Просыпался неприступный Котор,
И святой Покров лежал на нем.

Испокон веков не имет срама
Тот народ, что верую богат;
И на месте разоренных храмов
Воскресали краше во сто крат.

Пробил час, сошлись клинки из стали,
До глубокой ночи длился бой;
Огненные звезды заблестали
И скрестились в небе над водой.

И тогда, от злобы обессилив,
В первый день Великого поста
Полумесяц потонул в заливе,
Побежденный силою креста.

* * *

С тех пор, как, долистав последний том,
В последний раз за мной закрыла дверь ты,
Я день за днем ловлю себя на том,
Что постепенно привыкаю к смерти.

Я ни за что тебя не осужу,
Ты для меня все тот же ангел сущий.
Что смерть! Теперь я даже нахожу
В ней ряд неоспоримых преимуществ.

Мне не грозит дожить до старика,
С болезнями уже не страшно слечь мне.
Пусть жизнь сладка, но слишком коротка,
А смерть, по крайней мере, бесконечна.

Ты напоследок бросила — прости,
Лучась сияньем ангельского света.
Напрасно я молил меня спасти,
Мой голос оставался без ответа.

Ну что с того? Тебя я упрекну ль,
Что ты мне ничего не отвечала?
Я умер в феврале. Теперь июль.
Для вечности лишь самое начало.

Занятно знать, что сможешь все успеть,
Всего достичь, смеясь всего добиться.
Мне повезло при жизни умереть,
Чтобы внезапно в смерти возродиться.

Я бы мечтал тебя вернуть назад,
Но я себя ничем не обольщаю;
И все, что в жизни не успел сказать,
Теперь тебе посмертно посвящаю.

Я больше не страдаю, не молю
И тщетно не взываю к милосердию.
Но тем сильнее я тебя люблю,
Мой кареглазый ангел — ангел смерти.

* * *

Его стая для славы растила,
Он привык побеждать. Но теперь
Кровь сочится в траву, и насилу
Рыщет по лесу раненый зверь.

На мгновенье он выпал из круга,
И, стыдливо потупив глаза,
От него отвернулась подруга,
От него отказались друзья.

Только смерть где-то рядом, все ближе
Шаг за шагом. Чего ожидать?
Он матерый, он знает, как выжить.
Он не знает, зачем выживать.

Лишь мучительно чует, что это
Исключительно волчий вопрос,
И пока не получит ответа,
Он не сможет бороться всерьез.

На границе звериного лога
Он приляжет на хвойный настил.
Он поверил бы в волчьего Бога,
Если б тот за него отомстил.

Он не станетлизывать раны,
Гнать страдание, гордость и стыд,
И умрет оттого, что упрямо
Пораженья себе не простит.

ДВЕ ТЫСЯЧИ СЕДЬМОЙ

Снег порциями опускался вниз,
За уцелевшие цепляясь листья,
В отчаянье смягчить антагонизм
Крестьянина и автомобилиста.

Мир замерзал. Но город, как ковчег,
Сквозь зиму проплывал напропалую,
Доказывая, — двадцать первый век
Не так уж страшен, как его малюют.

Я научился различать вполне
Понятия сомнительного толка.
Но все, что было век назад в цене,
С тех пор не обесценилось нисколько.

Стремиться к цели, голову сломя,
И умереть от старости в постели...
Нет, чтоб из-за любви сойти с ума
Или за честь погибнуть на дуэли!

Смерть оказалась мне не по уму,
Ума я мог легко лишиться сдуру,
Но уцелел. Возможно, потому,
Что слепо был привержен Эпикуру.

Снег опускался вниз, не торопясь,
Никак не добираясь до итога;
И к ночи над Москвою разнеслась
Неясная воздушная тревога.

Сгущалась мгла, скрывая без следа
Весь город — от Лефортово до Пресни;
И граждане сновали кто куда
От головокружений и депрессий.

И только, не задетый кутерьмой,
Пес-поводырь вел за собой слепого.
Так наступал две тысячи седьмой
По счету год от Рождества Христова.

* * *

Привычка русская свой крест нести,
Ни исповедать, ни постичь ее, —
От ощущения бесполезности
До состоянья безразличия.

Весь опыт прошлого ни разу нам
Не удалось принять за правило,
И руководствоваться разумом
Ничто нас так и не заставило.

Но мы стоим перед напастями,
И перед силой не пасуем мы;
И разве тем грешны отчасти мы,
Что каждый раз непредсказуемы.

Так что внушать чужие истины
И мерить нас своею мерою!
Мы не исполним стоя гимн страны,
Но вспомним Отче наш и Верую.

И как бы не досталось крепко нам,
Мы всё не ропщем тем не менее;
И в пику посторонним скептикам
Несем свое предназначение.

Мы просим силы и усердия,
Чтобы с пути не сбиться крестного,
У Серафима и у Сергия,
У Пушкина и Достоевского.

И в битве, где бессильно знание,
За нас судьба — святая схимница;
И воздаянье ждет нас на небе,
И не пройдет, и не отнимется.

КАНУН

Туман в низинах расстился пеленою,
Внезапный ветер набегал и пропадал;
И до утра, готовясь к завтрашнему бою,
Не спал в сраженьях закаленный генерал.

Рассвет все ближе. Но, покуда час не пробил,
Он зорким взглядом обводил притихший стан;
То тут, то там мелькал его орлиный профиль,
И все бесшумно расходились по местам.

Он назубок усвоил истины простые:
Не лгать, не трусить, не сдаваться, не стонать.
Он знал доподлинно, как велика Россия,
И доброй волею не стал бы отступать.

Пристало ль русским перед пулями склоняться,
Когда на знамени — нерукотворный Спас!
Мы насмерть станем за родную землю, братцы,
И вместе выживем. А впрочем, как Бог даст.

Пусть грянет бой, какой от века был едва ли,
Пусть супостату будет белый свет не мил;
Чтоб через двести лет потомки вспоминали
Тех, кто за Родину себя не пощадил.

Он не застанет час, когда под вечер смолкнут
Орудий залпы, посвист пуль, снарядов вой.
Он будет гордо умирать, шальным осколком
Смертельно раненый в атаке роковой.

Светлело небо в ожидании восхода;
Вот-вот над полем вспыхнет первая заря.
Начало осени двенадцатого года.
Грузинский князь — на службе русского царя.

* * *

Блажен, кто умер, думая о Боге,
В кругу благовоспитанных детей.
А я умру, как гонщик, на дороге,
С заклинившей коробкой скоростей.

Я равнодушен к почестям, наградам,
К тому, чтоб их любой ценой добыть.
Но раньше ты была со мною рядом,
И я с тобой — не мог не победить.

Как верный штурман, с самого начала,
За каждый поворот и перевал
На трассе — ты без страха отвечала,
И я беспрекословно доверял.

Не верю, что ты просто испугалась.
Но как-то раз, без видимых причин,
Ты не пришла, сославшись на усталость,
И я остался без тебя один.

Мне не достало чуточку удачи.
Но, помнишь, мой небесный знак — стрелец.
И я достигну верхней передачи
И все из жизни выжму под конец.

И мне не будет за себя обидно,
Я гонку честно до конца довел.
И если я погибну, то — погибну
С педалью газа — до упора в пол.

* * *

Друзья, трудясь день ото дня,
Изрядно в жизни преуспели.
И отчего-то лишь меня
Влекла недостижимость цели.

Мне попросту претила власть,
Меня карьера не прельщала;
И, если б я хотел украсть,
Мне было б всех сокровищ мало.

Ползти — от пешки до ферзя?
Не годы — жалко было день мне!
Я выбрал то, чего нельзя
Купить ни за какие деньги.

Пробраться в знать через кровать,
Чтоб врать о родословном древе?
А я предпочитал мечтать
Не меньше, чем о королеве.

Пока приятель лез в постель
К той, чей папаша был заслужен,
Я ревновал Эмманюэль
К ее любовникам и мужу.

Я верил, что моя судьба
Всех исключительней на свете;
Я целый век искал тебя
И все-таки случайно встретил.

Жизнь искушала нас не раз,
Но мы пощады не просили.
И вряд ли кто-нибудь до нас
Любил, как мы с тобой любили.

И пусть, расставшись сгоряча,
Вернуться так и не смогли мы.
Тем притягательней мечта,
Чем пропасть — непреодолимей.

Нина ГЕЙДЗ

Родилась в Москве, окончила факультет журналистики МГУ. В Москве работала журналистом и искусствоведем. В 1994 г. переехала в Данию. Сотрудничала с радиостанциями «Радио Свобода», «ВВС» и др., а также писала статьи о Скандинавии.

Несколько лет возглавляла Русское общество в Дании, в 1999–2003 гг. была гл. редактором русскоязычного литературно-публицистического журнала «Берег», переименованного в «Новый берег». Стихи и проза публиковались в журналах «Звезда» (Россия), «LiteraruS», «Иные берега» (Финляндия), «Роза ветров» («Израиль»), «Берег», «Новый берег» (Дания).

Член Объединения русскоязычных литераторов Финляндии. Член Международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП). Председатель Европейского творческого союза «Огниво».

Лауреат различных литературных конкурсов (2009–2014). В 2013 г. на студии «Остров» вышел компакт-диск «Тень незабудки» с авторскими чтениями и песнями. В декабре 2013 г. в изд-ве «Нонпарель» вышла книга стихов и переводов датской лирики «Тень незабудки».

Живет в Дании.

* * *

Метели датской письмены
на русский не переводимы.
И кажется, что нет меня
на свете, где сердца, как зимы,

где жизнь расходится по шву —
как тот кафтан нелепый Тришкин.
Всё, что любила, чем живу —
уже обманывало трижды.

И Андерсена колдовство
не помогло печальной Герде
постичь комедий естество
в исконном облике трагедий.

Чужой зимы старинный хлад
судьбы меняет изначальность.
И жизнь, что вся не в склад не в лад,
чем совершенней — тем печальней.

ХРАМ СВЯТЫХ НОВОМУЧЕНИКОВ

(Полигон «Коммунарка», Москва)

Начнется служба в восемь, как всегда.
Сквозь купол Храма золотым потоком
заплещет солнце, за окном в садах
сирени торжество ударит током.

И позабуду я в который раз,
что этот рай, где славят небо ели,
где крест Христов горит кострами роз —
пристанище безвинно убиенных.

Как сотни одуванчиковых лун
взойдут их души на лугах бескрайних,
чтоб заглянуть печально в души слуг,
которые судили и карали.

Поднимется на звонницу монах
и строгое безмолвье поколеблет.
Поднимутся из пепла имена
на отпеванье и упокоенье.

Проклятие кровавых дел и вех
ударит в сердце колокольным градом.
И то ли ангел, то ли человек
во утешение присядет рядом.

* * *

По чистой — хрустальной — случайности
приметил мой древний причал
бумажный кораблик: качается
и плохо внимает речам.

Лишь смотрит на гладь изумрудную
моих настоявшихся вод,
не зная, как их изуродует
его безмятежный уход.

Поспоришь ли с силою тяжести?
Презреешь ли ночь после дня?
Я знаю, как скоро окажется
кораблик вдали от меня.

Чуть ветер — вот он и осмелится,
и трап уже убран пинком.
Вот только загадочно медлится
с последним — прощальным — гудком.

* * *

Это просто дожди зарядили отчаянно,
и ореховой хрупкой скорлупкой душа,
покружившись на месте, куда-то отчалила,
вдруг устав от бумаги и карандаша.

Поплыла в переулках ночных: апельсиновый
свет из окон, луну среди туч завитком —
всё вбирала душа и с бездомною псиною
обменялась, как с давней знакомой, кивком.

С неучёным котом разминулась: два камушка
изумрудных сверкнули во тьме колдовской.
Было грустно душе, потому что века уже
болен дождь-одиночка любовной тоской.

В бормотанье его всё невнятнее отзвуки
полдней страсти, её сладкожалящих ос.
Жизнь, пылью золотой трепетавшую в воздухе,
ломким крылышком бабочки ветер унёс.

Лишь один и остался под лампой настольною
остров света над белой равниной листа.
Ночь входила в дома забродившей настойкою
недосказанных слов от второго лица.

* * *

Я знаю теперь: ты меня не простишь никогда.
А я вот простила. Малярною кистью года
прошлись без разбору по копоту старых обид.
Но что-то такое всё тлеет, тихонько болит.

Какие-то жесты и взгляды, как стая синиц,
всё носятся в памяти, буквы встают со страниц,
исписанных почерком лёгким: «скучаю, люблю»
и жгут угольками мне сердце — а я их ловлю

и вновь водворяю в коробку из-под леденцов.
Нам время — сладёна беспечная — лижет лицо.
Лишь старые снимки хранят, словно добрые псы,
тех миггов владенья: когда-то ты был не спесив

и спал, как ребенок большой, на плече у меня.
Любовь поменяла подсветку словам, именам.
Стою на перроне впотьмах, от состава отстав
той жизни, что тоже давно поменяла состав.

Но что-то такое всё плачет, все ноет, зовёт.
И сколько бы масок чужих ты себе ни завёл,
какой бы ни сделал из жизни блестящий коллаж —
вернётся бездомная нежность —
как детство, как блажь.

* * *

Не дано предсказать, когда это нашепчется
шелестеньем ветров, воркованьем дождей.
Город вымолвил «ах» — как монетку, нашедший нас
в кладовых переулков своих, площадей.

И сплетясь, как жирафы, тягучими шеями,
в новорожденной неге обнявшись, вдвоём
мы стояли, пока принималось решение
сдать нам ночь под залог расставанья внаём.

Город молча кивал облетевшими липами,
укрывал нас в аллеях, стерёг, будто зверь.
Без его соучастия вряд ли смогли бы мы
разыскать в измерение пятое дверь,

где у времени нет ни лица, ни названия —
разве только любви подростковая статья.
Самый первый трамвай нас обратно вызванивал
и ключи до утра поторапливал сдать.

Я замедлила шаг... Ты устал, ты закалялся.
Ты уже исчезал, как летучий фантом.
Город весь поседел, первым снегом закашлялся.
Кто-то бросил монетку в замёрзший фонтан.

* * *

В эти дни мастерской оказалась Вселенная,
размягчив бытие до податливой глины.
Первозданно легко совершалось вселение
твоих губ в мою клинопись точек и линий —

безымянных ещё, но душой уже узанных.
Занялись твои руки и чтением, и лепкой —
два ребёнка бесстрашных, как голубя-узника,
мы любовь выпускали из призрачной клетки.

И, казалось, теперь сотворим, что захочется —
ты меня с собой рядом, как эхо, и я тебя.
И тот мир, где уже никогда не закончится
обнажённо счастливая мука объятия.

Время с нами носилось — стрелой — и нянчилось,
понимая, что нам прекословить негоже.
Ты спешил — ты стирал моё прошлое начисто,
тайну «нежность» из звёзд зажигаю на коже.

Было Слово — в конце, как вершина творения.
Безымянность, как грим, исчезала и родность,
словно флаг государства — в два жителя — реяла,
сокращая меж нами незримую пропасть.

Всё нам было дано — своевольем заверчено,
ведь искусство, как жанр бытия — не судимо.
Но одно выдвигалось условие вечное:
созидаю мгновенье — не слепим судьбы мы.

Замороженной глыбой застынет Вселенная,
тайну «вечность» из льда возводя между нами.
И опять на бессрочное поселение
в подземелье своё возвратится Даная.

* * *

Найди границу слов
и тишины границу.
Весь бытия улов
лишь там и сохранится.

Между молчаньем дня
и многоречьем ночи
черта проведена
незримым многоточьем...

Иди по ней, иди.
Над явью сна и бденья
небытия пути
там сходятся с рождением.

Услышь — ещё до слов,
до дрожи каждой жилки:
моя к тебе любовь
была — ещё до жизни.

* * *

Как «Вы» сказать, когда ты весь, как ветер —
посланник с берегов души моей,
куда так труден путь и беспросветен
в житейской суете семи морей.

Но нас легко несёт ладья молитвы
из мрака в свет по волнам грозовым.
И солнечный, замедленный, смолистый
туман любви плывёт к губам твоим.

Старинными загадами навеян
весны, едва родившейся, виток.
Но знаю я, что тайн прикосновенья
нам не открыть, как чашечки цветов.

Один лишь день с тобою мне дарован
в окладе драгоценном тихих слов.
Ты соберёшься в новую дорогу,
в другую лодку взяв своё весло.

Таков твой путь, твоя земная чаша,
в которой для тебя — благая весть.
Как «ты» сказать, когда обитель Ваша —
безбрачия заоблачная твердь.

* * *

Как драгоценные каменья,
перебирала те мгновенья,
когда цари твоей Вселенной
ко мне направили послов.
И как по-щучьему веленью,
летучих фей по мановенью —
все откровенья и знаменья
я сразу поняла без слов.

Ушли счастливые мгновенья,
поблекли яркие каменья,
и волшебство моей Вселенной
погасшей сказки не спасло.
Все не сгоревшие поленья
я собрала в стихотворенье,
а холод неосуществленья
был очевиден и без слов.

ВНЕВОЗРАСТНОЕ ХУЛИГАНСКОЕ

Говорят, что и я состарюсь,
хотя это представить сложно.
Буду чувствовать боль в суставах,
пить настойку от сердца с ложки.

С головой под крылом, как страус,
затеряюсь в толпе безлико.
Буду трудно дышать, взбираясь
на четвёртый этаж без лифта.

Только в это нельзя поверить.
Пусть болтает, что хочет, паспорт.
В душный день мне судьбу проветрит
легкомыслия верный пастырь.

И любовь наплетёт веночков
из ромашек и незабудок.
Даже самой кромешной ночи
я сумею мозги запудрить —

расскажу о зените страсти,
о поре обожать и клясться.
В разлинованные тетради
запущу озорную кляксу,

напишу о небесных ливнях,
что смывают земные догмы,
о призвании быть счастливой
не мгновенье — а долго-долго.

Не линяет душа, как ситец,
убегает тщеты и тленья.
Я ещё заплету косички
в день рождения свой столетний.

А Господь призовет — в день летний,
спрячу шпагу смиренно в ножны
и попрыгаю в путь последний
на одной — как обычно — ножке.

Ольга ГРИЦАЕНКО

Родилась на Украине в 1962 году. С 1989 г. живет в Норильске. Работает врачом в городской больнице. Издала три книги стихов. Печаталась в периодических изданиях Норильска, в поэтических сборниках «Дух зимовья», «В наших северах», в альманахах «День и ночь» (Красноярск), «Северное сияние» (Дудинка), «Рукопись» (Ростов-на-Дону).

ВОПЛЬ О СЕСТРЕ И БРАТЕ

Вот нам — где друг на друга —
горе — где брат на брата,
спорят за гранью круга,
вспороты и распяты.

Дело здесь не в масонах,
каждому их не хватит.
Болью кипит кессонной
воплъ о сестре и брате.

Гранью очерчен контур
вечно прозрачных истин.
Истина — VERA, контро —
темень... HASTA LA VISTA...

Есть единицы трезвых,
брошенных в жерло бойни,
вспять повернувших резко,
сбросивших в грязь обоймы...

Боже, слепи ослепших
Светом Своей Вселенной!
Господи, много легче
спинам, к Тебе согбенным!

Боже Христе, прости нам
крошево кровель с кровью!
Господи, по руинам
Силу направь Сыновью!

Господи, не остави
землю, Тобой подъяту!
Боже Христе, направи
милость от брата к брату!

МОЛИСЬ БОГУ, ДЕТКА

Молись Богу, детка,
до скончанья века.
На груди отметка
и на лбу засека.

Час придёт нежданно,
и меня не станет.
Светом бьёт «Осанна»
через щели ставен.

Ставни скрыли плотно
золотые окна.
Нас внутри бесщётно,
между нами блёкло...

Я тебе твердила
много разных истин.
Я тебя любила
больше этой жизни.

Ввысь — за меткой метка —
поступь человека.
Молись Богу, детка,
до скончанья века.

КОНЕЦ СВЕТА ПОКА НЕ СВЕТИТ

Конец света пока не светит¹,
поболтаемся еще в жиге,
пройден путь до одной трети,
лишь настолько он стал ближе.

И ликуют пускай дети,
не боясь мудрецов книжек.
Во всемирной стальной сети
еще дыры есть, есть ниши.

Из семи с половиной тысяч
языков, что есть на планете,
Вечной Библии Свет высечь
удалось лишь одной трети.

В мудрецы чуть не все метят,
и в пророки с богами иже.
Трубный глас неземной меди
нам не скоро еще слышать...

Не ища родовых отметин
на всех тех, кто меня выше,
времена доживу эти,
чтобы просто шагнуть с крыши.

ДЕВОЧКА-РИТМЫ-РИФМЫ...

Девочка — ритмы — рифмы — стильный союз талантов, реализуют мифы потенциал атлантов. Значит, озвучен будет серенький глянец буден, в вечности то пребудет, впрок что не надо людям.

В девочке — слух-локатор и микроскоп в глазницах, в пальчиках — индикатор и светофильтр в ресницах. Будет другим завидно — рифмы — фонтаном в небо!!! Яблочное повидло — тоннами — даром!!! Мне бы...

¹ «И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец» (Мф. 24:14). Библия переведена на 2500 языков из 7500, существующих в мире (из достоверного источника).

Яблочки – от Адамов, после укусов – чёрно. В рифмах роятся драмы и тарахтят их зёрна. Девочкин крест из бука, мебельной древесины, в азбуке вся наука – трона не тронь трясины!

Кротость – укор короне, в крыльях – крахмала крепость, краповость в белом фоне – наперекор всё спелось! В рифмах – из гипса нимфы, мраморные гетеры, если б не случай – им бы к Марсу путь от Венеры.

Радио-теле-точкой в виде земного рифа сетью густой и прочной девочка ловит рифмы. Рыбкою золотою плещется боль в неволе – этой святой водою каждый креститься волен.

НОЧЬ

Спят домашние. Душно в доме.
От луны половина – прожектор
в два раскрытых окна... Не пойму –
закруглился о что мыслей вектор?

Я не сплю, хоть хочу, хоть пора,
а рассвет далеко, не иначе.
Спят еще петухи, конура
ни одна псов не держит, судачат.

Вот и стих дальний трёп
из собачьих двух-трёх
перелаев и огрызаний.

Лишь надсадный сверчок
свой щербатый смычок
точит, точно царёк предсказаний.

Ночь без сна, без отметок судьбы,
без загаданных звёздных желаний.
Лишь слова неустанной мольбы
о прощении всех и заране.

Светлана КОБЕЦ

Родилась перед началом войны в семье военного. Жили на границе с Польшей. Там получила образование по специальности технолог по обработке цветных металлов и сплавов давлением. Работала на заводе «Электрокабель».

В 1973 г. переехала в г. Братск. Более 20 лет отработала на заводе «Сибтепломаш» в должности старшего инженера-нормировщика. Ветеран труда.

Стихи печатались в журнале «Северомуйские огни», в сборниках «Есть такая планета — Сибирь» (Братск, 2007), «Да здравствуют Музы!» (Братск, 2008). Выпустила книгу «Как красивы в России рассветы».

ДЕРЗАЙ, ПОЭТ!

Души серебряные звуки
Вплетает в каждый стих поэт.
Терзают творческие муки,
Рождая новый свой сонет!

Сидит часами он над рифмой,
Чтоб стих свой смысл не потерял.
И с каждой вымученной строчкой
Он содержание обретал.

Так, если в стих вложили душу,
Дорогу он себе пройдёт!
Читатель с жадной будет слушать —
В стихах душа творца поёт...

ЗОРЬКА АЛЯ

Зорька алая разгорается
Над красавицей нашей землёй,
А рассвет уже в речке купается,
Умывается дивной росой.

А в лугах шелковистые травы,
Свои гимны им птицы поют,
На опушках зелёной дубравы
Те нашли свой привычный уют.

Тут и солнце встаёт над землёю,
Хочет землю обнять, обогреть,
Разбудить ото сна всё живое,
На красу эту сверху смотреть.

Полевые цветы засияли
От хрустальной, прозрачной росы,
И берёзы спросонья шептали:
«Посмотрите, мы так хороши!»

Этот день, что встаёт над Россией
Принесёт ей пусть только покой.
Много стран есть на свете красивой
Мне ж не надо из них ни одной.

КАК КРАСИВЫ В РОССИИ РАССВЕТЫ

Как красивы в России рассветы,
Прелесть утра грядущего дня.
Все травинки в росинки одеты,
Будто в каждой слеза хрусталя.

А рассвет алым пламенем рдеет,
Щебет птиц высоко над землёй.
И вовек уж никто не посмеет
Наш нарушить душевный покой.

Ты покой заслужила, родная,
Отстояла свободу и честь.
Я, Россия, тебя прославляю
Вот такую, какая ты есть...

Стайка белых берёз на опушке,
Ивы ветви склонили к реке.
Где-то томно кукует кукушка,
Предсказать что-то хочет в судьбе.

А в лугах шелковистые травы,
Кружева в них ромашки плетут.
На опушках зелёной дубравы
Птицы певчие гимны поют.

Как прекрасны в России закаты
Утомлённого, летнего дня!
Как просторы твои необъятны,
Дорогая Отчизна моя!

ПАХНЕТ РОДИНА ЦВЕТАМИ

Россия – матушка, моя красавица.
Такая скромная, но мне ты нравишься.
В платочках ситцевых берёзки белые,
И наши девушки такие смелые.

Россия – Родина, страна любимая.
Одна такая ты, неповторимая.
Цветами пахнешь ты и пахнешь мятою,
И земляникою, что в травах спрятана.

Рябина гроздьями на тын склоняется,
Как к балу золушка принаряжается.
Калина красная с ней соревнуется,
А зорька алая на них любится!

Россия – матушка, неповторимая.
Ты иностранцами тоже любимая.
Но только русский с простой душой,
Находит счастье здесь, земной покой!

А ВЕСНА ЛЁГКИМ ШАГОМ ИДЁТ...

Вот и снова черёмуха в белом
Так прекрасно, душисто цветёт.
Это в платье красивом, цветастом
К нам весна лёгким шагом идёт!

Где-то тихо спала, отдыхала
И приход с нетерпением ждала.
А сама так тихонько вздыхала:
«Ах, как долго стоят холода...»

Снег растаял, сосульки всплакнули,
Не увидят прихода весны.
Тут и солнце на землю взглянуло,
«Ошалев» от такой красоты!

А весна ничего не жалела.
Подарила цветенье садов.
Пеньем птиц нас развлечь захотела,
В ноги бросить цветастый покров.

Ароматом цветов напоила,
Обогрела весенним теплом,
Красотой своей всех поразила.
Ну, а в небе грозит первый гром!

СЕКРЕТ ЛЮБВИ

Моя душа нашла твою,
Мы счастье обрели.
А до того, кляня судьбу,
Мы в одиночестве брели...

Но вот в толпе твой силуэт
И взгляд любимых глаз твоих...
Как объяснить такой секрет?
Любовь нашла двоих!

И светел день, душа поёт!
В ненастье солнце светит!
Ко мне моя любовь идёт!
Ведь счастье есть на свете!

Тону, тону в твоих глазах,
Кружится голова...
А ведь сама на этих днях
Несчастною была.

И в зимний день растаял снег,
Запахло вдруг весной!
Хочу счастливой быть вовек,
Когда любовь со мной!

Прощание с летом.
Осенний вальс кружит листвою,
Неся моей душе покой.
В саду рябина царствует,
Прощанье с летом празднует.

Огнём калина польхает,
За речкой тихой поспекает.
Там по ночам туманы спят,
Они здесь отдохнуть хотят.

В природе просто благодать,
Пора дары нам собирать.
Дары от матушки-земли
Ты с благодарностью прими.

ОСЕНЬ ЛИСТЬЯ ЗАКРУЖИЛА

Вот и осень наступила,
Вихрем листья закружила.
Листья в воздухе летят,
Только падать не спешат.

Дождь идёт который день
И скажите, как не лень,
Сколько можно моросить,
Сколько можно с неба лить?

А зонты себе гуляют,
Красотою привлекают.
До того они важны,
Что сегодня всем нужны.

Но вот солнце проглянуло,
Из-за туч оно блеснуло.
И прохладный ветерок
С неба тучки уволок.

И сияют небеса,
Словно чистая слеза.
Лист осенний посвежел,
На глазах похорошел.

Стоит, в золото одет,
Солнцем осени пригрет.
Бабье лето впереди
И прекрасны будут дни.

КРАСИВАЯ ПОРА

Смотрит небо синими глазами —
Вся земля в цветастом одеянье.
Это солнце жаркими лучами
Всё одело в яркое сиянье.

Ветерок листочками играет,
Он ведь тоже лето обожает.
Стройные берёзки ночкой обнимает,
Ну, а те себя в серёжки наряжают.

Лето шаловливое радует народ.
Солнце просыпается, раньше всех встаёт.
Землю озаряет красочный восход,
Лето благодатное по земле идёт.

А в лесу поляны в ягоды одеты,
И дожди грибные освежают лето.
Время пролетело, осени приметы,
Где ты, где ты, где ты сказочное лето...

И ОБ ОДНОМ Я ДОЖДЬ МОЛЮ...

Осенний дождь нарисовал
Забывтый мной портрет..
Он чётко на стекле создал
Любимый силуэт.

Осенний дождь, ты не смывай,
Прекрасный образ той,
Прошедший, будто невзначай,
Над всей моей судьбой...

Душа хранит так много лет
Любимые черты.
Зачем ушла, сказавши: «Нет»?
Исчезла в мраке тьмы...

Ведь столько лет я осень жду,
Как встречу новую с тобой!
И об одном я дождь молю -
Пусть нарисует образ твой!

А образ снова на окне,
Теперь уже из слёз..
Зачем ушла, растаяв в мгле,
Не приняла меня всерьёз?..

Анна КОНЕВА

Родилась в 1986 г. в селе Калтук Братского района Иркутской области.

Писать начала в 14 лет. Публиковалась в газете «Братский лесохимик», альманахе для детей «Енисейка-2013».

Проживает в г. Братске.

ДЕД

Не забывайте своих родителей

Над пожухлою, бурою травкой,
Расстилалась туманом тоска.
Дед сидел возле дома на лавке.
Чуть дрожала ладонь у виска.
Он качал головой поседевшей
И, с надеждой, смотрел сквозь туман.
На рубахе, от стирок поблекшей,
Часто трогал потёртый карман.

Поднималось далёкое солнце,
Загоняло туман в старый лог.
Дед раскрыл настежь ставни оконца,
Чтоб подвигаться — шибко продрог.
Мутный взгляд к горизонту направил,
Где сливаются небо и лес.
Тихо, шёпотом Бога прославил.
На груди стиснул пальцами крест.

Где-то там, за далёкою сопкой,
В сером городе каменный мир —
Суета, раздражение, пробки,
Чахлый парк, но роскошный трактир.
По утрам ребятня по дорожкам
Пробирается в школу сквозь дым.
Где-то там заблудился Антошка.
Хоть и взрослый, но глупенький сын.

Он давно носит брюки по моде.
Строгий взгляд из-под чёрных бровей.
Неулыбчивый, вечно на взводе,
А худой, словно тощий Кощей.
Ни жены, ни детей — лишь работа.
Ярый бизнес, где друг — тот же враг.
Словно жизни важнее болото
Из компьютеров, цифр, бумаг.

Дед вздохнул, одинокий, ненужный.
Приласкал у забора кота.
Огляделся, закашлял натужно.
Жизнь вокруг, а внутри пустота.
«Эх, Антошка, ну где тебя носит?
Вон грибов сколько — не перечсть!
Внук соседа корзинку испросит,
Столь груздей соберёт, что не съест!»

«Эх, Антошка, ну где тебя носит?
Да неужто забыл старый дом?
Ты же помнишь, как на сенокосе,
Пели бравые песни вдвоём!
Как малину тазами варили!
Как пасли на лугах лошадей.
На могиле у мамы грустили.
И кормили пшеном голубей».

Дед шептать перестал, распрямился,
Поднял к небу в морщинах лицо.
Помолился и перекрестился,
Из кармана достал письмоце.
Желтый лист обтрепался с годами,
Но слова помнил дед наизусть:
«Не горюй, бать. Приеду я в мае,
Вот с делами слегка разберусь...»

Дед заплакал...
Господь всё рассудит.
Слёзы тают в рассветных лучах.

Кто-то помнит, а кто-то забудет,
О своих матерях и отцах.
Голос вдруг прозвучал за спиною:
«Дед Степан, подарите крючок!
Вы пойдёте рыбачить со мною?»
...Это Ванька — соседский внучок.

Дед взглянул ещё раз на дорогу,
Незаметно слезинки смахнул.
Брови сдвинул как будто бы строго,
Пряча радость в глазах, упрекнул:
«Ванька, любишь подкрасться как мышка!
На рыбалку пойдём, погоди».
И добавил совсем еле слышно:
«Храни, Бог, всех детишек земли».

Мир людей так не прост, многосложен,
Что порой, в суете всех сует,
Жить спешим, вылезая из кожи.
Только подлинной жизни и нет.
Забывая истоки родные,
Мы несчастны, слепы и слабы.
Слёзы пряча под масками злыми,
Всё твердим: «Да кому мы нужны?»
Только я вам скажу: силы наши —
Там, где сосны и трели скворцов.
Наше счастье в стране васильков и ромашек,
Где дома матерей и отцов.

ВАНЮША

При лампочке тусклой, в дыму самосада,
Так трудно Ванюше уроки учить!
Печурка не топится, будто так надо!
И ставнями вьюга по окнам стучит.

Отец в стельку пьяный, с утра хлещет водку,
Стучит по рябому экрану рукой.
Никак не промочит лужённую глотку.
Плевать, что Ванюше так нужен покой.

«Отец, а мне мама сегодня приснилась!
Она часто снится мне зимней порой».
Бутылка пустая под стол укатилась.
Отец прохрипел: «Я пойду за второй».

«Ну, холод собачий! Эй, сын, одевайся!
Сходи до соседа, купи самогон».
А Ваня тихонько сказал: «Не ругайся.
Нет хлеба ни крошки. Зачем тебе он?»

Отец разозлился: «Гляди, какой смелый!»
Потом громыхнул по столу кулаком.
«Ты, Ванька, молчи! А что сказано — делай!
И впредь не советую спорить с отцом!»

Ванюша сквозь ветер поплёлся к соседу.
(Ты сжался, метель! Хватит, белая, выть!)
Стучал — без ответа. Видать, дома нету.
Теперь нет сомнений, он знает, как быть.

Замёрзший, худой побежал к магазину,
В котором, вот-вот, погасить должны свет.
У двери поймал продавца тётю Зину.
«Мне хлеба! На сдачу — кулёчек конфет!»

...

Умытый солёной слезой, как водою,
Ванюша со всхлипом вздыхает во сне,
С разбитой губою, с разбитой душою,
Спиною прижавшись к холодной стене.

РОКОТ СИНИХ МОРЕЙ. ПЕСНЯ БРАВЫХ ЛЮДЕЙ

Бесконечная даль,
Рокот синих морей
Нас зовут вновь и вновь за собою.
Подними паруса!
Юных сил не жалеи!
И услышишь шум волн за кормою.

Наш бушприт на восток.
Наши взгляды вперёд.
Кто на пирсе нас ждёт — не забудем!
Через бурю и шторм
Бригантина идёт.
Ветер с солью. И это мы любим!

Ветер нас обгонял.
И трепал брамсеся.
Он давно над волнами здесь рыщет.
Вдалеке, в синеве,
Нас манят острова.
К ним плывём, приключения ищем!

Разве я виноват,
Что зовёт океан,
И мозоли от стакселя снова?
Мама, может, простишь,
Что от воли вновь пьян?
Но я знаю, ждёшь сына родного.

НЕ БОЛЬНО!

Я в детстве себе разбивала
Носы и коленки не раз.
Легонько, а даже бывало,
Что сыпались искры из глаз.

И всякий раз милая мама,
С бинтом и зелёной в руках,
На помощь ко мне прибегала,
Тревогу скрывая в глазах.

С укором, слегка недовольно,
Твердила мне: «Ох! Стрекоза!»
А я отвечала: «Не больно...»,
Зажмурив от боли глаза.

Но сердце её трепетало.
И я повторяла опять:
«Не больно! Ни капельки, мама!»
Родимую чтоб не пугать.

Промчалось и детство, и юность.
Мне скоро уже тридцать лет.
И двадцать из них мамы милой,
Любимой, родной рядом нет.

Бывает, что жизнь меня давит.
Кидает, пытаясь сломать.
Друзья предают, сердце ранят,
Враги заставляют страдать...

Когда слёзы льются невольно,
Зажмурюсь и снова шепчу:
«Мне, мама, ни капли не больно!»
Я маму пугать не хочу.

И там, где реальностей грани,
Увижу в тревоге глаза...
Я крикну: «Не бойся, родная!
Летает твоя Стрекоза!»

Владимир КОРНИЛОВ

Родился в 1947 г. Выпускник Литературного института (семинар В. И. Фирсова). Член Союза писателей России, Международной федерации русских писателей, Международной гильдии писателей, Союза журналистов России.

Обладатель высшей квалификационной категории и звания «Почётный работник общего образования РФ». Работает во Дворце детского и юношеского творчества п. Энергетик г. Братска педагогом-методистом по литературному творчеству. Лауреат многочисленных российских и международных конкурсов. Публиковался в многочисленных журналах и сборниках. Автор 18 книг, изданных в Москве, Иркутске, Германии.

БЛАГОСТНО ПО-ЛЕТНЕМУ В ОТЧИЗНЕ

Благостно по-летнему в Отчизне:
Вновь земля божественна мила —
Каждый листик радуется жизни,
Каждая былинка расцвела.
... Человек, уставший от ненастья,
Долгих зим и от житейских бурь,
Душу распахнул свою для счастья,
На лице разглаживая хмурь...
Улыбнулся незнакомым встречным,
Светлым чувством наполняясь сам.
И, заботам покоряясь вечным,
Сверил день по солнечным часам.

В ЖАРКИЙ ПОЛДЕНЬ

Невыносимо жаркий полдень
Дурманит запахом цветов.
Зашкалил даже ртутный столбик,
Суля пролить нам сто потов...
В тени, от зноя пряча спины,
Грустят без дела рыбаки.
...И только дети, как дельфины,
Снуют у солнечной реки.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Свято чту я память о деревне:
Там с веселой пристанью река,
Храм на взгорке — каменный и древний, —
Устремлённый куполом в века...
Крест над ним связует души с Богом,
С горним светом, с верой в благодать.
...Память это — связь с родным порогом,
С отчим домом, где отец и мать...
Память наша — солнечное детство,
Будний труд и праздники семьи.
...Это Русь, мне давшая в наследство
Родовые ценности свои.

В СТРАДУ

Вновь на селе забыли люди роздых:
С июльским зноем подошла страда.
На диких травах настоялся воздух,
И сеном пахнет в родниках вода...
И лишь в окошках свет зари забрезжит,
Шумнёт пастух — и только был таков.
А кто заспит, собаки тем набрешут,
Что мужики ушли до петухов...
А в полдень бабы, позахлопнув ставни,
Несут обед да пиво для косцов
И ловят взглядом в буйном разнотравье
С отцами увязавшихся мальцов...
А мужики поглощены работой,
Но жён своих узрев издалека,
Неторопливо, вроде с неохотой,
К ним подаются в тень березняка.
...И, отобедав там с домашним пивом,
Глядят на жён уже повеселей.
Иной косец щипнёт свою шутиливо,
А та ему: «Да ну вас, кобелей!»
И мужики, стряхнув с себя усталость,
Уйдут вершить зароды дотемна.

В деревне только немощная старость
От жарких дел в страду отстранена...
Погаснет день. Осядут в травах тени.
Дохнет прохладой сумрак от реки.
Речные ивы, замочив колени,
Уронят в воду пыльные платки.
...И мужики, уж затемно шагая
Тропинкою меж зреющих овсов,
Несут устало дрёму иван-чая
Да на руках уснувших сорванцов.

ПРАЗДНИК ЛЕТА

Свежей зеленью как-то сразу
Лето брызнуло нам в глаза.
Море синее, небо синее,
Зорь веселые паруса.
...Нынче май был подобен осени:
Он метелил, дождил и дул.
Лето вновь опоило росами
Солнца рыжего тамаду.
И пошли они, и поехали
Прямо в гору на всех рысях.
Им загикали вслед, заехали
В этом празднике все и всяк.
...Эх, Россиюшка, леший за ногу,
Вздуй поярче для них рассвет!
Видишь, мчатся хмельные заново
Куролесы на «красный» свет!..
Всё ликует, поёт и светится.
В бубен яростно лупит гром.
Этот праздник, длиной в три месяца,
Нам оплачивать серебром.
Серебром да червонным золотом —
Осень строгий предъявит счёт.
...Но пирует светло и молодо
Лето красное — дни не в счёт!

В АВГУСТЕ

*Светлой памяти замечательного
сибирского поэта Ростислава Филиппова*

Какое согласие в Природе –
Умиротворения дух?!
Недаром у нас в огороде
Расцвел в эту пору лопух.
Но он, словно гость нежеланный
Для ярких нарядных цветов,
Небесной не ведая манны,
Ютился меж сорных кустов.
... Отшельник, отвергнутый всеми,
Познал он и тяпку, и плут..
Но в августе гордое семя –
Лазоревым вспыхнуло вдруг.
И эту улыбку Природы
Случайно увидел поэт,
В заросшем углу огорода
Заметив лазоревый цвет.
И он восхитился растеньем, –
Хоть с виду лопух неказист,
Но нежное в бликах цветенье
Стихами просилось на лист.
... И пасынок жизни суровой –
Земли горемычная соль –
Восславлен был праведным словом
За все его муки и боль.

МАЛИНОВЫЙ ЗАКАТ

Печаль земных утрат
И всё, что есть – под Богом...
В малиновый закат
Мне вспомнилось о многом...
В нём слышен звон цикад
И пенье птах над рожью.

Малиновый закат
Пронизан лёгкой дрожью...
Ему, как другу, рад –
И тем душа согрета.
Малиновый закат
Сулит нам щедрость лета.

ПИСЬМО В ТОРОНТО

Кондратьевой Миладе

Добрый день, голубушка Милада!
Где же затерялись Вы совсем?
...А у нас осенняя прохлада –
Льют дожди и весь июль плюс семь...
...Не сулит нам и метеосводка
В августе ни солнца, ни тепла:
Жаркая июньская погодка
Видно, выжгла солнышко дотла.
Неуютно, моросно и зябко –
Душу продувают сквозняки.
Загрустила без стихов тетрадка –
Часто с ней мечтал я у реки.
...А сейчас не пишется ни строчки, –
Хоть у Бога нет плохих погод, –
Но души зеленые листочки
Рано пожелтели в этот год.
И душа, тоскуя о привете, –
Будучи отзывчивой сама, –
Слыша о канадском тёплом лете,
Ждет от Вас, голубушка, письма.

БАРЫШНЯ ОСЕНЬ

Небо бездонно от просини.
Смехом искрится река.
...Барышня, нам не до осени:
Мы Вас не ждали пока.
Что же Вы лету перечите, –
Если еще зелены

Сопки на всём междуречии,
Женщины счастьем пьяны.
Если блестящими нитями
Марево веет с полей.
... Барышня, Вам по наитию
Чудится крик журавлей.
Зреет их грусть над болотами
В зареве солнечных выюг.
Ими еще не налётаны
Первые стёжки на юг.
Это приснился Вам давнишний
В золоте весь окоём.
...Осень, откуда Вы, барышня,
В ярком наряде своем?

* * *

Днём ещё тепло стоит, как летом,
Солнце льёт на землю благодать.
Но уже по собственным приметам
Осень нам нетрудно угадать.
Серебристы утренники стали.
Вновь страда бессонницей в село.
Стайки птиц повсюду сбились в стаи —
До отлёта пробуют крыло.
Воздух аж звенит от паутины.
Женщины безумно хороши!
Эти ежегодные картины —
Трогательный праздник для души.
Посмотри, как высветила осень
Дальние отсюда берега!
Сквозь её пронзительную просинь
Подступила к берегу тайга.
Всё в природе близко и знакомо,
За версту дотянешься рукой
До тайги, охваченной истомой,
До звезды над утренней рекой.

В СЕНТЯБРЕ

Не встречал я осенью нигде
Красочней и трепетней картин:
Лучезарен каждый божий день
С серебристой дрожью паутин.
Золотые свечи сентября,
Придают торжественность лесам.
Всякий миг такой боготворя, —
Свой восторг дарил я небесам.
... Храм осенний светел и велик —
Благодатью Вышней сотворён.
Как прекрасен он и огнелик,
Солнцем осиян со всех сторон!..
Чуть поодаль купола церковей
В ярко-желтом пламени берез —
Это образ Родины моей —
Дорог мне и памятен до слёз.

ОСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Грусть вселенская разлита,
В душу въелась тишиной.
Сеет в маленькое сито
Серый морок ледяной...
Неуютно, зябко, сыро
После теплых летних дней.
Прохудилась крыша мира —
Заненастило под ней...
Выткан день из ткани ветхой,
Незаштопанной давно.
...Осень яблонею веткой
Грустно тенькает в окно.

* * *

Ночь ли это?.. Сумрак ли сгустился?
Только стало жутко и темно.
Говорят, в колодце месяц утопился —
Пил над срубом и упал на дно.
Потому и люди приутихли.
Не скрипит журавль пустым ведром.

Златокрылый месяц, не для них ли
Санний путь ты выстилал пером?..
Даже птицам нынче не поётся.
Льют дожди... И в траурном платке
Ночь-вдова склонилась у колодца
Над утопшим месяцем в тоске.

ГРУСТНЫЕ СТИХИ

Душа томилась у меня,
Рвалась наружу:
Ей скучны скорбный морок дня,
Седые лужи.
...Как будто кто-то на Руси
Вдруг умер тихо:
Всё утро дождик моросил –
Без передыха...
На небе сером, как зола,
Померкли краски.
...Душа же с трепетом ждала
Осенней сказки.

ДУША В СОГЛАСИИ С ПРИРОДОЙ

Люблю сумерничать в ненастье,
Когда с грозой бушует дождь.
Тебе никто не скажет: «Здрасьте!»
И никого ты сам не ждёшь.
... Но в этом смысл есть великий –
С душой побыть накоротке...
Мерцают огненные блики
Гвозд́иками на потолке...
Всё – суета и быстротечность,
И только мир самой души,
Познавшей яркий миг и вечность, –
Очистит нас от зла и лжи...
Гудят камин и непогода –
И ты один меж гневных муз.
...Душа в согласии с Природой
С себя отряхивает груз.

Илья КОРОП

Поэт, музыкант, писатель. Родился и вырос в Москве. Закончил Финансовую академию. К 33 годам, в 2000 г., стал вице-президентом одной из крупнейших автомобильных компаний. С этого момента жизнь кардинально изменилась. Оставил престижную работу и начал писать стихи, в 2002-м выпустил первую книгу «От Добра, через Добро, к Добру...». Автор 15 поэтических сборников. Написал эссе об экспедиции в Тибет («Откровения сверкающих вершин». Тибетские уроки самопознания), автор двух книг для детей («Мальчик и Ангел» и «Мальчик и Ангел: лето в деревне») и трех компакт-дисков с авторскими песнями. Участник российских и зарубежных литературных фестивалей (кинофорум «Амурская осень 2007», Прага 2008, 2010, 2012, Штутгарт 2008, Вена 2009).

Тяжелая болезнь оборвала жизнь Ильи Коропа в декабре 2013 г.

МАМАЕВ КУРГАН

Одна минута скорбного молчанья,
Одна минута скорбной тишины
Нахлынет болью и сожмет печалью,
Пронзая сердце горечью вины.

Судьба решила им тогда родиться
И умереть, вкус жизни не узнав —
Призывной песней перелётной птицы
Для них не вспыхнет новая весна.

Простые парни, ставшие святыми,
Что своей смертью опровергли смерть,
Что устояли в огненной пустыне,
Чтоб новой жизни не померкнул свет.

Ведь до сих пор невидимым дозором
Они стоят в небесных рубежах,
И мы их слышим журавлиным хором,
Когда вдруг вскрикнет и замрёт душа.

Курган их смерти и курган их славы,
Курган крушенья всех надежд земных,
Чтоб мы в грядущем вспомнили о главном
Хоть на одну минуту тишины...

К РОССИИ

Темна твоя история, жестока,
Тернисты и мучительны пути.
Тебя не уместить в земные сроки
И разумом едва ли охватить.

Ты высишься громадой из забвенья
Растоптанных, оболганных судеб
Детей твоих, что жизни не жалели,
Доказывая преданность тебе.

Событий роковых переплетенье
Подобно затянувшемуся сну,
Где люди, словно призрачные тени,
Ведут кровопролитную войну.

Ведут войну за власть, за идеалы –
Для смерти все причины хороши.
Ей сколько ни отдашь, всё будет мало,
Ей ненавистно само слово «жизнь».

Отчаянье и горький стыд утраты –
Наследство, что оставлено тобой.
И кажется, что мы не виноваты,
Но мучаемся общею судьбой.

Судьбою, что сквозь беды и невзгоды,
Сквозь немощность людского бытия
Ведёт нас к обретению свободы,
Когда, простив тебя, простим себя.

ПОСВЯЩЕНИЕ ВЫСОЦКОМУ

Ты выбрал смерть, но ты остался жить
Словами песен, что хрипел надрывно.
Ты не нашёл спасения в вине,
И не нашёл прибежища в любви.

Словно струна, порвалась твоя нить,
Словно костёр, сгорели твои крылья:
Ты не желал покоя на земле —
Никто не смог тебя остановить.

Ты не искал проторенных путей,
И свою роль сыграл без компромиссов.
Ты самого себя загнал за грань,
Откуда нет возврата в мир живых.

Твою звезду сокрыла ночи тень,
Не дав тебе спасительного смысла,
Но ты, конечно, оказался прав,
Что не склонил покорно головы.

Ты стал героем — не важна цена.
Ты не был свят, и делал всё сверх меры.
Но лишь в одном тебя не упрекнуть:
Ни разу ты не покривил душой.

И до сих пор кричит твоя струна,
Словами песен обжигая нервы —
Ты прожил жизнь, и даже не одну,
А всё, что выбрал, до конца прошёл.

БЕРЕГИТЕ ДРУГ ДРУГА

Берегите друг друга от излишних волнений,
От нелепых обид и пустого злословья,
От коварных вторжений слепящего гнева,
От всего, что мешает насладиться любовью.

Берегите друг друга от бесплодных страданий,
От ненужных потерь и бессмысленных споров.
Только чистые мысли открывайте устами —
Раны в сердце, увы, заживают нескоро.

Берегите друг друга от пороков и скверны,
Пусть тревоги ваш дом стороною обходят.
Сохраняя в душе бескорыстную верность,
Каждый день украшайте чудесным восходом.

Отдавайте друг другу только Свет и заботу
Пусть отступят в бессилии боль и разлука.
Кроме нас, наше счастье не подарит нам кто-то —
Каждый миг на Земле берегите друг друга!

* * *

Я стал другим, я стал совсем другим —
Страдания заставляют измениться.
Но разомкнулись скорбные круги,
Остались в прошлом мрачные страницы.

Я заплатил, я много заплатил,
Чтобы постигнуть самое простое,
Чтобы сойти с обманного пути,
Не повторять придуманных историй.

Я стал сильнее и, может, стал умней,
И терпеливей стал и осторожней,
Я предпочту остаться в тишине,
Чем праздных слов пустозвучанье множить.

Но я живу, я всё ещё живу,
А значит, что-то есть, что я не прожил —
Мне предстоит увидеть наяву
То, что ни разу не случилось в прошлом.

И может быть, я что-нибудь пойму,
И прекратятся поисков метанья —
Но то известно Богу одному,
А для меня, по счастью, скрыто тайной...

* * *

Да разве можно жизнь остановить?!
Она горит, она поёт и плачет —
В ней всё, как есть, и всё совсем иначе,
И всё, что есть, посвящено любви.

Она живая — в этом весь секрет,
Непредсказуема, тонка, неуловима
И так щедра подарками своими
Для всех и вся, и исключений нет.

Когда возникла, помнит только Бог,
Но даже Он, всесильный и всемудрый
Не скажет нам, когда круги сомкнутся,
И где черта, что подведёт итог.

А что же мы? Ужели нам желать
Умом незрелым охватить безмерность?
И не беда, что мы частично смертны —
Но то же ведь не души, а тела.

А для души всегда оставлен шанс
Переиграть сюжет чуть-чуть иначе,
Чтоб вместе с жизнью устремиться дальше,
А вместе их уже не удержать!

ВЕЛИКИМ ПОЭТАМ ПРОШЛОГО

Поэта назовут поэтом
Прижизненно или посмертно,
Но для него неважно это,
Ведь он уже поэт.

Ему ль стремиться к славе брэнной,
Ведь он живёт в своей вселенной,
Где он и царь, и бог, и гений,
И тьма, и солнца свет!

Он сам творит и сам венчает
Себя блаженством иль печалью —
В нём мир его берёт начало
И растворится в нём.

А нам, со стороны глядящим,
Неведом смысл настоящий
Звонящих рифм и строф разящих,
Пылающих огнём.

Он их оставит нам, конечно,
Иль в назиданье, иль в насмешку,

А сам умчится ветром вешним,
Растает в облаках.

Ведь он давно предвидел это:
Что делать, жизнь дана поэту
Лишь мимолётной вспышкой света,
Немеркнувшей в веках...

СЛЕПОЙ КАПИТАН

Мы отправились в путь на одном корабле —
Я не помню, зачем и куда.
За кормою стремительно таял во мгле
Серый берег, а светлая даль

Разгоралась всё ярче, звала всё сильней
Гулким ветром, и каждый из нас
Понимал неизбежность свидания с ней,
Не сводя зачарованных глаз.

Только карта потеряна, компас разбит,
У штурвала слепой капитан.
Он глаза потерял в круге яростных битв,
Чтобы внешнего сгинул обман.

То, что смертные ценят превыше всего,
Он отдал, чтобы сердцем прозреть.
С той поры только Истины яркий огонь
Озаряет ему дальний брег.

Он ведёт нас туда, пусть свирепствует смерч —
Его руки тверды на руле.
Он не ведает страха, и прячется смерть,
И корабль подобен стреле,

Что пронзает пространства, смыкая миры,
Опровергнув законы земли —
Расступаются волны в кипении брызг,
Если б только мы видеть могли...

* * *

Исполины живут незаметно
Средь безмолвья вершин недоступных,
Наделённые тайной бессмертья,
Воплощают судьбу непростую.

Им не надо спешить суетливо
Доказать что-то важное миру —
Их дворцы не из камня и глины,
Их деянья для смертных незримы.

Им не надо искать подтверждений,
Что их жизнь не оставлена смыслом —
Всё, что люди пытаются сделать,
Воплощает их тонкие мысли.

Их тела не пугают размером,
Их величие вовсе не в этом —
Мир земной в равновесии держат
Между тьмой и спасительным Светом.

Тихий подвиг трудов неустанных,
Воплощение вечных заветов —
Словно боги, окутаны тайной,
Исполины живут незаметно...

СПАСИБО, ЧТО ТЫ ЕСТЬ

(Стихи для Ольги)

«Спасибо, что ты есть», — чуть слышно прозвучало,
Последние слова, сияющий итог —
В них нет ни суеты, ни грусти, ни печали,
В них только красота, что нам доверил Бог.

«Спасибо, что ты есть». И больше не добавить,
Но что всего важней, что больше не отнять —
Немного дано нам выразить словами,
Но главные из них хранят восторг огня,

Что в сердце полыхал и, смыслом озаря,
Творил земную жизнь в небесной чистоте —
И было всё равно, когда разлука грянет,
Ведь был всего один благословенный день.

И каждый первый миг был, словно миг последний,
И каждый новый вздох дарил блаженство жить —
Мир снова возникал и исчезал бесследно,
Лишь нам принадлежа от бездны до вершин.

Времён замкнулся круг, всё вновь пришло к началу,
Зияет тишина в безбрежности небес.
И эхом среди звёзд чуть слышно прозвучало:
«Прощай, любовь моя, спасибо, что ты есть!»...

* * *

Ты пока лишь мечта,
Я вдохну в тебя жизнь,
И ты будешь навеки со мной.
Я так долго блуждал
Среди мёртвых машин,
Окружённый ловушками снов.

Что пытались тайком
Мою память отнять
И мой разум себе подчинить.
Чтобы наши пути
Разминулись опять,
И надежды рассыпалась нить.

Но судьба уже есть,
И не им помешать
Воплощенью веления звёзд.
Я узнаю тебя —
Мне подскажет душа —
Среди тысяч иллюзий и грёз.

Поцелуя огнём
Пламенеют уста —
Прозвучало заветное «Да».
Победила любовь,
Стала явью мечта —
Мы с тобою вдвоём навсегда!

* * *

Я — не зеркало этого мира.
Я — предвестие мира иного.
Низкой злобы и грязи презренной
Не ищите в сплетении строк.
Не для этого звонкая лира,
Чистый голос и мудрое слово —
А затем, чтобы люди прозрели,
Мне доверил сокровище Бог.

Этот мир — лишь ничтожная малость
Перед мощью грядущей громады.
Он — лишь семя, что деревом станет,
Может быть, если выдержит Свет.
Ведь не раз уже в прошлом случалось,
Когда люди, не выдержав правды,
Не сумели пройти испытанье,
Заслужив быстротечную смерть.

Надо видеть, куда всё стремится,
Надо чувствовать сердцем открытым,
Воспылав созидающей страстью,
Верить в жизнь и учиться любить.
А иначе трудов вереница
Не к вершине ведёт, а к обрыву,
А иначе кровавые распри
Множат жертвы бессмысленных битв.

Когда, кажется, крах неизбежен,
Когда всё замирает в тревоге,
А неверия жуткие тени
Заслоняют живительный Свет,

Воскрешая источник надежды,
Звонкой песней приветствуя Бога,
Добрый вестником освобожденья
Появляется в мире поэт!

ПОЭТ НА ПЛОЩАДИ...

Поэт на площади базарной
Стихи о Вечности читал:
Что миром правит Благодарность,
Что мир спасает Красота.

И люди слушали, дивились:
«Какие странные слова?»
Иные мимо проходили,
А кто-то головой кивал.

Вокруг в движенье беспрестанном
Народ толпился и шумел —
Поэт читал стихи о Тайне,
Поэт людей заморозил.

О том, что можно жить иначе,
Обманом душу не губя.
День для торговца был удачен,
Ведь рядом с ним поэт стоял.

Окончен день, торгаш считает
Удачных сделок барыши,
Вдруг вспомнил: «Вот какая тайна,
Есть польза в песнях для души!»

Подумал: «Завтра непременно
Поэта отблагодарю» —
Так исподволь и постепенно
Бог милость раздавал свою.

* * *

Легко и радостно, спокойно и светло —
Струится жизнь рекою полноводной:
То вспыхнет звёздами в глубинах небосвода,
То прозвучит строкой прекрасных слов.

То прибежит девчонкою в слезах,
В плечо уткнётся и чуть-чуть поплачет.
То, вострепнувшись, словно солнца зайчик,
Бумажным змеем пляшет в небесах.

То засмеётся каплями дождя,
То птиц беспечных грянет щебетаньем,
То вдруг грядущего приоткрывает тайны
Всего на миг, чтобы потом шутя

Всё изменить и всё переиграть,
Пленяя вновь внезапностью сюжета,
Чтобы потом одним случайным жестом
Всё объяснить, заставив до утра

О чём-то думать, память беря,
Вновь ворошить страницы дней минувших,
Вновь сомневаться, может, было б лучше
Прожить иначе? Только нет — нельзя:

Всё так, как есть. Всё так, как быть должно —
Всё те же звёзды в безднах небосвода,
А жизнь течет рекою полноводной
Легко и радостно, спокойно и светло...

Андрей РАСТОРГУЕВ

Поэт, переводчик, публицист, член Союза писателей России.

Родился в 1964 г. в Магнитогорске. Окончил Уральский государственный университет в Свердловске (1986) и Российскую Академию государственной службы при Президенте РФ в Москве (1999). Кандидат исторических наук.

Около 20 лет жил и работал на Севере, сегодня — в Екатеринбурге. Автор нескольких книг стихов, переводов и литературно-критических статей, многих публикаций в литературных

журналах, участник ряда антологий.

Лауреат Государственной премии Республики Коми (2004), премии журнала «Урал» (2008), Литературной премии Уральского федерального округа (2012), литературной премии им. А.Е. Ванесва (2014).

www.arastorguev.ru

БЕЛЫЙ КИТ

*В Тихом океане живёт одинокий кит.
Зовя братьев на неслышной для них частоте,
он никак не может встретиться с ними...*

Интернет-легенда

Почта электронная твердит:
бродит в океане белый кит —
вдалеке от суеты портовой
фыркает и в дыхало гудит.
Песня есть у этого кита,
да не та у песни частота —
без ответа родовой китовой
даль пуста, и глубина пуста...

Вот когда промолвишь: никогда.
Стынет океанская вода.
Выбросится на́ берег в пустыне,
канет ли в пучине без следа?..

Так и мы не угадали код
в череде космических частот,

но, равно казанской сиротине,
стоит ли тревожить небосвод,
если человека от кита
отличает даже немота,
а иным даровано доньне
чуть слово уголками рта?

* * *

Сею вновь огородную зелень
в черноту перекопанных гряд.
Это тяга к земле, а не в землю —
дети пусть, что хотят, говорят:
мол, погода на свете иная —
даже иней гораздо иней...
Что я сею и что пожинаю,
здесь по осени много видней.

* * *

Время наше не сочтено
ни обидами, ни рублями.
Мы из тех, что идут на дно
с городами и кораблями —
не прикованные к веслу,
не затерянные в крапиве,
но причастные ремеслу
хирургии и терапии.

Лён и скальпель, игла и нить.
Слово — тело, не только дело:
что разъято — соединить,
упокоить, что омертвело.
Океан или перегной —
припадай к поднесённой чаше...
Нет воды и земли иной.
Время наше — и бремя наше.

* * *

*Если долго сидеть на берегу реки,
можно увидеть, как по ней
проплывёт труп твоего врага...*

Сунь Цзы. «Искусство войны»

Дело не задавалось.
Времени вопреки
расположился даос
на берегу реки.
Солнце всю палило,
дума была долга,
и по реке проплыло
тело его врага...

Та ли у нас забота,
скрытая тальником,
если идёт охота
с пляшущим поплавком,
а оглядеться зорко
на комариный зов —
вновь надувает зорька
свой снегириный зоб?

То ли варяги-греки
давние ткани ткнут,
то ли иные реки
в нашей земле текут —
не золотое дело
в северной стороне
ждать ледяное тело
на кровавой волне.

* * *

Словно держа в голове ежа,
рыщем по белому свету счастья...
Если остался — не уезжай,
если уехал — не возвращайся.

Пусть железа разъедает ржа,
не сторожа мы кандалной части...
Если остался — не уезжай,
если уехал — не возвращайся.

Лишку елея родне не лей
и с неродными не жди затишья...
Если остался — не сожалей.
Если уехал — не возвратишься.

ЕЛИСЕЕВО ПОЛЕ

Потолкавшись у Эйфелевой в подоле,
где желающих, что ивасей,
мы с тобой перешли Елисейское поле —
не считает полей Елисей.

Между улочек узких и булочек хрустких,
заводных за живое имён
это имя звучит совершенно по-русски
с незапамятных детских времён.

Нам латинская грамота ближе китайской:
догадаешься — переведи,
и неожиданно-негаданно скажется Райской
рядовая *Rue de Paradis*.

Холодка отдалённого как не бывало,
если видел и осязал
полумрак Благовещенского бульвара,
Святолазаревский вокзал...

Но с недолгой романтикою бонтона
разлучимся — была не была.
Нам с тобой не лежать в глубине Пантеона
или *Sainte-Genève-des-Bois*.

На ленивую почесть и скорую пулю —
во плоти оказался — плати —
по открытому минному русскому полю
не окончены наши пути.

* * *

Северней совсем похолодало —
до летучей дымки изо рта.
Отпила ты, как поцеловала
тонкой фляжки острые уста...

Вольным вера, легковерным — воля
уверять, коль на сердце легло,
что опять с ожогом алкоголя
в тело возвращается тепло.

Но, и в мировую перемену
вековых основ не хороня,
мы-то знаем истинную цену
вешнего и внешнего огня.

Мере неизменные и долгу,
мы-то можем, к небу или вглубь
обратя дыхание, подолгу
от живых не отрываться губ.

Хоть кому едва-едва за двадцать
невдомёк ещё — без дураков,
как мы научились целоваться
на горящем опыте веков.

* * *

Когда по дороге ты заговоришь о любви —
судьба переменится, да от пути не убудет.
Всё должное сбудется — только с иными людьми,
а если желаешь с любимыми — будет, что будет...

Ногами по суше теперь или вплавь кораблём,
удача пойдёт косяком или вылезет боком —
сорвалось летучее слово живым воробьём,
да на сердце выпало неодолимым зарокком.

Что сбило его, отчего подломилось крыло?
С налёту ударилось оземь, водой отразилось,
природою и оболочкою преобразилось,
иные желанья облаком облокло?

Живи, как получится, или прицельно живи,
лозой на ветру или не уклоняясь от ветра,
а силы свои перечти, ожидая ответа,
когда по дороге ты заговорил о любви...

* * *

Прервав за лёгкой сукою побег,
тяжёлый пёс хватает свежий снег —
и вьётся снег над восхищённым зверем.
И зверь смеётся, точно человек,
хотя его немилосердный век
лишь детству человеческому сомерен.
И заново мгновенье погода,
неугомонный дух переводя,
пускается в любовные погони...

Ты, словно неразумное дитя,
его избаловала не шутя,
прикармливая с ласковой ладони.
Но я и сам, хотя не потакал,
порой готов подняться к облакам
в земной недолговечной оболочке.
Покуда не укрылся ковылём,
то лебедем лечу, то кобелём
скачу на поводке или цепочке.

* * *

Не уходи, не засыпай — со мной побудь ещё
и обними, и поцелуй, как полагается...
Нам всё труднее говорить о дальнем будущем,
как будто даль земная не отодвигается.

Сего ли мира мы делами и повадками,
попыткой тщетною не опускаться в пошлое?
Но осязается лопатками и пятками,
едва минует, каменеющее прошлое.

Вчера услышал, как болтали две студенточки —
кто наперёд какие виды-планы выдумал.
Мне усмехнуться бы — мол, размечтались деточки,
а я не до смерти, но грешен — позавидовал.

Зачем завидовать, коль каждому достанется?
Когда устанется, тогда и станет пятница...
И если нам с тобой дороги не останется,
услышит вечный окоём — да и попятится.

* * *

Не отправляйся без молитвы,
хотя не тот, кому поём,
запёк в земле стальные бритвы
к живому небу остриём.

Без наблюдателя не брошен,
вглядись мельком из-под руки:
над каждым поворотом коршун
выписывает круги.

Вдаль по заточенным дорогам
во здравие и на помин
мы ходим истинно под Богом
и едем именно под Ним...

* * *

Пускает кровь кредитной карте
живот творящая любовь.
У выходных на низком старте
ты в покупательском азарте
в «Ашане» или «Мегамарте»
кладёшь в корзину пять хлебов:
крестьянский с примесью ржаную,
лаваш, побитый рыжиною,
багет с надсечкой ножевой,
и свежесвеженный белый —
ещё горячий, пышнотельный,
и — пользы ради — зерновой.

Оголодаешь на работе,
такое выдаст голос плоти —
по естеству, а не со зла...
А бестелесное украдкой
опять немеет над загадкой
ненарочитого числа.

* * *

Когда на закате укажет заря
не преобразиться — так переодеться,
глубокие реки впадают в моря,
а люди впадают в глубокое детство.

Что перетекло в деловой календарь,
начислено в столбик, написано в строчку —
как телекартинка двуцветная встарь,
сливается в луч, собирается в точку.

И ты остаёшься один на один
с волною, отзывчивой на непогоду..
Так рыба летучая или дельфин,
взойдя из воды, возвращается в воду.

Но, чуя аортою вечную связь,
гребёшь к небосводу, противясь измору..
Предтечи твои, до крови просолясь,
решились — и всё-таки вышли из моря.

* * *

Иные книги нынелетние,
нам возводимые в закон,
напоминают: мы — последние,
кто пишет русским языком,
рябые рыбины подлёдные,
огнеупорные кроты,
седые птицы перелётные,
свалившиеся с высоты...

Не коршуны, но и не голуби,
из-под земли или воды
мы пробиваемся сквозь проруби
и потаённые ходы.
И как дыханье ветряное,
глотаемое сгоряча,
нам слово однокоренное,
понятное без толмача.

* * *

Ах, как молодая голова
верила, что Родина права —
до заглавной буквы величая!
Сотня вёрст воистину не крюк
тем, кто рос, не оттирая рук
от липучей смолки молочая.

В дальней глубине материка
облака парного молока
и поныне бродят хороводом,
и неистребимая река
по весне скалистые бока
снова обдирает ледоходом.

Но когда пластмассовой трубой
дуют про отчизну вперевой,
умная душа не шелохнётся...
Что ни имена и времена —
остаётся родина одна.
Только ей и верить остаётся.

* * *

Хладнокровно по неровному
ходу времени прими:
очень скоро поголовно мы
станем белыми людьми.
Матерелого по волосу
опознать нетяжело,
если даже стрижен налысо
или выбрит наголо...

Но пускай метелью ветреной
завивается февраль —
под макушкою серебряной
сердцевина золота ль?
Порываясь в люди вылезти
и душой не заболеть,

все ль нашли довольно извести,
чтобы совесть отбелить?

Может, на отцовском опыте,
точно смывают печать,
и потомку гниль от копоти
пригодится отличать...

* * *

Блаженны, кто верует — искренней веры не тронь,
хотя сомневается здравая мысль и сегодня...
Нисходит с высоких небес Благодатный огонь
на светлую Пасху в кувуклию Гроба Господня.
Волною духовною или телесной рукой —
невидимо тем, кто в надежде огня ожидает,
и вновь разливается чистое пламя рекой
и радостных лиц озаряемых не обжигает...

По равновеликим краям материнской земли,
на волю ветров полагаясь и вышнюю волю,
порой молодою мы тоже зажгли и сожгли
страстей и желаний немереных добрую долю.
Но смысла завидовать нынешней юности нет,
без точки страница, не время ещё устранишься —
не молниеносный и не ослепительный свет
яснее горит и ровней на дорогу струится.

Души не травы и смятенного сердца не рви.
Кто истинно ведает: вечное — не за горами,
поймёт, сколько в ярое пламя добавить любви,
чтоб и маловерные лицами не обгорали.

Виктор ФЕТ

По специальности биолог. Окончил Новосибирский университет в 1976 г. До 1987 г. работал в заповедниках Средней Азии, после — в университетах Северной Америки. Публиковался в альманахах «Встречи», «Побережье», «Связь времен», «Глаголь», «Альманах поэзии», «К востоку от солнца», «45 параллель», в журналах «Литературный европеец», «Мосты», «Крещатик», «Время и место», «Сибирские Афины» и др. Книги стихов: «Под стеклом» (2000), «Многое неясно» (2004), «Отблеск» (2008), «Известное

немногим» (2013). Интернет: <http://victorfet.com/>

Проживает в Хантингтоне, Западная Виргиния, США.

ДАЛЬНИЕ КРАЯ

Вижу дальние края,
где на грани сна
география моя
изображена.

Каждый шаг неповторим,
каждый жребий скрыт,
каждый полуостров — Крым,
каждый остров — Крит.

Путь лежит в прозрачный фьорд,
где не видно дна,
где к скрижалям доступ стёрт
в лабиринте сна,

где на побережье дней
из кромешной тьмы
горсткой радужных камней
выброшены мы.

КАМЕНЬ

Кто водит этою рукой?
Я сам вожу: я свой вожатый,
своей наивности глашатай;
я – камень, брошенный в покой
моих болот, в их свет и холод.

Мой мир на истины расколот.
Смотри: я падаю сквозь мрак,
где ни движения, ни звука.
Так говорит моя наука,
и я пишу, что это так.

ПО ЭТУ СТОРОНУ

Наш век размечен чуждой метой
по краю стынущего льда;
снов океан питался Летой,
где память смыта навсегда.

А из какой прозрачной пыли
летят сигнальные лучи –
нам всё равно, и мы забыли,
и снова азбуку учи.

Тире и точка, плюс и минус,
и алфавитные значки,
как древний мир, пройдут и минут,
не расширяя нам зрачки.

Но за полярными кругами,
куда вода не дотекла,
хранится отраженье в раме
по эту сторону стекла.

ЧАСТИЦА

Уходящие часы
жизни яростной и хрупкой
не поставишь на весы,
не измеришь ртутной трубкой.

Не придумана шкала
из ай-кью или пэ-аша,
чтобы боль и радость наша
измеряема была.

Так частицы путь желанный,
отодвинув тьму и свет,
в тесной камере туманной
пролагает белый след.

Запись этого пути
мне хотелось бы найти,
где понятно, что мгновенный,
зыбкий мир, навстречу мчась —
нашей жизни сокровенной
только видимая часть.

ЛИННЕЙ

И человек, и лемминг, и трава
Имеют имя, милостью Линнея —
Блестящие, латинские слова.

Эпитеты нанизывать умея
На связки грамматических корней,
Со списками в руках бродил Линней

По чистым огородам и садам
Коротким летом в королевстве шведов,
Все травы называя, как Адам.

Безмолвие полуночных пустынь
Лапландии объездив и изведав,
Линней не забывал свою латынь.

Трудился он в пределах тех же линий,
Что очертили нам Платон и Плиний.
Прилежную природу естества

Он понимал, и общий знаменатель
Он отыскал для трав, зверей и птиц:
Их имя (форму, суть). Когда б Создатель

Нас мастерил без видимых границ,
Одним мазком, не уточнив детали
(Цвет глаз, размер, кому годимся в корм),

Мы все бы, не имея точных форм,
Переливались и перетекали
Из маски в маску. Жизнь была б легка.

Но мир отлит в ином материале,
И постоянна форма у цветка,
Какие пчёлы бы ни посещали

Его тычинки. Личность, суть, идея –
Их помнят и лопух, и орхидея.

ПОКА ЕСТЬ ВРЕМЯ

Пока есть время – пой, пиши
бесстрашно и беспрекословно,
сledi прилежно и готовно
за путешествием души.
Веков разрушенные соты
ещё хранят волшебный мёд;
ещё хрустален небосвод,
ещё известны наши ноты,
но за словесным частоколом
мир предстаёт случайным сколом

чужих, осадочных пород.
Суть времени обнажена;
достигнув нового предела,
мы на доске кусочком мела
выводим формул письма.
И снова смысла ищем мы
под вечный ритм зимы и лета,
за спектром пушкинского света,
за гранью гоголевской тьмы.

ДАВНО

Давно уже привыкли
молчать о том, что мы
из пустоты возникли
среди крошечной тьмы;
где нам открыли очи,
и, слово сохраняя,
создали дни и ночи
из млечного огня.

Давно уже забыли
первичный свой наказ,
когда из звездной пыли
слепили наш каркас,
и много лет из вечной
стихии естества
слагались в ритм беспечный
волшебные слова.

В дороге однократной
не встать и не сойти,
не взять билет обратный,
не изменить пути;
что было нам открыто,
что было в нас дано —
ушло и позабыто
надежно и давно.

ГЛОТОК

Памяти Игоря Северянина

Недавно еще трепетала струна,
и старому барду внимала страна,
а нынче от грезы леса и моря
очнулись под властью иного царя.

Все выиграл он, что поставил на кон,
и в замке у моря создал свой закон
о том, что земля, и огонь, и вода,
и воздух закрыты теперь навсегда.

Но к воздуху доступ имели пажи,
и юный один для своей госпожи
в фиале прозрачном воздушный объем
похитил и спрятал на сердце своем.

И вертится шар — тот, что был голубым,
и страх несравним со столетьем любым,
ведь воздух с водою навеки ушли,
и больше не стало огня и земли.

Но где то в подвале, светясь и дрожа,
в стеклянном сосуде, в камерке пажа,
ушедших молекул старинные сны
хранятся в развалинах нищей страны.

Быть может, иссякнет кровавый поток,
и древнего воздуха чистый глоток
к потомкам придет через тысячу лет,
как старого барда прощальный куплет.

ИТОГИ

Будет так: настанут годы,
и привычные черты
узнаваемой природы
рухнут в пропасть пустоты.

И пускай еще не скоро,
но уйдут на склоне дня
удаль мысли, ткань узора
и безумие огня.

Но итоги наших знаний,
позабыв старинный свет,
будут ждать иных созданий
через бездну темных лет.

Пусть же светят им без света,
согревают без тепла
всплеск мелодии, что спета,
радость жизни, что была.

ТЕОРЕМА

Костровище от стана цыганского
Пеленой заметает зима;
Теорема Астеева-Ганского
Посложней теоремы Ферма.

Утверждает она, что движение
В этом мире вообще не дано:
Только буйное воображение
Крутит мир, словно ленту в кино.

Объясняет невзрачная книжица —
Бледный шрифт, пара сотен тираж —
Что Вселенная вовсе не движется,
А дрожит, как пустынный мираж.

Амплитудой такого дрожания
Объясняются Бог и весна,
Не дано нам ни воли, ни знания,
И действительность нам не дана.

Так, надежду и веру отсеяв,
Словно призрак, возникший в дверях,
Нам поведал ослепший Астеев,
Тот, что сгинул давно в лагерях.

И у Ганского формулы четки:
Чтобы в них ни значка не забыть,
Он диктует с хароновой лодки,
Размотав ариаднину нить.

Доказательство это красиво:
Значит, в зеркале нету лица;
Изначального не было взрыва;
Теплового не будет конца.

И не надо движения, ибо
Нас ничто не избавит от мук —
Что ж, за правду мы скажем спасибо
Двум пророкам российских наук!

Грянем песню да купим шампанского,
Впереди только тьма да мороз,
Теорема Астеева-Ганского
Навсегда разрешила вопрос!

КАВКАЗ

Нет в России иного рассказа,
Чем про бурные горы Кавказа,
Про нагайку да шашку да бурку,
Да как персу досталось да турку.
Ключ в замке до конца поверну
В языки разделяющей двери,

Отличающей Мери-княжну
От английского имени Мэри.
Новых букв набросать в языке
Не дошли у Мефодия руки,
В пограничной с Кавказом реке
Разбухают славянские звуки,
Да мелькают стеклянные грани
Мандельштамовской Эривани.
Оборотного «э» оборот,
Ермака заменяющий Эрик,
Незамеченный водоворот,
Всероссийской истории Терек,
Где от викинга до казака —
Страх раба, брага пьяной отваги,
Да эрозии буйной овраги
Аж до шапки горы Машука.
За пределами этого мира
Вряд ли что-то достойное есть,
Значит, честь удалого мундира —
Это вся, что нам выпала, честь.
Блещут неба хрустальные своды
Да текут минеральные воды.
Там страдали для общего дела
И на фоне альпийских широт
И зверюшка несчастная Бэла,
И Лаевский, моральный урод.
И эпоха, наполнив роман,
Уходила зарядом картечи
В темноту, в племена мусульман,
Не имеющих письменной речи.

ПОДСТРОЧНИК

Что, если наш первоисточник
Нарочно создала природа,
Как ученический подстрочник
Несделанного перевода?

И сила чуждая, немая
Его спасла в пылу сражений,
И мы живем, не понимая
Его склонений и спряжений.

Мы ожидаем дня и часа
В бедламе шума и сигнала,
Но нет словарного запаса
На языке оригинала.

Ольга ФИЛИПОВА

Родилась на Украине, детство прошло там же, в благодатном песенном краю. Юность прошла в Ростове-на-Дону.

Одна из учредителей литобъединения «Ассоль». Выпустила книгу стихов «Я счастье поймала в ладошку».

Живет в г. Ейске.

НА СКВОЗНЯКЕ ДУША МОЯ

На сквозняке душа моя
Измятым, порванным кусочком
Сидит и плачет среди дня,
А сердце пишет эти строчки...

Кричит, кричит в ночи душа,
Истерзанная и больная,
А утром к храму не спеша
Ведет меня, псалмы читая.

И пред иконами, крестясь,
Молитвой душу растревожу.
Я бью поклоны, не стыдись...
Благословенна милость Божья!

СТРОКИ КОСНУЛСЯ ВЕТЕР ШАЛЫЙ

Строки коснулся ветер шалый,
Играючи, смеясь,
И по странице побежала
Стихов рожденных вязь...

СНОВА ВЕТЕР ПРЕКЛОНИЛ КОЛЕНИ...

Снова ветер преклонил колени
Пред шальной ночью в неглиже.
Зашептались в горизонте тени:
«Он влюблен который год уже...»

Проносились времени столетья,
Заплетая чувства на ветру
И рождались звезды, словно дети,
Растворяясь в небе по утрам...

Кто-то скажет: «Ну и что ж такого.
Эка невидаль-он в ночь влюблен»,
А вкусивши запаха хмельного,
Вдруг обронит восхишенья стон...

УТРО ПЬЕТ ПРОХЛАДУ

Утро раннее пьет прохладу
Повзрослевших осенних дней,
Разбирая в пути преграды
На треноге судьбы моей.

Пробирается луч рассвета,
В горизонте мелькнув слегка
И забытой дорогой в лето
Будет снова спешить строка...

НОЯБРЬ-ПРОКАЗНИК

Я опять живу в Ростове,
Заглушая сердца грусть.
У судьбы гвоздем в подкове
По дороге я мечусь.

Отменила жизни праздник.
Застываю на ветру
И ноябрь-проказник дразнит
Белым мохом поутру.

НЕСПЕШНО ОБЛОМКОВ СТОЛЕТИЙ КАСАЯСЬ...

Неспешно обломков столетий касаясь,
Плывет мой корабль, не взирая на бури.
На палубе я так неистово каюсь,
Что даже колени у мачты прогнулись.

А ветры шальные, не ведая страха,
Врываются в душу, ломая преграды
И треплют мой парусник, будто рубаху,
А жизнь оставляют потомкам в награду.

В РАЗДУМЬЕ ОПУСКАЯ ВЗОР...

Когда стоишь на перекрестке,
В раздумье опуская взор.
Не знаешь, как надежно сверстан
Судьбы неспешной приговор.

И над тобой Господь незримо
Удерживает жизни срок,
И каждый час неповторимый
Несет свой признанный урок.

И правды ради на закланье
Отдашь последний миг зари.
А все забытые признанья
На ушко ангел повторит.

НЕ ОТ МИРА СЕГО

«Не от мира сего», — говорят тебе в спину.
«Не от мира сего», — повторяет сквозняк.
Ты уже прошагал жизни всей половину,
Но в истории времени — это пустяк.

И частицей Вселенной, расходуя силы,
Замахнувшись на святость рассветов в пути.
Ты используешь память фатальности крыльев
И надеешься с миром до края дойти...
Не от мира сего...

БРОШЕННЫЙ ДВОР...

Деревенский двор. Калитка старая.
Нить тропинки спряталась давно.
Босиком стоит крыльцо усталое
И без ставень сморщилось окно.

В огороде высохшими венами
Междурядий трещины кричат,
По хатенке с расписными стенами
И по смеху озорных девчат...

Умерли хозяева, а деточки
Разлетелись в разные края.
Только куст рябины каждой веточкой
Ждет гостей, тревогу затая...

ЗАБРОШЕННЫЙ САД

*Моя подруга Ольга Волкова — пианист,
человек разносторонне развитый,
и ей не чужды стихи.
Сама иногда пишет.
У нас получилась такая переключка.*

Волкова:
Ваш заброшенный сад
Легкой грустью стоит очарован.
Дома темный фасад
Был когда-то для жизни основан.

А теперь пусто в нем, нет следа
От былых увлечений.
Утомился он прожитым днем,

Нет счастья в нем,
Нет и волнений...

Филиппова:

Нет, не то, чтобы не было счастья в нем,
Он околдован
И на прошлом не зиждется в нем
Баловство суеты.

Он в стремления фазе, мечтатель,
Он ведь очарован,
Он о будущем мыслит, а в прошлом —
Печаль маеты.

Он повенчан с историей давнего рода.
Он измучен, но пасть на колени не смел.
Он ведь выжил и выстоял —
Так захотела природа.
Значит, быть ему садом,
Ведь мужество — сильных удел.

Наша
переводы

**Тове ДИТЛЕВСЕН
(1917–1976)**

* * *

Возьми моё сердце в руки,
Возьми осторожно, нежно
Оно ведь теперь твоё.
Как билось оно тревожно,
Как будто в метели снежной,
Теперь оно так спокойно,
Теперь ведь оно — твоё.
В любви обретая силу,
Сжимаясь птенцом в разлуке,
К тебе одному стремится,
Тобою одним живёт.
Возьми моё сердце в руки,
Не отпускай вовеки,
Так радостно сердцу биться —
Оно ведь теперь — твоё.
В ладонях твоих, мой милый,
Пусть сердцу легко поётся,
Но помни всегда отныне,
Что если в бессилье слов
Вдруг сердце замрёт в кручине,
Заплачет и разобьётся —
Твои не сумели руки
Мою удержать любовь.

ВЕЧНЫЕ ТРОЕ

Два образа мужских за мною следом
Идут всю жизнь — один мне мил и люб,
Другой меня своим считает светом,
Молитвой, что с его не сходит губ.

Один в моих запретных снах весенних
Живёт желанной сутью бытия.
Другой в моё стучится робко сердце,
Но не хочу его услышать я.

Один мне дарит наважденье счастья,
Салютом озаряющего ночь.
Другой мне жизнь отдать готов, но часто
мне часа подарить ему невмочь.

Один в моей крови блуждает жаром
И будит страсти яркие цветы.
Другой дары в костёр несёт задаром
И жаждою томится у воды.

О женщины — пред вами на коленях
Не те, кого любить и вам дано.
Лишь раз в сто лет, быть может, два явленья
Земной Любви сливаются в одно.

* * *

Живёт во мне и умирать не хочет
Та девочка, которой я была.
В озёрах глаз — в зеркальных дебрях ночи —
Вдруг промелькнёт на миг — легка, смела —

Чтобы найти пропавшую бесследно
Улыбку детства, первые слова
Моей любви и первозданность лета
Надежд, что облетели, как листва.

И право же — кого ещё спросить ей,
Где юность моя звонкая парит?
Где счастье, вдохновенье, страстность, сила?
Где мой талант — он в землю не зарыт?

Но лишь в ответ струящейся печалью
По стёклам дождевые письма.
Так быстро, что сама не замечаю,
Смывают годы лица, имена.

Но девочка жива во мне и голос
Её, как шум ручья, не заглушить.
Всё шепчет мне: о будни раскололась
Твоя мечта и вся наука жить

Свелась к тому, чтоб хлеб добыть насущный.
Ты обрела семью, детей, друзей.
Но ты одна и круг житейский сужен
До точки в суетливой гонке дней.

Но вот моя рука — пойдем скорее
В твой город детства в дымке голубой.
Там в доме печь старинная согреет,
И освежит лицо морской прибой.

Там на качелях ветра раскачает
Твоя мечта и в небо унесёт.
Ты устремись лёгкая, как чайка,
В свой светлый мир любви — за горизонт...

А что же я? Закрыв глаза устало,
Той девочке твержу: так много лет,
Прошло с тех пор, как я во сне летала.
Минувшего размытый силуэт

Уже не различить в дали туманной.
Но только ты живи во мне, живи —
Та девочка, чья вера не обманет,
Чей голос, как хрусталь, в моей крови —

Тяжёлой, тёмной, рвущейся к последней
Земной черте — её перешагну,
Когда во мне совсем исчезнет след твой,
И ты уйдёшь навеки в тишину.

РЕВНОСТЬ

Приложив ладонь к лицу, я
Изваяньем нелюдимым
Замерла — с другой танцует
Целый вечер мой любимый.

Ах какую ей улыбку
Лучезарно молодую
Дарит он — так юность скрипку
Вдруг берёт и с ней колдует.

Той мелодией забытой
Я сама пьяна бывала.
Сколько было в танцах сбито
Каблучков — а мне всё мало!

Мне казалось, что так нежно
Может лишь меня мой милый
Обнимать, но, веки смежив,
Окрылённый и счастливый,

Он с другою кружит в вальсе.
Обо мне стирая память,
Взгляд её надменно властный
Приковал его цепями.

Ярких губ её пещера
Приоткрыта дерзкой тайной.
И моя разбита вера
В оберег наш обручальный.

Так любовь уходит дымом,
Лишь тоски надсмотрщик вечен.
Изваянем нелюдимым
Я стою одна весь вечер.

* * *

Счастье моё поселилось в твоих руках,
Больше нигде на земле ему нет приюта.
Если другой пожелает его забрать,
Счастье моё сгорит, обратится в пепел.

Женщины есть, что умеют в самих себе
Черпать любовь — владеть безраздельно счастьем.
В собственном смехе им радость, в их сердце — рай,
Скрытый от боли, как воин в бою кольчугой.

Есть и другие женщины, что хранят
Счастье своё в руках у своих любимых.
Всё потерять они могут, но так велит
Их естество — и я из породы этой.

Милый, прошу тебя — счастье моё храни
Словно ребёнка, прижми его крепче к сердцу.
Ты и не знаешь, в каком окажусь аду,
Если ты ношу свою невзначай уронишь.

* * *

Так было во сне прекрасно лицо твое — всё смотрела
И в нежных объятьях ночи заснула минут на пять.
Теперь ты ушел, и в сердце летят сожалений стрелы,
Что время с тобой промчалось — ах если бы мне не спать

Те триста секунд счастливых, а слушать твое дыханье
И как твоё сердце бьётся под тёплой моей щекой,
Быть полным твоим покоем, быть частью твоих страданий,
Всей сутью своею слиться с тобой, как ручей с рекой.

Теперь ты ушёл, и радость покинула дни и ночи.
Ты стал не судьбой моею, а лишь черновой строкой
В стихах, где так много пауз, пробелов и многоточий,
В стихах, что с разлукой слиты навек, как ручьи с рекой...

Ингер КРИСТЕНСЕН
(1935–2009)

* * *

В темноте голоса мужские.
Я стою в освещённом Храме.
В солнце голос мужской.
Я подземным иду лабиринтом.
В парке — голос мужской.
Белой статуей я замираю.
Моё зеркало — воздуха струи.
Моя песня — безмолвие листьев.
В парке — голос мужской.
Как не хочется мне просыпаться.

* * *

Я выдаю себя. Я спускаюсь к тебе светлячком
Из ночного забвенья.
Я могу прикоснуться к тебе,
Но не вижу тебя.
Существуешь ли ты вообще?
Наконец, я в глухой стене
Обнаруживаю маленькую трещинку.
Поцелуй.

* * *

Ты проходишь мимо меня,
Пока мы храним молчание.

Я говорю невпопад,
Пока ты меня не слушаешь.

Мы не делаем ровно ничего,
Но ангел сводит нас вместе.

* * *

На тоненькой веточке здравого смысла
Я восседаю с бумажной пилой.
Рядом — игрушки, любимые с детства.

Осень, зима — я пилю и пилю,
Я тороплюсь, чтобы к лету сорваться
Вниз — и себя, наконец, обрести.

* * *

Шатается мостик, шатается речка.
Шатается море и в нём — корабли.
Я — камень прыгучий на ветреном пляже.
Всё то, что когда-то назвали судьбой —
Лишь слово-песчинка, которую гонит
Дыханье Вселенной сквозь морок времён.

* * *

Что такое взрослеть —
Это жить в переливах снов.
Никакая печаль
Не нарушит беспечность фантазий.

* * *

Я думала, что взрослеть —
Это значит погружаться в реальность.
За моим окном каждое утро
Стоит Фата Моргана
С уставшим лицом и кричит:
«Покупайте утренние газеты!»

* * *

Я пишу, как пишет облаками ветер,
Медленно меняя на небе их очертания.

Или вдруг я пишу легкомысленным росчерком
ласточки
Под крышей дома, где поселилась любовь.

А еще я пишу тяжёлой поступью волн,
Покоряющих берег.

Я пишу мелким бисером звёзд
По плотной портьере Вселенной.

Я пишу вне имён и времён —
Каждый атом мой — буква.

Кирстен ХАММАНН
(род. 1965)

* * *

Нас закутал декабрь в свою плотную шубу снега,
Наши лица — в пятнах опавших листьев,
Они были когда-то юны.
Нас хоронит декабрь, но никто не пришел проститься.
И имён уже наших нет — они тихо от нас отлетели.
Их отдали другим, положили в ладони лета.

Марианна ЛАРСЕН
(род. 1951)

* * *

Театр жизни. Ролей бесконечных смена.
Сотни масок — иди, примеряй любые.
Не понравится, что ж — поменяй амплуа и сцену.
Режиссеры не те? Так найдутся всегда другие.
Театр смерти. Ролей у неё не меньше.
Репетиций не будет.

Янина КАЦ
(1939–2013)

* * *

Наконец, я вернулась к себе самой.
Очень долог и труден был путь.
Я прошла мимо трёх похорон,
Поле битвы любви миновала,
Замка два на песке
И загадочный карточный домик.
Мимо стайки детей пробегали — их смех
Обдавал меня брызгами лета.
Преграждали мне путь буреломы и рвы
И прохожий с улыбкой картонной.
Я его отстранила, но там впереди
Рыцарь-смерть — на плече его Вечность —
Белый голубь...

Перевод с датского
Нины Гейдэ

**Галактион ТАБИДЗЕ
(1892–1959)**

СТАНСЫ

Здесь памятник тебе поставят люди,
и принесут стихи твои сюда.
Да, многое на этом свете будет,
и только нас не будет никогда.

Лев падает, израненный судьбою,
в густой бурьян, издав предсмертный стон,
но вскоре пред историей другою
поднимется совсем иначе он.

Я руку протяну тебе с доверьем,
ведь мы с тобой прошли весь белый свет..
О будущее, ты, по крайней мере,
иной сумеешь дать на все ответ!

* * *

Пока повсюду льют дожди,
пока не высохла дорога,
пусть мир в тумане, подожди,
вуаль небесную не трогай.

Так сердце пламенно в груди,
душа уже в иных чертогах...
Пока повсюду льют дожди,
пока не высохла дорога.

*Перевод с грузинского
Игоря Елисеева*

A double-line rectangular border framing the central text.

A stylized logo consisting of two vertical columns of three parallel lines each, with a diagonal line crossing them.

проза
СТИХИ

Юрий САВЧЕНКО

Выпустил книги стихов «Сокровенное», «Сердце на ладони», «Бабье лето», две книги очерков «Семикаракорцы: летопись в лицах», энциклопедический словарь-справочник «Семикаракорск». Публиковал стихи и рассказы в журналах «Дон», «Российская литература», «Литературная столица», «Новая литература», «Лексикон», «Северо-Муйские огни», «Истоки», альманахах «Литературная губерния», «Свой вариант», «Рукопись», «Литературные знакомства», «Новый Енисейский литератор». Дипломант конкурсов «Стихотворение года – 2013» и «Короткий рассказ – 2013» альманаха «Новый Енисейский литератор». Член Союза журналистов России.

Проживает в г. Семикаракорске Ростовской обл.

ОСЕННИЙ МОТИВ

Затянуло дымкой даль над Доном.
Сник уныло облетевший лес.
Журавлиный клин с печальным стоном
Растворился в кутерьме небес.

Рвется хмарь, как рвутся наши мысли.
Жмутся тучи. Ластятся к полям.
Я бреду под ними, еле втискиваясь,
По лесным залысинам полян.

И в душе волшебною струною
Тихий звук исторгнут и звенит.
Это с ним, с родимой стороною
Я навеки воедино слит.

БАБЬЕ ЛЕТО

Людской поток, как воды по весне:
Весь город плещется волною зыбкой.
Здесь каждое лицо знакомо мне
И добротой, и скорбью, и улыбкой.

И я смотрю, как кружится листва
Цветных косынок, шапочек, береток —
Глазам не верится, так осень расцвела
В красивых людях, как весна в букетах.

И эта яркость, эта пестрота
Еще звучней от яростного света,
Что щедрой чашей неба пролита
С ладони бабьего взволнованного лета.

ЗИМНЕЕ

Подметают небо щётки сосен,
В воздухе снежинки распылив.
Здесь ещё вчера бродила осень
По уступам выцветшей земли.
А сегодня, грусть из сердца выжав,
На лыжне меж сосен и берёз
Не сдержу стремительные лыжи —
Пусть несут! Я с ними в скорость врос.
У обрыва при слезающем спуске
Вздыблю снег под лыж взбешённый шип...
В жизни это — трудное искусство...
Тормозить, когда летишь с вершин.
Я не раз ломал в паденье лыжи,
Не впервой крутые спуски мне.
От падений и ушибов выжив,
Вновь лечу по самой крутизне.

ДОН — ТРУЖЕНИК

А над Доном — гудки, гудки,
А по синему вскачь — «кометы».
Слышат нивы дыханье реки,
Будто грузчик она... все лето.

Вот натужно прошел сухогруз.
Встречной баржей взбурунило волны.
Бакен пляшет (спелей, чем арбуз),
Сочной яркостью красного полный.

Размахнулась плавкрана «рука»,
«Майна, майна!» — из трюма доносится.
И влечет терпеливо река
К морю бойкую разноголосицу.

АЭРОДРОМ ДОЛЛЯР

Подножье Малого Кавказа.
Аэродром у самых гор.
И в досягаемости глаза
прелестный городок — Шамхор.
Сменив пилотку на панаму,
у самолетов я служил.
Страну, как собственную маму,
любил и ею дорожил.
И день, и ночь полеты были:
разведчик Ил-28-й,
что «лошадь, загнанная, в мыле»,
летал и летом, и зимой.
Пока турбины грели небо
у неприятельских границ,
я, пожевав краюху хлеба,
к чехлам приваливался ниц.
Иль вдаль смотрел за синь-просторы,
где кручи Главного хребта.
Не привлекала высота,
а вот... манили просто горы.
А что Шамхор?
Я о Шамхоре...
Журчат арыки вдоль чинара.
В тень виноградных лоз зеленых
спешат укрыться млад и стар.
Там же прибежище влюбленных...
Звук поцелуя, шепот, смех.
Нет ни запретов, ни помех,
Лишь пчёл жужжание стозвонных.
Я тоже как-то на досуге
(мне этот день поныне мил)
признался черненькой подруге,

что не на шутку полюбил.
Она, словам моим не веря,
хихикнула почти в лицо:
«Язык — что бич, мели Емеля», —
сказала русское словцо.
С тех пор промчались го-оды... годы!
А лучше бы сказать — года!
Кура катила свои воды.
Сияла южная звезда.
Летело время в складках горных
и по долине, между гор...
Не стало Илов, мне покорных,
другое имя взял Шамхор.
Мой чуб теперь белее хлопка,
что собирала Егоза.
А память повторяет робко
все те слова, что я сказал.

ШУТКА

Золотятся клены,
ветер, будто замер,
смотрит мир зеленый
желтыми глазами.

Под ногами с хрустом
шевелиются листья,
в росписи искусной —
что-то лисье.

По дорожкам парка
я брожу без цели.
Солнцу стало жарко.
Птицы присмирели.

Только мысль в работе —
без преград, без правил...
Я бы ей к субботе
отпуск предоставил...

ОБРАЗ ВРЕМЕНИ

Торопятся, спешит, бегут года,
Растет цена непрожитой минутке...
Мой образ времени, как помню я, всегда –
Виталий Александрович Закруткин.

Он осязаем. Он велик. Он зрим.
От первых книг до «Сотворения мира».
Я чту его наставником своим,
Учителем, поэтом и кумиром.

И пусть бегут, торопятся года,
Певец душой и устремленьем молод.
В делах — без отдыха,
И, кажется, всегда
Неутолим его к работе голод.

Пульс мысли щедрым сердцем раскален,
И день, и ночь над образами бьется,
И лучшие из тех, что создал он —
Всю жизнь в борьбе за Мир, Свободу, Солнце.

Завидная, но трудная судьба:
Взять боль других на собственную душу,—
Пусть гром и молния, пусть смертная пальба,—
Найти исход и правду не нарушить...

Торопятся, спешат, бегут года.
Растет цена непрожитой минутке...
Мой образ времени, как помню я, всегда —
Виталий Александрович Закруткин.

ПРОДОЛЖЕНИЕ МЕЧТЫ

Земля освобождается из плена.
Восторги вьюг отпели в бурный срок.
Весна встречает радость во Вселенной.
Залит багрянцем утренний восток.

Еще чуть-чуть — и выстрелит подснежник.
Как на дрожжах, набух, воспрянул Дон.
Водою вешней корни ивы нежит.
Со стрех разлит мелодии трезвон.

Его впитал влюбленно ухом чутким,
С улыбкой мудрою и прищуром в глазах
Виталий Александрович Закруткин,
Вдыхая степи солнечный размах.

Следя душевным потаённым взором
За нерасцветшим шелестом садов,
Он видел наши Семикаракоры...
Ну, скажем, матью придонских городов.

Тот взгляд мне ныне ближе и дороже,
А через годы возрастет в цене.
Пусть сын Донщины до мечты не дожил,
Ей жизнь вдохнуть судилось, видно, мне.

Жаль, что весна в проснувшемся раздолье
Его не встретит в этот звонкий час,
Все ж не тоскуйте, ветры, в чистом поле,
Он навсегда живой в сердцах у нас.

ДЕНЬ ВСТАЁТ МОЛОДОЙ

Утро, нежась в лучах, заискрилось в алмазах,
Что трепещут на листьях берез и дубов.
Легкий ветер шепнул тайну дивную сказок
И душа распахнулась..
— Что это?
— Любовь.

В этом чувстве святом —
беспредельность просторов,
Шелест трав на Задонье и голос реки.
В этом чувстве ажурные леса узоры
И пожатие дружеской крепкой руки.

Нет мне чувства дороже, чем гомон весенний
По оврагам вприпрыжку бегущих ручьев,
Или ив загрузивших прозрачные тени,
Стушевавшие блещущий глянец цветов.

Но в природе не жажду я только покоя,
Птичьих песен трезвона и запаха трав...
Все же пусть это скрыто за беглой строкою...
День встает молодой, чары прежних вобрав.

Утром множится звук, заискрились алмазы,
А не капельки дивной, прозрачной росы.
Солнце вспыхнуло вдруг, светом хлынуло разом,
Растопырив лучи, как колосья усы.

И ликует Земля, нет на сердце тревоги:
Мир звенящий, цветущий раздольно живет.
День спешит по проселкам, по бойкой дороге,
Лесом, полем... И к делу зовет.

ЛЮЦИФЕР ОКАЯННЫЙ

В ту далёкую зиму, накануне рождественских праздников, снегу намело — видимо-невидимо. У иных изб сугробы так подпирали дверь, что своими силами выбраться наружу — и думать нечего! Разве что на метле через дымоход. Но не всякий на это горазд. Пришлось уповать на помощь соседей-односельчан. И хорошо помню, помогали без всяких просьб. А освободившиеся из снежного плена на радостях подносили своим спасителям чарки прозрачной, как слеза, жидкости, провозглашали шуточные тосты, с прибавками опрокидывали содержимое и, ошпарив нутро ядрёным напитком, весело кричали и рукавом вытирали усы. Тут же сколачивались артели волонтеров, вооружались деревянными лопатами и разудалой ватагой с гиканьем и смехом шли от дома к дому по улицам села. Артель всё росла и росла. Казалось, что собирались не соседи и односельчане, а древняя ведическая община, единый род.

Когда же полонённых снежными завалами совсем не осталось, над стрехами изб взметнулась песня. Теперь я понимаю, то был апофеоз человеческого участия.

В те времена старики называли нас отроками. Мы, норовистые сморчки, не упускали случаев улизнуть из школы. И на почтительном расстоянии от взрослых весь день-деньской били баклуши. Такое невиданное обилие снега кружило голову. Мы скатали не менее дюжины снеговиков. Соорудили снежный бастион. Затем, вооружившись снежками, превратили его в руины. А когда крушить было уже нечего, начали перестрелку друг с другом. Однако больше всего в этой снежной потасовке досталось девчонкам, которые оказывали нам достойное сопротивление. Мне и теперь стыдно, что я одноклассницу Ирку довёл до слёз. Что со мной случилось, не знаю. Только весь «арсенал своих боеприпасов» я адресовал ей. А в один момент изловчился, уронил её в сугроб и натёр щёки снегом. Лицо её полыхало, как спелый арбуз. Ира смотрела из сугроба полными слёз глазами. У меня защемило сердце. Перехватило дыхание. И неожиданно для себя я словно ожёгся, поцеловал её в губы...

— Дурак... — тихо выдохнула девушка.

А мне почудилось, что её гневный голос громом прокатился по всей округе. Хотелось провалиться сквозь землю. Но этого не произошло. А неподалёку, как на грех, возникло свирепое лицо её матери. Женщина неистово размахивала руками и кричала:

— Ах ты, Люцифер окаянный! Вот я ужо тебе! Будешь знать, где раки зимуют!

Я улепётывал не оглядываясь, что было сил. Но обильный, ещё не улёгшийся снег под ногами будто проваливался, отчего я поминутно падал. Худые сапоги размякли и расползлись. Ноги промокли до костей и озябли. К счастью, мать была на службе.

Я разжёг дома печку, придвинул старую табуретку к духовке. Расселся, как кум королю и сват министру. Перед глазами поплыли обрывки дневных событий. Самым ярким пятном в памяти возникло полыхающее жаром лицо Ирины. И пунцовые, слегка припухшие губы. Это лицо вдруг расцвело улыбкой. И в то же мгновение тётка Дарья, её мать, замахнулась на меня огромным снежком. Но не зашибла. Видно, передумав, отбросила орудие возмездия в сторону и поманила пальцем:

— Иди, иди ко мне, сук-кин сын. Хочешь Ирку в жены — выучи мой устав. Я тёща — ух! — строгая... Перво-наперво, не стреляй воробьёв из рогатки, а то стёкла разобьёшь. Не лазь по крышам за голубями — без штанов останешься... Далее перечень пунктов продолжался. Завершали устав два главных момента. Один из них — «не целуй Ирку до свадьбы». И последний наиважнейший: «Каждый день моему любимому коту Лорду перед сном мой ноги с мылом. А сейчас мне своё прилежание и покажешь...».

Тут её голос стал звучать слабее и совсем затих. А передо мной возник Лорд величиной со льва. Я подставляю таз с водой, опасливо намазываю ему передние ноги от лап к туловищу. А он смотрит на меня глазами... Ирины и улыбается. О, боже! Что за превращения?.. Да это ж она и есть! Ирка! Красавица!

— Сынок! Сынок, — с трудом пробивается слово к моему сознанию, — что ж ты так уснул?

Я открываю тяжёлые веки — удвери моя мать обметает веником снег с валенок.

— Ну и заносы, — сокрушается она, — поезда останавливаются. А бабушка в церковь собралась. Рождество приближается.

ИСПУГ АТАМАНА УЗДЕЧКИНА

Шутка

На стыке двух эпох, — уходящей и новой, — когда особенно активно возрождалось казачество, в хуторах и станицах нередко можно было видеть молодых и пожилых людей в казачьей форме с шашками на боку.

Наш прошлый прагматичный администратор использовал эту силу для поддержания общественного порядка. Казаки патрулировали улицы. И время от времени забегали в своё правление «перекурить и погутарить». В такие минуты в здании под трепещущим на ветру трёхцветным казачьим флагом вставал дым коромыслом, неустанно звучал характерный говор, а от хохота поднималась крыша. Рассказчиков и рассказов «про жисть» было не счесть. Мне особенно запомнился один. Не вполне правдоподобный. Но я его услышал именно так из уст повествователя и одновременно самого «героя» сюжета — атамана Уздечкина. Вот как рассказывал он про себя и есаула Стременного:

— Дело было под пятницу... Это я к тому, что никаким календарным праздником и не пахло. Обыденно я был чуть-чуть на взводе. Заглянул к куму Стременному, уточняя потому, что у меня, когда я в тонусе, — каждый встречный — кум. Он в этот момент, будто колдовал, смотрел в донышко стакана и нос уже польхал пожаром. Мне тоже налил. Между двумя затычками «Примы», мы пропустили ещё по единой. До кондиции не дошли, а питьё кончилось. Двинули к другому куму. Он — хлебосол! Встретил нас как братьев... Распростёр руки по столу — чуб в тарелке плавает. Оживили его. Чокнулись пару раз. И снова питьё кончилось, а до кондиции не дошли, то есть, на ногах ещё держимся. Правда, как оказались на дороге, — убей! — не помню. Посмотрел ориентиры, курс — что надо! И ноги ещё двигаются, но слабо. Часто спотыкаются. Вот опять Стременной споткнулся, едва устоял.

— Ничего, — говорю, чтобы утешить друга, — конь на четырёх ногах и то даже трезвый спотыкается.

И тут меня осенило:

— Кум, — говорю Стременному, который маячил неподалёку, но уже по другому маршруту, — ты сбился с компаса... Давай мы сварганим кооператив.

— Как это? — полюбопытствовал он, мотнув головой.

— Это просто: я обниму за шею тебя, а ты обнимешь меня. Скооперируем силы. Получится что-то одно большое и на четырёх ногах. Меньше спотыкаться будем.

Кум уже ленился говорить. Молча стал поднимать руку, но не хватило ресурса, чтобы достать до моего плеча. Хотя мы ростом одинаковы. Только с третьей попытки это ему удалось. И кооператив мы, наконец, создали.

Тем временем подрулили к моему дому. Вспомнил тут я, а может, и не забывал, что в подвале у меня — «есть»! Говорю куму, мол, идём на снижение. Широко раскрой рот, чтобы уши не заложило, и держись за стеночку. Словом, уподвалились мы в глухую тьму. Но благополучно. Выключатель не работал. Я сильнее ввернул лампочку. При включившемся свете обнаружил желанный баллон. И мы по очереди стали прикладываться к нему, чтобы дойти до кондиции. Вдруг кум вспомнил установку супруги, сказанную на все времена, что нужно быть дисциплинированным мужем. И по-пластунски заспешил домой. Я представил, как обрадуется его жена, что он не забывает её священные заповеди. И про свою

вспомнил. Лежит она — одна-одинёшенька в холодной постели, как казанская сирота, на втором этаже и сочиняет мне смертный приговор...

«Нет! Я хочу жить! Не пойду домой».

Выкрутил лампочку. Свет погас. Я прилёт, где сидел. И мир перестал существовать. Но как я свалился в яму... продолжая спать — ума не приложу!.. Через время открыл глаза — темно!.. Пошевелил руками — тесно!.. Начал подниматься — бум башкой о доску. Дерево!.. Думаю — «крышка!»

«Господи, да я же в гробу лежу! Вот суки! Заживо похоронили!.. Но когда!?»

Тут меня в жар как кинет, да так, что вмиг протрезвел! А смертный страх сковал тело. Не знаю, как долго соображение ясности добивалось, но понял-таки, что не в могиле лежу, а в пустой яме для картохи, под полками для банок с консервированными овощами. «Значить, попрыгаем ещё по Земле!» — воспрянула слабая мысль. С горем пополам выбрался наверх, а дрожь телесную унять не могу. Ощущение такое, будто побывал в могиле! Неделю не проходило! С тех пор как отрезало — зарёкся пить «горькую»!.. Не дай бог никому пережить то, что я пережил!

Николай ТИМОХИН

Закончил филологический факультет Семипалатинского пединститута. Работал учителем русского языка и литературы в школе, а также воспитателем в других учебных учреждениях города.

Член Союза писателей России, член Международного союза писателей «Новый современник», член Всемирной корпорации писателей, председатель казахстанского отделения Всемирной корпорации писателей. Автор десяти книг стихов и прозы, изданных в Казахстане, России и Канаде.

Зам. главного редактора по международным литературным связям журнала «Северо-Муйские огни» (Бурятия). Член редколлегии журнала «Огни над Бией» (г. Бийск). Член литературно-художественного совета журнала «Метаморфозы» (г. Гомель, Беларусь). Один из составителей первого номера журнала «Литкухня» (Берлин, Германия, 2013). Официальный представитель в Интернете российского поэта-песенника Михаила Андреева. Администратор бесплатной электронной библиотеки Шедар Кассиопеи. Региональный представитель в Казахстане журналов «Мир животных», «Эколог и Я» и «Метаморфозы». Лауреат журнала «Огни над Бией» (г. Бийск, Россия, 2013).

Родился и проживает в Казахстане (г. Семипалатинск).

* * *

Приснилась снова школьная пора
И галстук пионерский на груди,
Когда поспать хотелось по утрам,
Чтоб в школу опоздать и не пойти.

Но предо мною множество дорог
Открыто было, по которым я
Спешил потом, как прежде на урок,
Познать хотел все, что влекло меня.

Ведь интересно, сколько солнцу лет
И застывает почему вода?...
Считал, беды страшнее в жизни нет,
Чем двойка в дневнике моем. Всегда

Я буду это время вспоминать
И галстук пионерский на груди.
Дороги часто снятся мне опять,
Те, по которым не успел пройти.

* * *

Хочу быть снова молодым,
На улице резвиться,
Не представлять себя седым,
Во снах летать, как птица.

Со спичками играть тайком,
Считать, что в сорок лет
Уж точно стану стариком
И с палочкою. Нет,

Об этом думать не хотелось,
Ведь была жизнь ключом.
И в мыслях проявлялась смелость,
Все было нипочем.

Промчались детство, словно миг,
И юности года.
А то, чего я не достиг,
Не будет никогда...

* * *

Взглянуть на мир совсем иначе
Мне очень хочется порой,
Узнать, где прячется удача
И встретится ль она со мной.

Мне б разгадать его секреты,
Узнать все тайны бытия,
Услышать от друзей советы,
Как жизнь свою начать с нуля.

Ведь задержаться на мгновенье,
Чтоб посмотреть вокруг себя,

Нет времени. И к сожаленью,
Проходит так вся жизнь моя.

Взглянуть на мир совсем иначе
Полезно всем нам иногда.
Порой мы в гонке за удачей
Теряем лучшие года.

* * *

«Сынок, иди скорей домой!» —
Мне мама из окна кричала.
Далекий голос и родной —
Души поющее начало.

Порой хочу все повторить —
Как бегал в школу, в институт.
Ведёт меня в былое нить,
Лишь сердце остаётся тут.

Уносят вдаль меня года,
Как будто кони в колеснице.
И нет возврата никогда
Поре, которая мне снится.

И часто утром сам не свой
Я слышу вновь из детства крик:
«Сынок, иди скорей домой!»
И снова длится счастья миг..

* * *

Все чаще я скучаю по России,
Особенно, когда по вечерам
Меня невольно оставляют силы
И незаметно предаюсь я снам.

И вот тогда вновь вижу пред собою
Леса густые, необъятные поля,
Деревни, города. Своей судьбою
Доволен в целом, только знаю я,

Что наяву, возможно, никогда
Не ощутить мне русские просторы.
Граница разделила навсегда
Меня с Россией. Вопреки всем спорам

О том, что станет с Русью через пять,
А может, даже через двадцать лет,
С уверенностью я могу сказать:
«Все вынесет она». Идя вослед

Своей мечте вновь повидать Россию,
Скучаю я по ней по вечерам.
Когда с закатом оставляют силы,
Когда не тороплюсь предаться снам.

ЭКЗАМЕНОВ НЕЛЕГКАЯ ПОРА

(Рассказ)

Я с раннего детства имел непреодолимую тягу, к литературе. Постоянно что-то записывал, сочинял и, конечно же, много читал. А закончив восьмилетку, твердо решил поступить в местный пединститут на филологическое отделение.

И это желание стало моей мечтой. Наверное, она никогда бы не воплотилась в реальность, если бы не удачное стечение обстоятельств, которое можно с уверенностью назвать судьбой.

После школы я поступил учиться в училище. А в то советское время сплошь и рядом открывались «школы рабочей молодежи». Где ученикам, после их трудового дня, усиленно и целенаправленно давалось среднее образование. И происходило все это именно так, как показано в известном фильме «Большая перемена». Кстати, в нем один из героев, Пьер, участник «аттракциона неслыханной жадности», которого играл С. Крамаров, носил фамилию Тимохин.

И вот примерно в такой школе, после основных занятий в училище, я и учился. Надо сказать, что вся эта затея мне тогда нравилась. А учителя нам говорили: «Те из вас, кто не будет пропускать занятия, получают аттестаты зрелости с хорошими отметками». То есть посещаемость в вечерней школе, как она называлась «в народе», была главной!

И я старался занятия не пропускать. А по окончании всего курса обучения получил обещанный учителями аттестат с одной лишь «тройкой» — по «астрономии». Помню, как я тогда сильно расстроился. Ведь я этот предмет совсем не изучал. А за что тройка?

За несколько месяцев до службы в армии я посещал подготовительные курсы для поступления в пединститут. От них у меня мало что осталось в памяти.

А когда, отслужив положенные два года, я пришел в приемную комиссию, у меня на руках был аттестат о среднем образовании с высоким проходным баллом, играющим существенную роль при конкурсном отборе в институт.

Кроме того, положительным фактором служило и то, что я парень. А в пединститут, да еще и на филфак, мужчин принимали с радостью. К тому же я только что демобилизовался из рядов СА. А тогда отслужившим юношам были открыты двери во многие учебные заведения, куда можно было поступить на льготных условиях. И, вдобавок ко всему, я был кандидатом в члены КПСС.

Одним словом, я был абсолютно уверен, что поступлю в пединститут, и не обременял себя подготовкой к вступительным экзаменам. Хотя ею и должны заниматься все нормальные абитуриенты.

Конкурс в то время был два человека на место. И чем меньше оставалось времени до начала экзаменов, тем больше я задавался мыслями о том, как же я буду состязаться знаниями с теми, кто недавно окончил школу? К тому же я поступал на заочное обучение. И часть абитуриентов уже работала в школах, например, в сельских. Короче говоря, их уровень подготовки, скорее всего, был лучше моего.

Первым экзаменом было, конечно же, сочинение. И основной «отсев» должен был произойти после него. Это я понимал, слава богу. И, заняв свое место в аудитории, сразу же для себя решил — писать короткие, нераспространенные предложения. Использовать по возможности простые слова. Мысли излагать коротко и ясно. А главное, взять «свободную» тему, если она будет!

Ею оказалась примерно такая тема: «Как Вам представляются уроки русского языка в недалеком будущем? В чем их отличительные особенности от учебного процесса наших дней?» Ну, фантастикой в то время увлекались многие. И я не исключение — читал книги и любил фильмы на эту тему. Одним словом, сочинение написал. А часть из тех, кто выбрали другие темы — «отсеялись».

Но тому, что «первый блин» для меня не оказался «комом», я сильно не радовался.

Лишь тогда я прочувствовал по-настоящему, что поступаю в институт и то, что могу «провалить» второй и самый главный экзамен «Русский язык и литература. Устно».

За длинным столом в большой аудитории строго восседали два преподавателя по русскому языку и совсем еще молодая, очень симпатичная экзаменатор по литературе. Я взял сразу два билета по разным предметам. И сел готовиться. Наверное, к тому, что осенью и зимой мне придется снова походить на подготовительные курсы, а на следующий год, если все будет хорошо, попытаться поступать в институт.

– Молодой человек, вы готовы? – вскоре услышал я от преподавателя по литературе.

– Да, да, сейчас. Еще немного...

Если в билете по русскому языку я и находил что-то мне знакомое, то с литературой, я понял, у меня будет провал!

В вечерней школе я, естественно, получил только отдаленное представление о таких книгах, как «Тихий Дон», «Война и мир», «Братья Карамазовы» и т.д.

Что-то написав на двух листах, для каждого предмета в отдельности, я выждал момент, когда место у экзаменаторов русского языка освободится, и сел перед ними.

О результатах моего скудного ответа они мне сразу ничего не сказали. И я передвинулся к преподавателю литературы. Она, опустив голову, очень внимательно слушала мою речь. А потом тихо сказала:

– Молодой человек, у вас по моему предмету – но-о-оль! – и помолчав, добавила: – Я не знаю, что делать...

Но, тем не менее, она, чуть пододвинувшись к рядом сидящей коллеге, спросила:

– Как у вас Тимохин ответил?

Женщина слегка стушеввалась:

– А в чем дело?

– По литературе у него будет «двойка»! Мне надо знать, что он у вас получит.

Экзаменаторы спешно стали просматривать бумажку с моей писаниной.

— Если и у вас он ответил плохо, — чуть слышно продолжала литераторша, — то он сейчас же покинет аудиторию.

Достойны ли были мои знания отметки «три» или у русоведов на этот счет были какие-то свои мысли, но они дали своей коллеге положительный для меня ответ.

Тогда моя экзаменатор, опустив глаза в стол и прикрыв их ладонью так, словно ей мешал яркий свет, опять же тихо произнесла, только обращаясь уже ко мне:

— Пишите то, что я Вам сейчас продиктую...

— Что? — не сообразил я.

— Молодой человек, вы что, не понимаете? У вас по литературе будет «двойка»... Записывайте все, что я вам продиктую...

За моей спиной в аудитории сидело еще несколько человек. А я, спешно и плохо соображая, поразборчивее писал...

Результаты экзамена стали известны только на следующий день. И, как и подобает в таких случаях, после них еще несколько абитуриентов «отсеялось».

Последним моим испытанием стала философия. На неё, после всего ранее происшедшего, мне можно было точно не ходить.

Чуть больше месяца прошло с моего «дембеля». Конечно, я, прежде всего, морально не был готов к поступлению в институт. Моя служба проходила в новосибирском лесу, на командном пункте, под землей. На глубине метров десяти. Бывали случаи, когда я на свежий воздух не выходил неделями. Ел и спал на боевом посту. И, вернувшись в родные пенаты, в свой город, я естественно, как «с луны свалился». Цивилизация, город, люди!

Зайдя вместе с остальными будущими студентами в небольшую аудиторию, я положил на стол перед преподавателем свой экзаменационный лист. С портретов на стене, без особой радости, на меня смотрели Гегель и Кант. Билет я пока брать не спешил.

— А вы что, у нас солдат? — неожиданно раздался у меня за спиной голос экзаменатора.

— Да, я недавно уволился из армии.

— Вот оно как? И где же вы служили? — спросил мужчина, пока я садился за свободный стол недалеко от него.

— В Новосибе, в ЗРВ, в ПВО. Планшетистом.

Не знаю, понял ли экзаменатор мой ответ, но далее он торжественно сказал:

— Так вы любите русский язык и хотите стать учителем?

И, получив от меня утвердительный ответ, добавил то, что могли услышать все присутствующие:

— Тогда вам нет смысла беспокоиться. Мой предмет вы сдадите. Точно.

Может быть, экзаменаторы и должны заранее настраивать абитуриентов на хороший лад и такие слова они говорят всем, но для меня они прозвучали, как выстрел в ночи!

Теперь уже Гегель и Кант со своих портретов смотрели на меня, как на доброго знакомого. И казалось, что они были рады за меня.

Взяв билет, я что-то возбужденно, но уверенно рассказывал преподавателю. Он в ответ кивал и комментировал мои слова. Со стороны все это больше походило на доверительную беседу, а не на сдачу экзамена по философии.

Свою вторую четверку за экзамены, как и было мне обещано, я получил. А две тройки за памятную сдачу русского языка и литературы плюс высокий проходной балл в аттестате зрелости от вечерней школы сделали свое доброе дело, выдав мне «путевку в жизнь». Так я стал студентом семипалатинского пединститута по специальности «учитель русского языка и литературы».

Много с тех пор «воды утекло». На протяжении ряда лет я работал в различных учебных заведениях. И благодарен судьбе за то, что когда я поступал в институт, она была столь благосклонна ко мне. И, конечно же, никогда не забуду бескорыстную доброту экзаменаторов, чьи имена в моей памяти, к сожалению, не сохранились...

Янина ЧЕВЕЛЯ

Янина Чевеля родилась в Ростове-на-Дону в 1975 г. Окончила факультет филологии и журналистики РГУ, практикующий журналист и редактор. Член Союза журналистов России.

В свои не юные, по всем меркам, годы продолжает верить в чудо и писать небольшие вещицы в жанре хоррор и фэнтези.

РАДУГА

Синий север. А в небе — большая
Цветная лайка,
Лихо машет хвостом — он из радуг — от края до края.
Здесь священно тепло и украдкой не верят в Ямайку —
Ну какие парео, коль вьюга до самого мая?...
Юг оранжев, здесь мамы заводят
На сон грядущий
Разбитную легенду про снег — вы подумайте только!
Чтоб замерзла вода, этот вот океан вездесущий,
Сколько холода нужно, так страшно подсчитывать —
сколько.
Снова наледь под ноги — весна ли?
Не то промахнулись?
Бубенцом, леденцом под стопой, заметались, устали.
Календарным посулом в разметке искрящихся улиц
Март лежит в ползунках из чахоточно-белой эмали.

* * *

Оттенки серого, зарок, и год за два.
Ну где ж дождя желанный робкий стрекот?
В старинных атласах намечены едва,
Бегут к прибою с плачем дети-реки.
В ногах кровати ропщут чудеса,
Которые не здесь, не вмиг, не с нами,

Над замками — ремонтные леса
И слезы утирают парусами.
Я все-таки приду на острова,
На мель, под блеск имен, и гроз, и сабель
Поплачем вместе, благо — синева
Для всех. А я — недопридуманный корабль.

* * *

Нефрит прибрежных волн
Не заключить в кольцо.
Глазные яблоки, надкусанные болью,
Все смотрят в синь, как в древнее лицо
Со ртом, обметанным канатами и солью.
И где-то блеют в сотворенное окно
Барашки с нив предвечного пространства,
Сторон у света больше четырех,
На сердце, как на полке, карты странствий.
Пушкой все так: виденья до крови
И шалой чайки росчерки над сушей,
Ведь где-то твердь с прибором виз-а-ви,
И дом, где хоть наездами, но нужен.

* * *

Мятный гомон теней,
Карнавал разухабистой плоти.
Дисциплина души
И дрожащие сладкие вербы.
Млечный Путь в сентябре —
След брезгливой усмешки из сотен
Неучтенных огней
Над седой основательной твердью.

Я устал, но смогу
Встретить холод привычным оскалом:
Проржавевшая шкура
Исчеркана рунами шрамов.
Я, конечно, смогу.. Ведь и в небо,
Без крови и смерти,
Но с начала времен
С настоящим вонзаются скалы.

* * *

Ты прочти мою дерзость, боярыня ночь.
Я, конечно, холоп. Но живу без поклона.
Госпожа моих рук, мне, конечно, невмочь
Не войти в твое вечное черное лоно.

Я решился. Решил предпоследнюю даль,
Воспалённый вопрос. Я взломал теорему.
Я умею быть столь же безмолвен, как сталь...
Облака с твоих пальцев — пирожные с кремом.

Я наелся луны
По пеньковую метку.
Из сети координат —
Будто рыба из сетки.

* * *

Острый ветер с реки,
Огрубевший мозолистый берег.
Несомненная осень
Пьет отвар из отжившей листвы.
Охромевшие баржи —
Как упрямые старые лоси.
Бреют воду до дна,
До оскомины, до синевы.

Переходим на шаг
С развеселого пляжного бега.
Несказанное слово
Бьет в живое почище клинка.
Несомненная осень
Возвращается снова и снова.
Это время войны.
Кто придумал, что ноша легка?

* * *

Пересмотреть все чудеса
За стареньким окном.
Над каплей меда спит оса.
Почти любимый дом.

Там где-то кто-то ест акул,
Охотится на лис,
Бредет усталый, словно мул,
Выращивает рис,

Взьерошенных вулканов гул
Вкушает на обед,
Преграды слухов, скал и скул
Ломает, как запрет.

А здесь синица-золотник,
Хоть плохонький, да свой.
Пустой диван. Курганы книг.
И я. Почти живой.

* * *

Я подарю тебе колибри.
Курьера
Между городом и духом,
Меж запахом травы и домофоном,
Меж млеком в небесах
И телефоном
Последней марки. Я...
Я подарю тебе колибри,
Что близок к румпельштицхенам и феям,
К оседлым домовым,
К незримым дамам
Из свиты позабытых королей.
Я вправду подарю тебе колибри.
Он слаб, ему до бога не подняться,
Но клевер с пятизвездочным соццветьем
Он счастлив указать —
Почти на счастье —
И привести к дыре в гнилом заборе
Меж истиной и офисным обедом,
Меж бухгалтерией
И выстраданной страстью.
Я... завтра подарю тебе колибри.

ВЫПУСКНИК

Тетя Сивилла держала платок прижатым к нижней челюсти, как человек, страдающий зубной болью. Покрасневшие глаза, впрочем, были полны обычного язвенного любопытства. За любовь к дурным слухам и плохим предсказаниям, собственно, она и получила прозвище, будучи в миру банальной Елизаветой Федоровной.

— Шо ж вы такой к Устюм купили ему? Синий! — буровила тетка. — Черный надо ж. Все так делают.

Мнущийся от неловкости дядя Дима, которого угораздило родиться племянником Сивиллы, вяло отмахивался:

— Вы же знаете, чёрные вещи никогда ему не нравились. Не тот это случай, когда давить принципы же надо.

Тетя Сивилла скорбно поджимала губы чуть не до десен.

На кухне Павел без спросу открыл одну из заготовленных для застолья бутылок водки и приканчивал вторую стопку. Взгляд у него был тяжелым, как серьезный разговор. Валентина тихо хлопотала у плиты, не говоря ни слова. В конце концов, кому корвалол, кому водка, каждый врачуется, как умеет.

— Помнишь, какое приданое за тебя дали? — спросил вдруг Павел ни с того ни с сего, стирая со стола капли случайной воды пальцами.

Валентина бросила в него горстку сероглазой печали.

— Помню. Чемодан полотенец.

— Отец твой так возражал, чтобы мы... Ну, думал, я не смогу быть тебе мужем. Отцом детей.

Валентина вздохнула, захлебнувшись.

— Зачем ты сейчас об этом?

Павел пригладил седой ежик на голове и устало вздохнул:

— Мы ведь старые почти стали, Валя...

Валентина отставила изюм в сторону, подошла к мужу и неожиданно нежно, как в старые времена, прижала его голову к своему мягкому, застланному фартуком животу.

— Не надо сейчас, Паш... Пожалуйста, не об этом.

Тот кивнул. В стопке оставалось еще на глоток.

Пахло бульоном. Куриным.

— А кто останется ждать, когда мы все вернемся? — с притворной деловитостью спросил Павел, которому вовсе не хотелось и самому дальше думать об упрямом времени.

— Танюша. — Откликнулась жена, вернувшись к замачиванию изюма. — Куда ей с её пузом на такие мероприятия все равно?

— Танюша. Это хорошо. — Урюмо согласился Павел. Невестку он на самом деле любил и одобрял. Настроение просто не очень.

...В спальне внук Павла и Вали Санёк-Горбунок (так его папа прозвал за дурную привычку сутулиться) рисовал робота. Робот хотел быть черным и с красными глазами. Горбунок не хотел черного и с красными глазами, потому что боялся, что будет потом его бояться. Но робот хотел. Сенек смутно ощущал, что что-то идет непривычно и чувствовал себя неудобно. Взрослые всегда говорили колючую, как каштан, фразу «Вырастешь — поймешь». Санек считал, что фраза пустая, потому что, раз живешь — уже надо понимать, получается, пока не взрослый — и не живешь? В смысле, он не смог бы облечь свои мысли в словесные доспехи, но переживал именно это. Хотя и был слишком мал, чтобы понять собственные интуитивные выводы.

— Машина приехала! — крикнул дядя Дима, куривший в этот момент на балконе. — Собираемся

«Правду говорят — восковой» — рвано размышлял Павел, подпирая угол гроба плечом. Тесть, Петр Михайлович, умер мирно, Павел и раньше видел мертвецов, но пот почти детского ужаса заливал ему глаза. Он видел оболочку без того, что ее оживляло, и оболочка походила на фигуру в музее Тюссо. Это давало слабую надежду — значит, душа была. Побыла и не стала дальше быть здесь. «Душа в тесте», — вдруг подумал Павел и почти улыбнулся, вовремя сжав губы. Толчками тупого ножа в ребро отзывался Валин плач. У Павла мелькнуло, что надо будет потом когда-то про душу ей рассказать. Не «в тесте», упаси Бог, а про то, что была, раз воск...

Жена шла позади, притворное ее спокойствие дало трещину. Сейчас она провожала отца не только образно, но и физически: гроб вынесли из квартиры и под жадные взгляды любопытных соседей водрузили в катафалк. Выставлять на табуреточки во дворе для прощания не стали — Петр Михайлович со всеми ладил и здоровался, но друзей среди подъездного окружения у него не было.

— Вы подбородок подтянули? — засуетилась, протискиваясь в салон, тетя Сивилла. — Не дай Бог рот откроется, ужОс будет!

Нокаутирующие взгляды и всплеск рыданий Валентины, впрочем, смутили, тетку. Сжав в кулачке смятый до размеров двухдневного птенца платочек, Елизавета Федоровна устала в пол.

Двери катафалка закрылись с бытовым скрипом городского автобуса.

На кладбище выпускника уже ждала открытая до чернозема дверь.

ЗВЕРЬ

Мира выбежала из душевной кухни и сорвала с головы платок. Это было как снег после адского котла.

Последняя в этом году банка черешневого варенья была закатана. Так происходило каждое лето. Мира варила варенье, десятки, если не сотни сосудов со сладостью заселяли кладовые. Ее лето делилось на Недели: Неделя яблок, Неделя алычи, Неделя кизила, Неделя крыжовника... Ей самой столько варенья было не съесть и за пять лет, но осенью и зимой в городке охотно покупали эти шедевры Мириного таланта. Каждый зарабатывает на жизнь, как может.

Мира жила одна давным-давно, с тех пор, как восемнадцать лет назад не стало родителей. Они умерли в один день — лодка перевернулась на середине реки, и течение забрало их с собой к морю. В городке Миру считали неудачницей с причудами. Замуж ее не звали никогда, другом ей стать тоже никто не решался. Так и жила она в доме, оставшемся от родителей, с кошкой Тыквой, псом Смутьяном, огнем в очаге и хрупкими ночными шорохами. Впрочем, одиночество не терзало ее — просто сопровождало, как запах духов. В небесах, на земле, в лесу, на заброшенных лугах находила она достаточно пищи для души.

Вот и сейчас, когда женщина переводила дыхание на крыльце, небо подало ей поре из отборных облаков. Облака горбились румяными холмиками, будто сделанными для красоты большой ложкой. Мира упивалась ими, когда хлопнула калитка. Взлаял Смутьян, женщина вздрогнула. У нее очень редко бывали посетители. Разве какая хозяйка заглянула за вареньем для праздничного стола?..

Во дворе стоял мужчина, незнакомец. Мира оробела. Гость и сам смотрел на нее смущенно. В руке он держал небольшой чемодан, по виду не очень тяжелый.

— Простите, что так ворвался... — произнес он. Голос у него был звучный, но не резкий.

— Смутьян, отойди! — прикрикнула Мира. — Вы пришли купить варенье?

— Варенье? — удивился незнакомец. — А... Нет... Видите ли, в городке мне сказали, что у вас большой дом, и я пришел спросить... видите ли, я хотел бы снять комнату. Я хорошо заплачу.

— Но в городе ведь есть гостиница, — растерянно сказала она, спускаясь с крыльца к гостю. Он замялся.

— Я заходил туда. И еще спрашивал, никто не сдает ли комнат частным путем, но... Скажу честно, у меня нет документов. Я их потерял. А жители вашего городка не слишком доверчивы.

— Это не мой городок, — откликнулась Мира, рассматривая незнакомца с простодушием небалованного ребенка. У гостя было приятное лицо, слегка сутулая спина и спокойные глаза человека, которому на роду написано умереть во сне. Волосы пришельца имели странный цвет, почти белый — не седой, а как шерсть у зимнего песка. В сочетании с темными бровями и ресницами это впечатляло.

— Заходите, — Мира кивком пригласила гостя следовать за ней. — У меня есть хорошая комната на втором этаже. Есть еще флигель, но он не такой удобный. Я иногда ночью там, когда в доме мне становится скучно.

— Флигель мне бы подошел, — сказал мужчина. — Меня зовут Лель.

— Как? — Мира приостановилась.

— Лель. А что? Разве плохое имя?

— Нет, хорошее. Просто неожиданное.

Постоялец мягко усмехнулся.

— Я привык.

Мира показала ему флигель. Гость остался доволен. Они поговорили о цене, в которую входили также завтраки, обеды и ужины.

...Тем вечером Мира впервые за много лет села за стол не одна.

— Вас не стеснит мое присутствие? — Спросил Лель. — Если хотите, я буду есть раньше или позже, чем вы, сам.

— А чем вы меня стесните? — ответила она вопросом на вопрос. — Только не давайте Смутьяну куриных костей, собакам нельзя. А он обязательно будет выпрашивать. Вы ему нравитесь.

— Он мне тоже, — засмеялся постоялец.

Смутьян, услышав, что о нем говорят, выбил чечетку по полу длинным твердым хвостом.

— И мне нравится, как вы готовите, — продолжил Лель, оценив курицу с черносливом.

— Да, это я умею. Это приносит мне деньги.

* * *

Караваном шли дни. Жизнь Миры почти не изменилась. Днем Лель спал в своем флигеле, читал книги (они да смена одежды — это все, что было в его чемоданчике), вечером иногда сидел с Миррой на скамье за домом. С этой стороны двора забор был низким,

и открывался золотистый вид на заросшую долину. Лель никогда не донимал хозяйку дома разговорами, если ей этого не хотелось, и не отказывался смотреть на ворон, которые черной лентой поднимались вечерами над городом, чтобы перетечь в рошу на ночлег.

— Вы удивительный человек, — сказал он ей однажды. — Впервые встречаю такого человека.

— Почему? — подняла она брови.

— Вы меня ни о чем не спрашиваете. Обычные люди любопытны.

— А зачем? Я знаю, что сейчас вы живете в моем флигеле. Знаю, каким именем окликнуть вас, чтобы позвать к обеду. Знаю, что вы ненавидите красный перец. Кроме того, вы и сами не задаете вопросов.

Лель посмотрел на нее медленным легким взглядом, облизнул губы. Она давно заметила, какой у него странный язык — узкий, острый и бледный, словно изделие из слоновой кости.

— Я вижу, у вас проржавели петли на двери сарая. Хотите, я заменю? — спросил он.

— Хочу. Самой мне не справиться.

Внезапно Лель склонился и поцеловал ее в губы. Мира поднесла пальцы ко рту, да так и застыла, глядя на него разverzнувшимися глазами.

— Извиняться не буду, — произнес он обыденно. — И ссылаться на внезапный порыв тоже.

Мира встала и ушла в дом.

* * *

Август уступил леса художнику-сентябрю. Как-то ночью Миру разбудило повизгивание пса, обычно спавшего под хозяйкиной кроватью. Смутьян скулил, поставив лапы на подоконник и тычась носом в стекло. Женщина встала, выглянула, ничего особого не увидела и начала успокаивать собаку. Животное не унималось, глядело недоумевающими янтарными глазами.

Мира накинула на плечи одеяло, вышла. Над головой во всем своем торжестве дрожал Млечный путь. Она подергала калитку — заперто. Прошла по двору.. Все было как обычно. Только возвращаясь, она заметила, что дверь во флигель не закрыта. Обеспокоенная, Мира постучалась и, наслушавшись тишины, позволила себе войти. Комната была пуста, постель смята. На стуле лежали рубашка и брюки Леля. На полу вразнобой — ботинки.

— Не мог же он уйти голым...

Она вернулась во двор, напрасно позвала постояльца, направилась вокруг дома к своей скамейке — там никого не было.

Млечный Путь щедро изливал свое молоко на долину. В траве что-то двигалось. Приглядевшись, Мира оцепенела. По сентябрьскому разнотравью долгими, как в невесомости, скачками, мчалось какое-то существо. В свете звезд оно казалось кристально-белым. Гибкое, мощное тело не принадлежало ни одному из известных женщине животных. Она возвратилась в спальню и заперла за собой дверь.

* * *

Следующим утром за завтраком, после некоторых раздумий, она сообщила Лелю:

— Я что-то видела этой ночью. Кого-то там, в долине, — Мира махнула рукой за окно. — Это были вы?

Лель медленно отложил вилку и уставился в стол. Женщина продолжала есть. Так прошла минута, две, три, неделя, век. Потом Лель ответил:

— Я.

Она удовлетворенно кивнула:

— Красивый зверь.

Постоялец глядел на нее во все глаза, словно не веря. Мира продолжила:

— У нас в городке много охотников. Зверя могут подстрелить. Или поймать. Продать ученым. Могут еще отдать в балаган...

Лель тихо спросил:

— А тебе было бы жаль?

Она поднялась, убрала свою тарелку. Указала на его недоенный завтрак, он покачал головой, и она выложила остатки в собачью миску. Подошла к Лелю и прошептала:

— Жаль. Красивый зверь. Красивый человек. Сделай то, что ты сделал тогда?

— Когда тогда?

— Тогда, на скамейке.

Лель усадил ее к себе на колени и поцеловал. Потом снова. И еще. И еще. И еще.

* * *

Постель они делили днем. Ночью Лель удалялся во флигель, чтобы не нарушить таинства превращения. Мира не проявляла излишнего любопытства. Она часто вспоминала сказки, в которых принцессы теряли своих прекрасных принцев, выпытывая их тайны. Ей было хорошо и без тайн.

По прошествии некоторого времени Лель сам попросил ее подождать во дворе и вышел к ней зверем. Морда зверя напоминала волчью, но при этом у него было длинное, как у крупных кошек, туловище, закругленные уши и пятипалые лапы, похожие на лапы капуцина. Мира опустила на корточки, посмотрела зверю в глаза и запустила руки в пышную белую шерсть. Он облизал ей лицо своим острым языком. Тем самым, что сладко проникал в ее плоть в сухом полумраке спальни, разукрашивая душу, вылизывая сердце. Потом Лель мощным прыжком преодолел забор и понесся к лесу. На пожухлой уже траве он выглядел светлым сполохом.

На другое утро Мира спросила:

— Как ты называешься?

— Гиар.

— А если я... Если у меня будет ребенок, он тоже...

Лель отрицательно покачал головой:

— Ты не сможешь. Только такая, как я, сможет.

— А есть и другие?

— Мало.

— Жаль.

— Жаль...

* * *

Зима легла на мир, как бремя на плечи. Мех Леля ночами брался со снегом в сиянии вставшего во весь рост Ориона. Тепло очага, запах сдобы, сопение пса, охраняющего дверь... Они были спокойны и счастливы.

Ближе к Рождеству к Мире вереницей пошли покупатели, да и сама она иногда ходила в город с товаром, погрузив упакованные в мягкое банки на сани. В городке о ней — о них — судачили. Но Миру никогда не волновали острые языки... за исключением языка существа, которое она считала своим супругом. Раньше люди говорили: старая дева. Теперь: жена немужня. Бог с ними...

На Рождество Мира подарила Лелю рубашку и белого плюшевого мишку, чем-то напоминавшего его ночное обличье.

Грянули крещенские морозы.

В один из трескучих нелюдимых дней Мира поднялась за-светло. Ей вздумалось сходить пораньше в город в лавку. Можно было бы пойти днем, но небо намекало на вьюгу, а ей нужен был кухонный нож взамен сломанного вчера. Она оделась, позвала Смутьяна, написала записку. Леля во флигеле еще не было, хотя восток откровенно светлел. В последнее время зверь часто гулял до рассвета, который наступал теперь поздно и медленно. Положив листок на кровать, Мира отправилась в путь. Хотя это сказано слишком торжественно для прогулки в город. Она шла, вслушиваясь в песнь снега под сапогами. Незримые эльфы покалывали щеки крошечными иголочками, но, скорее, играючи. Пес носился вокруг, зарываясь мордой в снег, пока не превращался в ползущий сугроб с собачьим хвостом. Мира смеялась.

...Город почти проснулся и выглядел хмурым спросонья. Снег таял на дорогах под колесами, небо, отражая искусственный свет, походило на кухонную тряпку.

В лавке стояло тепло. Мира поздоровалась, занялась выбором товара. Немногочисленные покупатели отсалютовали ей многозначительно поднятыми бровями. Как обычно. Двое мужчин громко переговаривались между собой.

— Слышишь, — рассказывал один, — сегодня адвокатов сын ночью на дороге в какую-то историю влип.

— Ага, знаю, — отвечал другой. — Да ничего такого, мне Лиза говорила уже с утра. Зверя какого-то странного он сшиб. У моста. У нас, вроде, раньше таких не водилось. Белый, говорит, огромный. Вроде как тигр, только не тигр.

Мира закричала. У кого-то выпала из рук купленная лопата. Все уставились на разом побледневшую женщину.

— Где? Где зверь? — просипела она.

Изумленно тарашась, рассказчик пояснил:

— Да оттащил он его в кювет. Хотел сначала в машину взять, тварь-то непонятная, хоть узнать, что это. Да большой зверь сильно. Там и бросил, собирается на грузовичке поехать.

Мира выбежала вон. Дорога домой ей не запомнилась. Осталось в памяти только дыхание пса, несущегося следом, да острые слезы на озябшем лице.

...Во флигеле по-прежнему было пусто. Записка лежала там, где она ее оставила. Путаясь в полах шубы, Мира побрела по глубокому снегу, по долине, к мосту. Следы Леля четко проступали

на белом. Женщина задыхалась от усталости и плакала от невозможности бежать. На накатанной дороге бежать стало можно. Падая, поднимаясь, рыдая, Мира оглядывала обочины. Казалось, снег таял под ее обезумевшим взглядом. Недалеко от моста в кювете было взрыхлено и скомкано. Повсюду зияли пятна крови. Кинувшись туда, Мира стала копать, как собака. Тела не было. У нее мелькнула мысль, что раненый Лель мог куда-то отползти. Она осмотрелась. К лесу вела колея следов. От невероятного облегчения Мира упала ничком с криком:

— Живой! Лель! Ле-е-ель!

Следы вились неровно, зверь явно шатался. Глубокие выволочки, кровь — все это значило, что он всерьез покалечен. Не отрывая взгляда от земли, Мира углубилась в лес, — след вел в самую чащу. На прогалине, где летом росли толстые боровики, он обрывался. Просто обрывался. Ничего. Белая пустота повсюду, будто зверь одним скачком вспрыгнул на небо.

Мира подняла лицо к облакам, и лес содрогнулся от отравленного горем вопля:

— Ле-е-е-е-ль!!!

* * *

Вернувшись домой после долгих поисков, она аккуратно убрала его вещи, оставила во флигеле и заперла дверь...

... Если кому-то пришлось бы в голову каждый вечер наблюдать за домом на холме в отдалении от города, этот наблюдатель видел бы одну и ту же картину. Из месяца в месяц. Из года в год.

Когда солнце начинает сонливо клониться к закату, молодая женщина с семью висками садится на скамью за домом. У ног ее ложится крупный пес с твердым и длинным хвостом. До самой темноты женщина вглядывается в долину, напряженно замирает, когда ветер гнет высокую траву. Ветер, только ветер... И она вновь откидывается назад, гладит пса. Во флигеле во дворе лежат книги, ожидая хозяина. Постель там всегда разобрана, она меняет простыни каждые две недели. А когда сгущается такая темнота, что в траве не разглядеть и белого сполоха, женщина с собакой возвращается в дом. Окна освещаются изнутри пушистым светом теплого очага. Потом гаснут. И если бы наблюдателю удалось подойти к самым стеклам, он, возможно, услышал бы печальный полусонный шепот:

— Ну, значит, завтра. Где бы ты ни был, зверь, спокойной ночи. Спокойной ночи тебе, Лель.

СОДЕРЖАНИЕ

Культура, история, политика

Кришна Пракаш Шрестха	6
-----------------------------	---

Проза

Тамара Варфоломеева	26
Николай Гиняный	37
Светлана Казаринова	43
Любовь Рубанова	48
Наталья Стремитина	53

Поэзия

Анатолий Власов	68
Андрей Галамага	71
Нина Гейдэ	80
Ольга Грицаенко	88
Светлана Кобец	92
Анна Конева	99
Владимир Корнилов	105
Илья Короп	113
Андрей Расторгуев	124
Виктор Фет	134
Ольга Филиппова	144

Наши переводы

Тове Дитлевсен	150
Ингер Кристенсен	154
Кирстен Хамманн	156
Марианна Ларсен	157
Янина Кац	157
Галактион Табидзе	158

И проза, и стихи

Юрий Савченко	160
Николай Тимохин	171
Янина Чевеля	179